

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКА РЕСПУБЛИКИ  
ТАДЖИКИСТАН**

**ТАДЖИКСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ  
УНИВЕРСИТЕТ им. С.АЙНИ**

**На правах рукописи**

**УКД 809.155.0+802.0**

**ХАСАНОВА ГУЛБАХОР ИСМАТУЛЛОЕВНА**

**СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С  
КОЛИЧЕСТВЕННЫМИ ЗНАЧЕНИЯМИ В ТАДЖИКСКОМ И  
АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ**

**Диссертация  
на соискание учёной степени кандидата филологических наук по  
специальности 10.02.20 – сравнительно –историческое,  
типологическое и сопоставительное языкознание**

**Научный руководитель:  
Джамshedов Парвонахон Джамshedович  
доктор филологических наук, профессор**

**Душанбе – 2020**

|                                                                                                                                                                  |            |
|------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|------------|
| <b>ВВЕДЕНИИ.....</b>                                                                                                                                             | <b>3</b>   |
| <b>ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С КОЛИЧЕСТВЕННЫМИ ЗНАЧЕНИЯМИ .....</b>                                              | <b>16</b>  |
| 1.1 Дискретность и непрерывность категории количества в английском языке.....                                                                                    | 48         |
| 1.2 Выражение количественных отношений в системе частей речи таджикского и английского языках.....                                                               | 56         |
| 1.3 Существительные, употребляемые в Pluraliar и Singulariar Tantum .....                                                                                        | 80         |
| <b>ГЛАВА II. ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ И МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ ОРГАНИЗАЦИИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С КОЛИЧЕСТВЕННЫМИ ЗНАЧЕНИЯМИ В ТАДЖИКСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ.....</b> | <b>90</b>  |
| 2.1 Способы отражения сложных существительных с количественными значениями в сопоставляемых языках .....                                                         | 99         |
| 2.2 Формообразовательные суффиксы, выражающие множественного число в таджикском языке.....                                                                       | 105        |
| <b>ГЛАВА III. НУМЕРАЛЬНЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ В ТАДЖИКСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ.....</b>                                                                              | <b>117</b> |
| 3.1 Структурные особенности нумеральных сочетаний в сопоставляемых языках.....                                                                                   | 139        |
| 3.2 Случаи несоответствия существительных с количественными значениями в сопоставляемых языках.....                                                              | 152        |
| <b>ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....</b>                                                                                                                                           | <b>159</b> |
| <b>СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....</b>                                                                                                                                    | <b>168</b> |

## ВВЕДЕНИЕ

Слово представляет собой не только единицу лексико-грамматического строя языка, служащую для наименования предметов, процессов, явлений, оно (слово) является носителем грамматического значения, которое реализуется посредством специфических паттернов материального обозначения. Грамматическая категория, объективирующая единство грамматического понятия и его формальных показателей, может быть противопоставлена лексическому равно как определенное понятие абстрактному. Так, например, за каждой из следующих единиц *миз – a table, панч – five, thousands – ҳазорҳо* закреплено конкретное лексическое значение, а грамматический смысл этим словам придает грамматическая категория - понятие, подразумевающее наличие системы форм, передающих определенное, закрепленное за лексической единицей обобщенное содержание.

Известно, что грамматические категории отличаются своей многозначностью. В частности, можно отметить категории, суть которых составляют уникальные характеристики денотата определенного класса слов. К данной группе следует отнести формально содержательные категории, детерминирующие отношения объективной действительности.

Одним из основополагающих компонентов этой группы является категория числа имени существительного, в контексте которой отражается не только оппозиция «единственное число» ↔ «множественное число», но и реальные свойства объектов и их исчислимость. Наряду с формально-содержательными категориями выделяются собственно-формальные категории, обладающие семантической содержательностью для данной части речи, при этом, однако, характеризующиеся определенными формальными показателями. Примером данной категории может служить категория числа имён прилагательных ввиду ее фокуса не на свойства прилагательного, а класс существительного, с которым оно (прилагательное) согласуется в числе, роде и падеже.

"Согласовательная категория" является эквивалентом понятия "собственно формальная категория". Подобная неоднозначность грамматических категорий свидетельствует о том, что не все категории, образованные по принципу того класса слов (частей речи), представителями которого они являются.

Категории числа отличаются определенной степенью контрадикторности, поскольку они являются типичными для многих частей речи. Так, в таджикском и английском языках категория числа является характерным признаком существительного (*куттӣ-а box, қуттиҳо – boxes, олим - a scientist, олимон- scientists, нависанда – a write, нависандагон - writers*).

**Актуальность.** Как известно, число выражает количество, и в разных языках категория количества может быть актуализирована как при помощи лексических (например, числительными), так и посредством грамматических средств.

Исследователи, считающие категорию числа неотъемлемым компонентом глагольной системы, констатируют диверсификацию особенностей содержания этой категории не только в данной части речи, но и в существительном, для которого категория числа носит формально-содержательный признак. Категория числа имени существительного выражает противопоставление нескольких лиц или предметов одному лицу или предмету. Однако в ходе исследования было выявлено, что данная категория, за исключением аффиксации и редупликации, может передаваться и иными способами.

Первооснову категории числа формируют количественные связи, отраженные в сознании человека, а, следовательно, и различных языковых формах. Согласно исследованиям в области языкознания, во многих языках мира, помимо традиционного единственного и множественного числа, существуют и двойственное, реже тройственное числа; бывает множественное число, выражающее небольшое количество, зафиксировано

множественное число собирательного порядка и т.д. Отметим, что некоторые ученые не наделяют категорию числа в системе имени существительного статусом научной важности. .

Отдельные грамматические категории имени существительного, такие как категория рода в языках индоевропейской и семитской группы или именной класс в ряде языков Африки, некоторых кавказских и др., представляют собой ключевой прием в процессе формирования синтаксической связи (согласования) имени существительного и относящихся к разным частям речи лексических единиц. Традиционно, полевой подход, в рамках которого различаются семантические и структурно-семантические классы слов, является наиболее оптимальным в процессе изучения системных взаимоотношений в контексте современной теории семантики. Базовые характеристики языковой структуры фиксируются в словаре, и именно они идентифицируют максимально широкий спектр специфических атрибутов других уровней[50,220].

Следует отметить, что не только математика является фундаментальной платформой по апеллированию понятием числа, численности и их производными, а также близкородственными единицами. Эту функцию выполняет и философия, и целый ряд других разноплановых наук и направлений .

М.Н. Абдуллаева считает, что « совокупность является одной из основных морфологических категорий в языке» [1, 90]. В этой связи особую актуальность приобретают исследования, проведенные в морфологическом срезе сопоставляемых языков, направленные на детальное изучение категории числа.

В трудах таких ученых, как М. Косимова, Ш. Рустамова, К. Колинс, С.С. Дик, Д. Болингер, В.А. Фолей, А.М. Боль, А.А. Шахматова, Х.А. Искандарова, Ф.Ф. Фортунатова, Д. Умарова, А.М. Пешковский, Д.

Ходжаева, А.А. Реформатский, Тагоева Т.М., И.И. Мещанинова, А.В. Бондарко, Л.Л. Булганина, В.В. Виноградов, Л.В. Щерба, А.В. Исаченко, М. Абдуллаева категория числа и его грамматические особенности стали объектом пристального внимания.

В современной лингвистике наблюдается повышенный интерес к исследованиям типологического плана, предоставляющим возможность детально проанализировать каждое языковое явление, выявить его суть, определить уникальные характеристики содержательной основы в обоих языках, выделить изоморфные и алломорфные признаки, свойственные системам сравниваемых языков. Однако несмотря на подобное исследовательское многообразие, до сих пор остаются отдельные аспекты этой категории, заслуживающие стать эпицентром научного анализа. Данный факт является ярким свидетельством научной значимости и актуальности обозначенной проблематики.

**Объект исследования.** Отметим, что в таджикском языкознании категория числа, точнее ее изучение в сопоставительном плане (в нашем случае с английским языком) не становилась объектом лингвистических изысканий. Количественный и контент-анализ работ в этом направлении показал недостаточную степень изученности категории числа, паттернов её репрезентации в таджикском и английском языках, что и обусловило выбор темы настоящей диссертации. Более того, до последнего времени в сопоставительных исследованиях приоритетная позиция отводилась грамматическому строю таджикского и русского языков, что вытесняло проблему категории числа, и данная работа, на наш субъективный взгляд, представляет значительный интерес для научного филологического сообщества.

Отсутствие узконаправленных трудов по специфическим особенностям существительных с количественными значениями в таджикском и английском языках определило объект нашего исследования. Обширный литературный обзор источников, посвящённых изучению

морфолого-синтаксических особенностей системы английских существительных, показал, что вопросы её структурно-семантической специфики значений количества остались вне поля зрения ученых. Исходя из этого, в качестве объекта исследования обозначены структурно-семантические, грамматические и функциональные свойства существительных с количественным значением в таджикском и английском языках.

Так, настоящая диссертационная работа посвящена сравнительно-типологическому аспекту исследования существительных, реализующих количественное значение. Их семантическая специфика уже давно осмыслена лингвистами, но заявленный аспект до сих пор не был подвергнут компонентному анализу с целью выявления их семного состава. Ни отечественные, ни зарубежные эксперты в своей научной практике не концентрировались на комплексном охвате сем, включающих количественные существительные. Такое положение делает необходимым изучение семантических особенностей существительных с количественным значением с привлечением языковых реалий, обладающих различными морфологическими признаками.

**Материалом для исследования** послужили существительные, обозначающие количество в таджикском и английском языках; данный пласт был отобран из авторитетных лексикографических источников и художественных произведений современных английских, американских и таджикских писателей. В качестве опоры были выбраны, в основном, толковые, энциклопедические, фразеологические, переводные словари: таджикско-английский (П.Джамshedов), англо-таджикский (А.Махмадназаров), фразеологический (А. В. Кунин), англо-русский (И. Р. Гальперин) и русско-английский (ABBEEYLIMGVOx5 электронный словарь).

**Цели и задачи исследования.** Представленный краткий перечень уже изученных вопросов определил круг целей и задач настоящего исследования.

в который входят: сопоставление функционально-семантических свойств существительных с количественным значением в таджикском и английском языках; определение их общих и отличительных характеристик, а также выявление факторов и причин противоречий в использовании существительных с количественными значениями в сопоставляемых языках.

Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи:

- 1) определить изоморфные и алломорфные свойства выражения категории числа в таджикском и английском языках на основе рассмотрения структурно-семантических и функциональных характеристик категории числа в обоих языках;
- 2) установить критерии идентификации существительных с количественным значением в сопоставляемых языках;
- 3) выявить грамматические средства выражения существительных со значением количества в срезе межъязыкового изоморфизма и алломорфизма;
- 4) обозначить роль комплекса семантических связей в формировании структуры грамматической категории числа;
- 5) реализовать семантическую систематизацию лексических единиц, выражающих число, с точки зрения её полевой организации как структурно-семантического формирования;
- 6) детерминировать место числительных и определить структурно-словообразовательные модели числительных в сравниваемых языках.
- 7) конкретизировать структуры нумеральных сочетаний в обоих языках.

**Степень изученности темы.** В современных теориях языкознания наблюдаются различные исследовательские корреляции и многообразие концепций и принципов классификаций, в соответствии с которыми определяется принадлежность слов к определенным частям речи.

Непрерывное пополнение лексического состава языка является естественным процессом. Это связано с несколькими факторами: с появлением новых предметов/явлений, которые требует своего

номинации уже существующие предметы/явления приобретают дополнительные признаки, что также находит рефлексию в языке; бесконечный поток заимствований, обусловленный беспрецедентно высоким уровнем международного сотрудничества и технологическим развитием. Важно понимать, что все эти факторы негативно отражаются на процессе определения семантического поля каждой конкретной единицы и его изучении, не говоря уже о семантической реляции между лексемами/группами лексем. Безусловно, лингвистами осуществляется большой объём работ, посвященных различным вопросам частей речи в таджикском и английском языках, однако несмотря на их масштабность, данная проблема всё ещё сохраняет свой дискуссионный статус.

О степени изученности и разработанности темы настоящего диссертационного исследования свидетельствуют работы ряда известных ученых, которые акцентировали своё внимание на истории возникновения существительных с количественным значением, их функционировании в языке и пр.

Так, в трудах известных российских учёных А.А.Шахматова, Ф.Ф. Фортунатова, А.М. Пешковского, И.И. Мещанинова, В.В. Виноградова, А.А. Реформатского, А.В. Бондарко, Л.Л. Буланина, Л.В. Щербы, А.В. Исаченко, а также отечественных лингвистов Х.Умарова, Ш. Рустамова, М.Абдуллоевой, Б. Сиеева, М.Касимовой, Д.М. Искандаровой, Д.Ходжаева, Д.Саймиддинова, Т.Тагоевой, английских - К. Колинс, С.С. Дик, Д. Болингер, В.А. Фолей, А.М. Боль и ряда других исследованы грамматические категории существительных в разноструктурных языках и выявлены их характерные грамматические особенности.

В специализированной литературе исследователями рассматриваются всевозможные аспекты структуры и использования категории числа. Ученые-лингвисты, исследуя эмпирический материал различных языков, акцентируют внимание на способах выражения категории числа в языке; стремятся определить её иерархическую организацию в языке;

охарактеризовать способы употребления существительных с количественными значениями в таджикском и английском языках; раскрыть дифференциальные подкатегории в строении данного поля; дать характеристику семантической оформленности поля существительных с количественными значениями; систематизировать семантические признаки, представляющие поле данной категории и др.

В диссертационном исследовании прилагаются усилия для выявления и сравнения функциональных характеристик существительных с количественными значениями в таджикском и английском языках. Такие исследования важны для дальнейшего развития практического языкознания и методики преподавания исследуемых языков.

Основная тема охватывает особенности функционирования существительных с количественными значениями в разноструктурных таджикском и английском языках.

На сегодняшний день существует ряд важных для современного языкознания вопросов, связанных с теорией и типологией существительного: категоризация существительных с количественными значениями; функциональные типы использования существительных с количественными значениями; определение места существительных с количественными значением среди других лексико-грамматических средств референции.

Часть вопросов следует отнести к традиционному кругу интересов лингвистов; другие проблемы оказались в поле научного интереса не так давно. В ряде случаев выявлены принципиально новые сведения не только о существительных, но и о грамматике и языковых универсалиях. Сравнивая количественность и количество, ученые пришли к следующим весьма интересным выводам: именно количественность имеет право обладать статусом категории; в то время, как количество лишено такого статуса. Количественность, ввиду своей гносеологической природы, является плодом отображения в сознании людей количественных параметров, существующих

объективно в материальной субстанции, которые отсутствуют у количества [146,11]. .

Функциональная особенность существительных с количественным значением в таджикском и английском языках по своему сравнительному срезу заключается в демонстрации системы трёх координат: семантики, синтагматики и прагматики. В этой связи отдельные из вышеуказанных аспектов количественности, которые оказались вне фокуса внимания ученых, стали объектом нашего исследования.

**Методы исследования.** В работе нашли свое широкое применение целый ряд специализированных подходов, методов и приемов, в частности основными лингвистическими стали методы описания и сопоставления. Стержневым является сравнительно-типологический метод, на который опираются такие общелингвистические способы, как анализ и заключение, дедукция и индукция, классификация, сравнение и противопоставление, описание, подведение итогов. Применение сравнительно-типологического метода помогло установить идентичные и дифференциальные характерные черты структуры изучаемых языков.

**Фактическим материалом исследования** послужила специально собранная двуязычная картотека, презентующая равнозначные образцы. Для уточнения перевода произведений с русского на таджикский и с русского на английский языки осуществлялась ссылка на исходную, русскую, версию. Однако не игнорировались и первичные примеры на таджикском языке, поскольку автор данного исследования является носителем таджикского языка.

**Теоретическое значение** диссертационного исследования состоит в обстоятельном осуществлении анализа и изучении вопроса о специфических особенностях диалектики и её проявлении в составе таджикского и английского языков.

Сопоставительное изучение существительных с количественными значениям в таджикском и английском языках вызывает большой интерес с

точки зрения выявления и систематизации специфических явлений и закономерностей языков, а также случаев их сравнения. В связи с этим результаты, полученные в процессе выполнения настоящего исследования, существенно дополняют научные знания о семантической морфологической и синтаксической структурах количественности и предоставляют качественно новую информацию о способах передачи таджикских существительных с количественными значениями на английский язык.

Настоящее исследование может стать полноценной ресурсной базой, призванной консолидировать процесс углубленного изучения вопросов, связанных с системностью языка и его корпуса, органической природой корреляции лексических и грамматических феноменов.

Выводы диссертации дают основательное представление о выражающих количество существительных в таджикском и английском языках, а также способствуют решению общих вопросов лингвистической семантики и функциональной лексикологии. Существуют также перспективы использования результатов исследования при дальнейших теоретических разработках в области языкознания и в рамках решения теоретических вопросов частей речи сравниваемых языков.

**Практическая значимость диссертации** определена несколькими ключевыми для настоящего труда факторами: материалы, научная разработки и положения, а также выводы исследования можно использовать для проведения научных изысканий в области сопоставительно-типологической лингвистики, также для составления двуязычных и монолингвальных словарей, в том числе двуязычных и многоязычных грамматических словарей/справочников, разговорников; при чтении спецкурсов и спец семинаров по типологии, лексикологии, грамматике таджикского, русского и английского языков, теории и практики перевода; в ходе компиляции школьных и вузовских учебников, методических указаний для учителей/преподавателей, студентов-практикантов специализированных

факультетов и направлений подготовки, путеводителей для самостоятельного изучения языков и др.

**Методологическую основу** диссертационной работы представляют фундаментальные исследования по общему и сравнительно-типологическому, контрастивному языкознанию, глубокие, основательные изыскания в области теории частей речи, в том числе существительных, многогранных проблем функциональной семантики, фрагментарно или комплексно отраженных в научных трудах российских, таджикских и учёных из дальнего и ближнего зарубежья, таких как В.Виноградов, А. А. Реформатский, Ф. Брюно, И.И. Мещанинов, Л.В. Щерба, А.А.Холодович, Т.П. Ломтев, Е.В. Гулыга и Шендельс [Гулыга, Шендельс 1969], В. Дреслер, И. Пете, Т.В. Бондарко, С.А. Швачко, Клименко, К. Диас, Букреева, В.Я. Рудаева и Я.Г. Биранбаум, Н.И. Науменко, Н.И. Чернюк, С.А. Жаботинская, Т. Тагаева, С.С. Хидекель, Е.С. Кубрякова, А.И. Смирницкий, В.Д. Аракин, К. Колинс, С.С. Дик, Д. Болингер, В.А Фолей, А.М. Боль, Д.Абдукаюмов, М. Абдуллаева, А.Джумаев, Х.Умарова, М.Азимова, М. Муин, Н.Маъсуми, О.Джалолов, Т. Бердиева, З.Тураева и многие другие.

**Научная новизна исследования** определяется тем, что впервые в отечественном языкознании предпринята попытка полноценного, всестороннего анализа структурно-семантических особенностей существительных с количественным значением в функционально-семантических отношениях таджикского и английского языков.

Помимо этого новизна настоящей диссертации представлена в следующих факторах:

- . определена специфика формы существительных с количественным значением;
- обоснован категориальный статус свойств существительных с семантикой количества в сравниваемых языках;
- проведен системный структурный и функционально-семантический анализ свойств существительных с количественными

значениями в таджикском и английском языках в плане их внутриязыковой и междязыковой реализации системой разноуровневых средств;

- изучены такие части речи, как числительные, прилагательные, глаголы, местоимения, наречия и их синтаксические структуры в плане реализации лексического значения существительных с семантикой количественности в сопоставляемых языках;
- установлена позиция существительных с семантикой количественности в таджикском и английском языках;
- идентифицированы структурно-словообразовательные модели существительных с количественными значениями в таджикском и английском языках;
- выделена структура нумеральных сочетаний в обоих языках.

Элемент новизны в работу также вносит тот факт, что рассмотрение вопроса, связанного с сопоставительным анализом существительных с количественным значением через столь многогранную призму, до сих пор не становился центром внимания ученых.

**Основные положения**, которые выносятся **на защиту**, отражают и обосновывают все положения понятийного аппарата диссертации:

1. Категория числа является лексико-грамматической категорией, присущей нескольким частям речи. Будучи общезыковой универсалией, рассматриваемая грамматическая категория, является составляющей частью функционально семантических полей каждого языка;
2. Значение нумеративности реализуется в пределах иерархически сформированных семантических признаках;
3. Ядро структуры нумеральных существительных и способа их формирования составляют числительные;
4. Исследование и анализ аффиксального словообразования имен существительных с количественным значением играет особую роль в обогащении словарного состава сравниваемых языков.
5. Существительные с количественными значениями могут быть

объективированы в контексте парадигматических и синтагматических связей;

6. Реализация лексического значения существительных с семантикой количественности в таджикском и английском языках в рамках таких частей речи, как прилагательное, числительное, местоимение, глагол, наречие и их синтаксических структур.

7. Существительным с количественным значением присущ категориальный статус в сопоставляемых языках.

**Апробация и реализация результатов.** Убедительность и обоснованность научных позиций, выводов и итогов настоящей диссертации доказывается объёмной и содержательной базой источников, которые опираются на признанные в лингвистической науке концепции и научные труды ведущих ученых, ссылками на научные источники и использованием апробированных методов исследования.

Результаты диссертационного исследования, полученные на различных этапах его выполнения, нашли отражение в 7 статьях, 4 из которых опубликованы в рецензированных научных журналах, рекомендованных ВАК РФ. Основные положения и выводы диссертационного исследования были изложены на традиционных научно-практических конференциях профессорско-преподавательского состава Таджикского государственного университета имени Садриддина Айни и Таджикского технического университета имени академика М.С. Осими (2012- 2020).

**Структура и объём исследования.** Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения и списка использованной литературы. Объём основного текста диссертации составляет 167. страницы. Библиографический список литературы включает 233 наименований.

## **ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С КОЛИЧЕСТВЕННЫМИ ЗНАЧЕНИЯМИ**

Количество является одним из основополагающих элементов человеческого сознания, что обуславливает актуальность исследования вопросов, связанных с различными языковыми средствами выражения категории количественности, что, в свою очередь, придает этой проблеме статус ключевой в лингвистической науке. Н.Д. Дизенко под понятием количественности понимает "объективную определенность" качественно идентичных феноменов или как качество в его "пространственно – временном" срезе, сквозь пространственно-временную призму [132,6]. Ученый уверен, что семантика языковой категории количества непосредственно связана не только с понятиями абстрактного числа и дискретных и недискретных свойств, характерных для количества предметов, процессов и их признаков, но и с такими аспектами, как считаемость, измеримость и интенсификация".

Анализ узкоспециализированных источников показал, что философское обоснование проблемы количества зафиксировано еще в период античности. Так, суть его (обоснования) составляют семантическая и десемантизованная теории. В рамках первой количество и число независимы от человека и наделены самостоятельной сущностью. Однако эта позиция научно не обоснована. В контексте второй позиции (десемантизованное направление) отмечается исключительно философская сущность, поскольку число как показатель количества, отражая специфические свойства предмета, не наделены самостоятельным содержанием [132, 35].

Связь категории и качества была впервые констатирована древнегреческим философом Аристотелем. Н.Туси, ибн Сина и др. ученые Востока, разделяя позицию Аристотеля, провели дифференциацию количества, обозначив такие характеристики, прерывность и непрерывность.

Более того, непрерывное количество было разделено на несколько частей, между которыми, однако, были четко обозначены общие границы. В то время, как части прерывного (дискретного) количества не могут иметь общих границ. Исходя из этих двух положений, под термином количество воспринимались величина и число[7,550].

И. Кант и Г. Гегель выделили два абсолютно самостоятельных понятия: экстенсивная величина (множественность, непрерывное количество) и интенсивная величина (степень/уровень качества объектов). Мыслители были уверены, что величина тоже может передаваться через число. Гегель также выделяет понятие меры, при увеличении которой происходит трансформация количества в качество [28, 452].

В современной лингвистической науке выражение языковых средств количества считается одним из самых приоритетных вопросов. Отметим, что все языковые средства, коррелирующие с разными уровнями языка, представляющими своеобразное единство с семантико-функциональной общностью количества, составляют целый комплекс средств выражения количественности, к которым относятся формы кратности и совместности/взаимности действия; аффиксы сказуемости и принадлежности; нумеративы и числительные; перечисления и количественные наречия; местоимения-числительные и повторы и пр. Количество представляет собой обязательное свойство, поскольку придает понятию свойство предметности, вследствие чего происходит весьма тесное взаимодействие с категориальным значением существительных, ввиду чего существительные признаны основой лексико-грамматического состава языка, отражающей количественные отношения реальной действительности в рамках категории числа.

Основное назначение категории числа имен существительных заключается в квантитативной актуализации понятия, которое это существительное актуализирует.

Отто Есперсен полагает, что категория числа только на первый взгляд кажется очень простой, но при более детальном рассмотрении можно столкнуться со многими трудностями как логического, так и языкового характера [37, 404 ].

Литературный обзор узкотематических источников демонстрирует наличие целой серии работ, в которых фрагментарно или комплексно рассматривается сущность категории числа. Однако грамматические аспекты стали единственным ключом изучения; не нашли универсального, всеобъемлющего решения вопросы функциональности этой категории в разносистемных языках; ее позиция среди других морфологических категорий, структурно-семантические и стилистические особенности.

Знаменитый российский лингвист, этнически поляк И.А. Бодуэн де Куртенэ выделяет четыре вида математической количественности: 1) количественность интенсивности; 2) числовая; 3) временная; 4) пространственная. Ученый убежден, что ввиду общности этих видов с числом, сферой их применения может быть только физика [14, 313- 314]. Но величина и число априори не в состоянии отразить все виды количественных связей. В языке же данная категория актуализируется целым рядом средств, например, при корректном использовании категории степени прилагательных и наречий, вида грамматического числа, а также при помощи количественно-именных конструкций, деривационных средств (аффиксов) и т.д.

Будучи понятийной категорией, «количество» входит в круг компетенций языковедов. Исследователь А. А. Реформатский в начале 60-х годов XX в. отмечал, что функция языка заключается не только в отражении мыслительных процессов; язык хранит информацию о достижениях человеческого разума, фиксируя ее посредством числа. Ученый выражает твердую уверенность в том, что «без числа немыслима не только любая наука, но и любое знание, любое отношение к жизни» [78, 542].

Напомним, что категория количественности на протяжении многих лет остается лейтмотивом многих исследований, однако до сих пор существуют неизученные аспекты данной проблематики.

Ш. Рустамов, проанализировав грамматические категории имен существительных современного таджикского языка, выделяет две основные - категории числа и множества. Анализ собранных материалов показывает, что в сопоставляемых языках категория числа может быть реализована семами единичности и множественности, обнаруживая свое обозначение в видах указанных чисел [83, 216].

А. Джумаевым впервые были рассмотрены лексико-грамматические свойства нумеративов и нумеральных единиц в таджикском языке. Интересны суждения исследователя о том, что «нумеральные понятия репрезентуют категориальную принадлежность исчисляемого предмета и включают значения, выражающие универсальные обозначения штучности предмета. Таджикский ученый отмечает, что нумеральные слова призваны назвать предмет как единичное целое, а также конкретно указать на главные классы предметов» [133, 23].

А. Джумаевым была также рассмотрена история становления нумеративов таджикского языка. По его мнению, основа происхождения нумеральных существительных в таджикском языке, прежде всего, кроется в его богатом лексическом наследии, т. е. наличии исконно-таджикских слов [133, 12-23].

Т. Тагоева исследовала семантическое поле количественности в сопоставительном плане в разноструктурных языках [105, 136].

А.А. Худякова предлагает весьма неоднозначную трактовку количества: это онтологическая (физиологическая) сущность; это качество объектов объективной реальности; это обладающий невероятным по своей силе влиянием на человека неотъемлемый атрибут реального мира. Таким образом, концептуализируясь в сознании, количества генерализируется в понятие "количественность". Из этого следует, что именно количественность

как бы "присваивает" парадигматические свойства и полноправно может носить статус грамматической категории. Количественность же, в соответствии с позицией А.А.Худяковой, выступает следствием отражения количественных параметров объективно существующей материальной субстанции в сознании людей. Более того, гносеологическая природа свойственна только количественности, а не количеству. [146,11].

Универсальная модель взаимодействия мышления и языка реализуется в уникальном паттерне: материальная, независимая от человеческого сознания, сущность бытия, является количеством, познается человеком через язык. Подобная интерактивность порождает семантическую категорию количественности, которая по сути является определенным признаком предмета, и явления действительности, объективируемые при помощи разноуровневых единиц [1, 11].

По мнению профессора Ю.А. Левицкого, «язык как постоянно развивающаяся система позволяет анализировать в динамике все особенности ее составляющих, что дает возможность выявить разноуровневые одинаково функционирующие языковые единицы, а также изменения в функционировании одной и той же единицы в зависимости от внеязыковых и языковых условий» [55, 362].

В этом комплементарном процессе язык демонстрирует свои системные характеристики и отражает свою динамику, что подразумевает использование определенных языковых единиц, реализующих свои различные, в первую очередь, семантические функции [55, 362].

По утверждению создателя системо-мыследеятельностной методологии Г.П.Щерба, «объект, который является носителем функций, и среда, где эти функции реализуются, вступают с своеобразными отношениями, исследовать которые призван функциональный подход. Роль объекта в системе определяет круг его функциональных обязанностей. Границы объекта проектирования как системы идентифицируют формат его

описания, что изначально требует фиксации процессов функционирования в данном объекте. [123,432].

В соответствии с позицией профессора, член-корреспондента РАН А.В.Бондарко, «использование системного подхода применительно к языку позволяет объединить языковые единицы в определенные множества, образующие системы; взаимосвязь этих единиц обуславливает целостные свойства каждой системы. Функциональная грамматика, ориентированная на изучение и описание закономерностей функционирования грамматических единиц во взаимодействии с элементами разных языковых уровней в передаче смысла высказывания, явилась следствием развития функционально-системного подхода» [15, 10].

Категориальные и функциональные аспекты являются неотъемлемой частью грамматики. Под категориальным аспектом понимается система классов и категорий, грамматических единиц, тесно связанные с ними словообразовательных и лексико-грамматических феноменов. Функциональный паттерн находит выражение в закономерном "деятельном" характере грамматических единиц в непосредственной корреляции с другими разноплановыми языковыми сегментами [23, 7-20].

Н.А.Кобрина, специалист в области грамматики, убеждена, что «при сопоставлении единиц разных языковых уровней выявляется их взаимодействие, анализируется качественная парадигма единиц какого-либо уровня с количественным нарастанием качественных характеристик от низших к высшим уровням» (48,496).

Результат исследований ученого Лога проявляется в том, что «функциональная трактовка языковой системы связана, в первую очередь, с назначением языка. В рамках функционального подхода язык рассматривается как система коммуникации и грамматика анализируется с точки зрения ее организации, что предоставляет возможность говорящему

или пишущему создавать значения и обмениваться ими». Суть этого подхода заключается в стремлении к пропорциональному соотношению формы и четко обозначенной коммуникативной задаче в определенном контексте [203,12].

Полисемия грамматических форм числа, обусловленная семантико-грамматической асимметрией, является следствием того, что числовые формы конкретных имен существительных, обладающие парадигматическими признаками, могут семантизироваться в том числе и при помощи дополнительного к базовому категориальному числовому значению. Эти трансформации происходят под контекстуальным воздействием.

Значение единственного числа является весьма характерным для специфической группы конкретных существительных, то есть имен собственных. Смягчение и некую умеренность данной позиции придает только референтное оперирование данным грамматическим сегментом (именем собственным).

Актуализация синкретических функций (синкретизм - слитность, нерасчлененность, характеризующие первоначальное, неразвитое состояние) лексико-грамматических значений происходит благодаря лексикализации конкретных существительных с многосложной семантикой. Данный синкретический показатель, дополненный семантикой множественного числа является полновесным инвариантом, то есть абстрактной структурной единицей языка, флексии множественного числа.

Семантике единственного числа присуща аналогичная форма выражения, не представленная, однако, в качестве омонима в форме множественного числа; воспринимать ее следует в качестве омонима словообразовательного компонента.

Ввиду своей сложнейшей семантической нагрузки вторичные для имени существительного единицы - абстрактные существительные - не могут быть совместимы с систематизирующей категорию числа идеей счета. Смысл

абстрактных существительных не позволяет им актуализировать числовые категориальные значения. Обще категориальное значение предметности абстрактных существительных включает в его состав значимый атрибут - форму того или иного числа, которые не наделены семантическим содержанием данной категории, будучи «пустыми» в плане количественной семантики.

Подобная контрадикторность составляет основу семантико-грамматической асимметрии в срезе абстрактных существительных. Однако, в отдельных случаях присутствует своеобразная кооперация между "абстрактной семантикой и семантикой числовых форм", что может послужить свидетельством наличия относительной «пустоты» числовых форм абстрактных существительных. Развитие абстрактных существительных в векторе конкретности позволить сократить или полностью избавиться от семантико-грамматической асимметрии. При этом лексико-семантическая объективация абстрактных существительных отличается симметричностью числовой парадигмы, природа которой заключается в праве лексической единицы иметь значение и формы обоих чисел. Уточнение оригинальной (здесь единичной) формы абстрактного существительного призвано реализовать симметрию. Отметим, что конкретизация/уточнение - это классический план реализации существительных, которые в оригинале обладают плюральной формой, в то время как омонимия применяется при оперировании существительными-плюративными.

Вещественная семантика существительных коррелирует с асимметричностью. Семантика не дискретных субстанций проявляется в несовместимости с идеей счета; вещественность же наделяется формальными (типовыми) признаками.

Языку, в силу его бытности медиумом социального взаимодействия, отводится ключевая роль в организации и актуализации коммуникативных связей между собеседниками. В контексте функционального подхода, за

языком закрепляется статус системы человеческой коммуникации. Соответственно, именно исходная функция детерминирует "деятельностное" поле языка, то есть использование последнего в качестве средства вербальной коммуникации, реализующее конкретные, представленные в форме комплементарных, сложнейших образцов социальной коммуникации цели членов общества. Акцент при этом делается преимущественно на функциональные связи, представленные на нерелевантных уровнях формирования грамматики, объективирующих прагматические, синтаксические и семантические функции корреляция которых отражается на коммуникативной функции грамматического строя как отдельного языка, так и целой группы языков .

Связь языковых единиц, которая обеспечивается за счет того, что языка функционирует как средство общения, может отличаться определенной диверсификацией обусловленной наличием инвариативных характеристик языковых системы и норм. Следовательно, в основе функции каждой отдельной языковой единицы находится определенное назначение.

Функциональные особенности языка всегда представляли интерес для исследования и, как правило, эти вопросы рассматривались в рамках таких видов речевой деятельности, как говорение, аудирование (слушание), чтение, письмо и аспектах языка - лексика, грамматика, фонетика, обладающих соответствующим терминологическим аппаратом, каждый элемент которого подразумевает под собой релевантные функциональные характеристики.

Различные языковые единицы и категории, а также их рчеобразовательные функции изучаются в контексте парадигматических и синтагматических связей. «Парадигматика является областью закономерного варьирования единиц и категорий языка в процессе их функционирования для построения речи. В свою очередь, синтагматика есть область закономерного сцепления, объединения единиц и категорий языка для построения речи». Основу языка, как инструмента социальной коммуникации, составляет огромный пласт коммуникативных

контекстов, представленных в виде уже систематизированного формата. Однако инвариантная семантика этих контекстов не выступает в качестве приоритетной грамматической категории, а носит статус вторичной [30, 52-53].

Соответственно концепции С.И. Канонича, без учета значений функциональная семантика грамматических категорий не может быть выявлена и описана в контексте. Если первичное понятие носит, чаще всего, лингвистический характер, то вторичное подразумевает вовлечение в свой состав коммуникативных и прагматических элементов и обусловлено ситуацией речи [105, 84-85].

Грамматическая категория представляется как «упорядоченная взаимосвязь оппозиций значащих единиц, т.е. ряда слов, соединенных одним основным смысловым началом и всесторонний формальным свойством, что обнаруживает свое отражение в системе форм». Так, под грамматической «категорией числа» понимается некая общность количественных признаков предметов мысли, выраженных в понятиях «множественное число» и «единственное число». Категория числа создает «количественные связи, существующие в реальной действительности, отраженные в сознании носителей языка, имеющие свое морфологическое обозначение в подобранных морфологических формах каждого конкретного языка».

Лексическое проявление грамматического числа, или лексического числа, которое представляют числительные или количественные, выраженные в форме разных частей речи («много», «единственный», «сотня»), является одним из ярких, явных показателей общей языковой категории количества. Напомним, что только личным местоимениям и существительным присуща грамматическая категория числа, в то время как другим лексико-грамматическим группам лексических единиц свойственна синтаксическая категория числа, в соответствии с которой на первый план выступает флексия синтетического типа, то есть происходит согласование

форм числа, существительного и личного местоимения. Разрушенная система флексий, как одна из главных характеристик аналитических языков, обуславливает спорадическое согласование по числу. Так, в английском языке, например, не происходит согласования между прилагательными, местоимениями и существительными (*ḏūstoni ŷ-his friends*; *ḏūsti ŷ – his friend* [22,110-111]). В грамматике понятие существует в закодированной форме. Так, семантические различия в конкретном речевом сообществе считаются значимыми, и, следовательно, грамматические категории «единственное число» и «множественное число» кодируют их. В корне каждой грамматической категории лежит семантика, благодаря которой в разных языках они приравниваются друг другу не на фоне различной грамматической формы, а на основании некоторой общей семантической основы(19, 44-45).

Понятие числа имеет древнюю историю, и большинство источников констатируют, что пятеричная, десятеричная и двадцатеричная системы исчисления свидетельствуют о том, что именно части тела легли в основу системы счета. Например, числительное «два» коррелирует с различными органами человека и животного (два уха, две руки, две ноги, два глаза и т.д.), другие числа получили свои названия в соответствии с количеством пальцев.

Так, например, часть руки от запястья до кончиков пальцев принято называть кистью - «пясть» - выступает в качестве синонима и этимологической основы числительного «пять». Для обозначения чисел первобытный человек, как известно, использовал жесты, в частности раскрытая кисть обозначала число «пять». Следовательно, рука представляла универсальный предмет исчисления.

Количество числительных, по понятным причинам, лимитировано, и процесс их образования завершалось предельное число. В качестве неопределенного «много» воспринимались количества, лежащие за пределами этого самого крайнего числа, но при необходимости счет велся

посредством повторения уже использованных числительных. Исследователи уверены, что за каждым числительным закреплён некий фон, представляющий его культурологические, логические, индивидуальные, психологические особенности. Изначально каждое число отличали уникальная конфигурация, мифический бэкграунд, «силовое поле» [19,44].

Особый исследовательский интерес в контексте функциональной семантики числительных представляет культурологический аспект понятия числа ввиду его эмпирического характера. Так, в истории культуры и языка, число не может выступать в качестве просто абстрактного знака или понятия.

Мы считаем эту позицию вполне правомерной и полагаем, что в таджикском и в английском языках, а также в других языках мира, только числительное является оптимальным способом выражения количества.

В таджикском языке лексические единицы, обладающие количественным значением, могут быть выражены наречием (бисёр, кам), именем существительными количественного значения (бисёрӣ, фаровонӣ), собирательным существительным (тӯда, гала), фразеологическими оборотами. Ещё одним способом репрезентации количества можно считать метафоризацию, то есть процесс употребления слов или выражений в небуквальном, иносказательном смысле (як тӯда китоб – pile of books). В контексте исследуемой проблематики это особый ряд слов, совмещающий свойства имени существительного и числительного. Слова с метафорическим значением неопределенно большого количества составляют лексико - семантическую парадигму [132, 5].

В ряде лингвистических работ рассматриваются вопросы, связанные с семантикой и функционированием существительных с количественными значениями и их всевозможными сочетаниями, к которым относятся существительные, выражающие неопределенно большое количество. Эти единицы могут быть представлены в двух группах: семантической и фразеологической.

В семантической группе существительные с количественными значениями можно разделить на три класса:

1) слово, с прямым значением неопределенного множества (як олам, як дунё, бисёр, беҳадду ҳисоб, хеле – a lot of, loads, not a few, not a little not a bit );

2) слова, обозначающие разные множества в прямом и переносном значениях (бисёр, зиёд, хело, ғарам, тӯб, як гала – hear, як тӯб санг - a hear of stones, як тӯб ангиштсанг - a hear of coal, хело бисёр кор- a hear of work, одами бисёр, як гала одам – heaps of people, вақти бисёр – hear of time, ҳазор бор – heaps of times, хатогии бисёр кардан – to make a hear of mistakes, пули бисёр доштан – to have heaps of money, дар он чо онҳо пур буданд – there were heaps and heaps of them, дар ин мавзӯ китобҳои зиёд навишта шудаанд-there are heaps of books on this subjects, оиди ин масъала бисёр чиз гуфтан мумкин – there is heaps more to say on this question, ӯ худро хело хуб ҳис мекунад – she feels a hear better; pile- як тӯб санг- pile of stones, як- тӯб ҳезуми сарчиин карда шуда - pile of wood, хело зиёд нофорамӣ - pile of trouble;

3. слова, обозначающие неопределенно большое множество только в переносном значении (ғарам, тӯда, як гала, –loads, як тӯда китоб – loads of books, қарзи зиёд (як гала қарз)- a mountain of debts [132, 6].

Н.В. Дизенко классифицирует слова, актуализирующие количественные значения. Автор перечисляет субстантивные словосочетания [132 ,8] с разным содержанием:

а) значение неисчисляемого множества (хело зиёд, беҳадду ҳисоб, хеле, лак андар лак – a lot of, loads, not a few, not a little not a bit – ҳазорҳо - thousands (of), a multitude (of), ahost (of) ҳазорҳо одамон— thousands of people ), кор беҳадду ҳисоб, зиёд — a thousand and one things to see to, ташвиши зиёд — a hear / sea of trouble, ҳикмати хело зиёд — wisdom infinite;

б) значение неопределенного большого количества - a huge number (of), a hear (of), як дунё, як олам , аз ҳад зиёд (афзун)- a great deal (of); piles (of), heaps (of), loads (of) ӯ аз ҳад зиёд пул дорад — he has piles / heaps / loads

of money, ў як дунё, як олам кор дорад - he has piles / heaps /of work, одамон аз хад зиёд буданд— there were swarms of people there, ниҳоят зиёд, анбӯҳ- masses (of);

в) значение неисчислимого множества – хело зиёд - swarms (of) масса, зиёд, бисёр- маълумоти зиёд - a mass of information. Дар он чо камелия (вид растения) ва азелия (вид растения) зиёд буданд. There were masses of camellias and azaleas. Пагоҳи болои мизи ман ниҳоят зиёд мактубҳо буданд - There is a mass of letters on my table this morning. Қисми зиёди одамон дар интихоботи намояндагон иштирок накарданд - The great mass of the people had no part in the election of representatives, пура -in the mass, oceans – вақтизиёд - oceans of time, бисёр ашк резондан - I had cried oceans of tears, як қатра дар баҳр- a drop in the; села- swarms – селай ҳашарот- swarms of flying insects, галаи занбур - swarm of bees;

г) значение небольшого количества, немного—якчанд, тӯда, даста, гӯруҳ – танҳо як чанд нафар - handful, knot, cluster (of people), чамъ шудан, якдаста, як гуруҳ — gather in knots, cluster together, якқатра, яккулт, якзарра, якгард, якрезғ - a drop (of), a bit (of), a grain (of), a little (of); як зарра ҳамне — not a bit, як зарра ҳам ҳасуди дар вай дида намешавад (як зарра ҳам ҳасуди нест) — there isn't a drop of jealousy in her, як култ ба даҳон нагирифтанд — never touch a drop, қатраи охирин — the last straw (that broke the camel's back), то охирин қатраи хун чангидан - fight to the last, то қатраи охирин — to the last drop.

Существительные с количественным значением с семантической позиции можно разделить на несколько групп:

а) қўшун -army, армада – армадаи мағлубнашаванда — the Invincible Armada , баталён – battalion, баталёниоташфишон — rifle battalion, алоқаибаталён — signal battalion , баталёнисапёрӣ — field engineer battalion , батарея - батареяиасосииозмоиш - basic test battery, бригада - brigade; subdivision- бригадаитанкӣ — tank / armoured, team; crew бригадаиқатора — train crew, бригадаи коргарон — team of workers, gang of labourers бригадаи

таъминкуни — maintenance crew / team, взвод — platoon- взводи ҳарбӣ — full bent, rear notch , лашкар - troops дастаи муҳофизон — covering force , қўшуни танку автомобилҳои зирехпӯш — armoured troops / forces, қўшунҳои алоқа - communication troops, қўшунҳои инженерӣ — sappers, дивизия - division, даста — дастаи сӯхторхомӯшкунон — voluntary fire brigade, ғуруҳи халқӣ— voluntary police, police helpers , public order squad, легион - legion, рота - company ротаи алоқа— signal company, communications company, ротаи минометӣ — mortar company, ротаи сапёри — field (engineer) company, ротаи оташфишонӣ — rifle company, ротаи штаби — head quarter(s) company , полк - regiment , полки авиатсионӣ — air regiment; саф — formation, сафи аспон— mounted formation, сафипиёдагардон — dismounted formation, дар сафи пиёдагардон — dismounted, сафи рӯ ба фронтпаҳншуда — (extended) line, сафизич — open order, сафи фронт — line abreast, сафи килватери (изи рафтӣ кишти) — line ahead; column, сафи парвоз — flying formation, Басаф баробаршудан— fall in!, флот - fleet , флотибаҳри — navy - армия ва флот — army and navy — marine, флотидарёӣ — inland water transport, флотитиҷоратӣ — mercantile marine; merchant fleet, хизмат дар флот — serve in the navy, флотиҳавоӣ — air force, air fleet, флоти ҳарбии ҳавоӣ — air force, майдон - front, эскадра - squadron;

б) тӯда, ғала, даста, анбӯх, ӯрда, отряд, зумра, оила, ҷамъомад, издиҳом, хор, самоъ - crowd, throng, тӯдаи бачагон— bevy of children, дастаи ғоратгарон, авбошон, роҳзанон - band; gang; mob; ring, отряди пешқадам — advanced detachment; vanguard, отряди пионерӣ — Young Pioneer unit;

в) аслиҳахона - arsenal (of), store (of), донишимукамал — a wealth of knowledge, идеяҳои бисёр — an arsenal (of) ideas, донишибисёр — the store of knowledge, архив - archive, тӯда, картотека - card-index, card-register, card file, file, card register, card system, рӯйхати интиҳоб шудагон — voters' list, рӯйхати ғалати- errata, рӯйхати номҳо — nominal list, roll рӯйхати шахсӣ — muster roll, рӯйхати захмиён ва ғавтидагон— casualty list, рӯйхати ҳалокшудагон — list

of deaths, рӯй хати ғавтидагон дар чанг— roll of honour, тирдон - charger, cartridge clip, анбор - store (of), stock (of); a lot (of), a pile (of) ;

г) тўп - , банд, ғарам, бағал - pile (of); hear (of) яктўдакоғаз — pile / hear of papers, як олам хабарҳои тоза — heaps / lots of news як олам кор — heaps / lots of things to do, бағал – armful, якбағал ҳезум — armful of wood, як бағал беда — armful of hay;

д) гулдаста - posy, bouquet, nosegay, як даста гул - bunch of flowers, бандча - bundle, bunch; fascicle, банчаи гул — bunch of flowers, як банча коҳ— wisp of straw, straw wisp, дастаи шуоъ — pencil of rays, як банча электронҳо — electron beam, мӯи қабза карда шуда (причёска) - bun, knot, даста, овеза – bunch, sheaf , якдастакоғаз — sheaf of papers, овезаи калид — bunch of keys , дарза, даста— sheaf, як даста шуоъ — shaft of light,хӯша – bunch, cluster, хӯшаи ангур — bunch/cluster of grapes хӯшаи банан — bunch of bananas;

е) оила,силсила – swarm )hive, host, оилаи занбурҳо- swarm of bees; силсилаихотирот— host of thoughts,тўда, гала, рама, пода, села, занчир – herd, flock, crowd, галаи аспон - herd of horses, занчири филҳо — herd of elephants, рамаи гусфандон — flock of sheep [132,36].

Проведённый анализ показывает, что в обоих языках существительные с количественными значениями с семантической позиции делятся на три класса, это существительные с количественными значениями с прямыми значениями неопределенного множества; с разными множества в прямом и переносном значениях, и слова, обозначающие неопределенно большое множество только в переносном значений. Упомянутые классы выражаются богаче в обоих языках, но при переводе с одного языка на другой язык происходит их грамматическое изменение.

Факты показывают, что в обоих языках эти слова употребляются в составе словосочетаний, и при переводе с таджикского на английский язык существительное передается в виде плюрала.

Определяется ряд реализующих количественное значение существительных, которые употребляются в разговорной речи, передавая

большое количество: ҳарос, даҳшат, воҳима, фалокат, бадбахӣ, аҷал, нобудшавӣ [132, 64]. Помимо этого, выделяется еще одна группа лексических единиц, презентующих большое количество - слова тематической группы "место жительство, обитания" – ошёна, киштии Нӯх, хайма, канду, деҳа, шаҳр.

Проведенный анализ позволил нам провести собственную классификацию существительных с количественными значениями. Мы разделили их на группы в соответствии со специфичной доминантой, которая может быть представлена двумя, тремя лексемами:

а) кӯшун - армада, баталён, батарея, бригада, взвод, лашкар, дивизия, даста, легион, рота, полк, саф, флот, майдон, эскадра - army, armada, battalion, battery, brigade, subdivision, team, gang, crew, platoon, troops, forces, division, voluntary, legion, company, regiment, formation, fleet, front, squadron;

б) тӯда - гала, даста, анбӯх, ўрда, отряд, зумра, оила, чамъомад, издиҳом, хор, самоъ, маърака - crowd, throng, band; gang; mob; ring, detachment; vanguard, unit;

в) аслиҳахона-анбор, архив, тӯда, картотека, рӯйхат, тирдон arsenal (of), store (of), a wealth of, archive, card-index, card-register, card file, file, card register, card system, list, charger, cartridge clip, store (of), stock (of); a lot (of), a pile (of) ;

г) тўп-банд, ғарам, бағал - pile (of); heap (of)

д) гулдаста- бандча, даста, овеза, дарза, хӯша - posy, bouquet, nosegay, bunch of flowers, bun, knot тӯда, гала, рама, пода, села, занчир – herd, flock, crowd, галаиаспон - herd of horses, занчири филҳо — herd of elephants, рамаи гусфандон — flock of sheep ;

е) оила - тӯда, гала, рама, пода, села, бачаҳо, лаҳим, занчир - herd, flock, crowd, swarm, hive, host;

ё) бахр, укёнус – кул, обхезӣ, тӯфониоб, туғёниоб, кӯлмак – sea, ocean, lake, flood, storm, puddle

ж) чангал- боғ, дарахтзор, тайга, навда, бутта – forest, garden, wood, jungle, taiga, young growth, bushes, shrubs ;

з) кўх – пушта, тўб, азамат, азим, харсанг, теппа, кулўх, ғарамшавй, пирамида, барфтўда – mountain, hill; bulk, block, mass, mound, pyramid, snowdrift,

и) нара – мавч – billow, wave;

й) девор – панчара, каторак – wall, fence, palisade

к) корвон- нақлиёт, қатора – caravan, vehicle, wagon

л) силсила – занчир, шадда, порча, нах, шероза, лента, пўпак, ҳошия – file, line, flail, bunch, stripe, thread, tape, fringe, kerb;

м) замина, завлона – парда, чодар, рўйпўш, катон, суфра, қолин – canvas, net, muslin, curtain, shroud, shawl, cover, canopy, linen, tablecloth, carpet;

н) чўйбор, дарё- нахрча, фавра, сел, тарма, мавч, мад, афзоиш – stream, torrent, flow, river, stream, avalanche;

о) шаршара, шалола – waterfall; cascade ;

п) фаввора, гейзер – fountain, geyser;

р) таркиш- шиллик, оташ, шафак, вулкан – explosion, volley, fire, glow, volcano ;

с) тўфон- гирдбод, тундбод, бўрон – storm, vortex, tornado, squall, hurricane, blizzard, snowstorm ;

т) борон, жола- боронисел – rain, hail, heavy shower;

у) талаф, тарс, даҳшат – воҳима, фалокат, бадбахтӣ, ачал – loss, fear, passion, terrify, nightmare;

ф) вагон- ароба, систерна, чувол, сатил – carriage, cart, cistern, bag, sack, tub [132, 76].

Ранее нами уже было отмечено, что единицы с количественным значением могут быть представлены в форме разных частей речи и в контексте разнообразных оборотов речи, в частности фразеологических. Согласно справочным данным, фразеологизм, или фразеологическая единица – это комплекс устойчивых по составу и структуре сочетаний,

словосочетаний и предложений, которые отличаются своей лексической неделимостью и целостностью по значению и выполняющие функцию отдельной лексемы (словарной единицы). Фразеологизм употребляется как некая целая, неразделимая на отдельные компоненты единица, а перестановка ее составляющих недопустима. Необходимо отметить, что семантическая слитность фразеологизмов характеризуется неоднозначностью: во фразеологических сращениях, т.е. в идиомах, значение целого фразеологизма не выводится из составляющих его слов, а во фразеологических сочетаниях целостность значения вытекает из суммы значений, составляющих сочетания.

Фразеологизмы, будучи выразительным средством языка, являются историческими и культурными артефактами. Исследователи констатируют фиксацию этих устойчивых оборотов в специальных сборниках и толковых словарях с конца 18 века, однако представлены они были разными номинациями: крылатые выражения, пословицы и поговорки, идиомы, афоризмы. Согласно некоторым историческим источникам, М. В. Ломоносов в процессе составления «Словаря русского литературного языка» планировал включить в его содержание такие термины, как «фразесы», «идиоматизмы», «речения», под которыми подразумевались обороты и выражения, но в силу объективных и субъективных причин не реализовал свою задумку. Подчеркнем, что фразеологическая система русского языка оказалась в поле серьезного научного интереса сравнительно недавно.

Ф.Ф. Фортунатов, И.И. Срезневский, А.А. Шахматов, А.А. Потебня и другие ученые рассматривали вопросы, связанные с фразеологией, лишь фрагментарно, в формате отдельных, кратких заметок. Данная тенденция в российских научных кругах сохранялась вплоть до 40-х годов 20 века[112, 235].

Статьи академика В.В.Виноградова положили начало основательному изучению фразеологии. Его разработки стали опорной точкой дальнейших исследований в этой области и способствовали появлению отдельной,

самостоятельной лингвистической дисциплины "Фразеология". Именно В.В.Виноградов классифицировал фразеологические обороты русского языка в срезе их семантической слитности [21, 166]. .

Сегодня фразеология находится на этапе своего бурного развития, но наряду с целой серией научных открытий в этой сфере, дискуссионный статус сохраняет вопрос определения фразеологизма в современном языкознании. Некоторые ученые (А.И. Ефремов, С.И. Ожегов) предлагают проводить четкую смысловую дифференциацию фразеологии, выделяя своеобразное семантическое поле этого термина, включающее специфический (узкий/ограниченный) и пространный (широкий/неограниченный) смыслы. Фразеология в ограниченном понимании - это "хранилище" только идиом, а под широтой/пространностью понимается комплекс всех устойчивых выражений - «крылатых слов», пословиц и поговорок; хотя отдельная группа исследователей относят пословицы и поговорки к малым фольклорным жанрам и опровергают их фразеологический характер [21, 166]. .

На взгляд Н.М. Шанского, который воспринимает фразеологию исключительно в широком смысле, трактует «фразеологический оборот как сформированную из нескольких эмфатических компонентов языковую единицу, воспроизводимую уже в готовом, фиксированном виде. То есть для него фразеологизм отличает постоянство структуры, значения и состава. Отметим, что ученые признают фразеологизмы в качестве самостоятельной части языкознания, закрепляя за ними следующие критерии: качество, понятие, признак, явление, состояние, ввиду чего во многих случаях наблюдается их синонимичность словам, под которыми традиционно понимаются единицы лексико-грамматического строя языка, служащие для наименования предметов, процессов (на каждом шагу – повсюду, прикусить язык – замолчать, правая рука – помощница).

Фразеологизмы всегда считались особым явлением в языке, благодаря своей образности и способности украшать и обогащать речь. Они

выполняют уникальную функцию по "заполнению" пробелов в системе языка и на порядок снижают уровень противоречий, возникающих между лимитированными языковыми ресурсами и потребностями мышления.

Образная интерпретация явлений, а также определенные эмоциональные, экспрессивные и импрессивные значения и смыслы закреплены за фразеологическими сочетаниями, обладающими регистром неформальности, то есть относящимися к разговорной речи [117, 160].

Фразеологические единицы (далее ФЕ) ввиду их сложной природы становятся многогранным объектом исследования. Руководствуясь различными концепциями, ученые разработали множество классификаций, однако относительно единого принципа категоризации неоднозначных выводов пока сделано не было. В русском языке известны классификации А.В. Молоткова, Н.М. Шанского, в английском – А.И. Смирницкого, А.В. Кунина, в таджикском - М.Н. Азимовой, Н. Маъсуми, М. Фозилова, Р. Гаффарова, Х. Джалилова.

А.В.Молотков представляет тройку базовых толкований фразеологизмов: «устойчивые словосочетания с идиоматическим значением; устойчивая фраза; сочетание слов с переносными значениями». При этом ученый приписывает им такие свойства, как экспрессивно-эмоциональная окраска, образность и метафоричность. В соответствии с классификацией, разработанной исследователем, фразеологизмы следует разделить на шесть групп: именные, глагольные, адъективные, адverbиальные, глагольно-препозитивные и междометные. Так, например, для именных ФЕ характерно единство лица (как грамматической категории) и предмета. Лицо, как известно, свойственно целому ряду семантико-тематических разрядов этих фразеологизмов, несмотря на их частное лексическое содержание; а второе, то есть предмет, сосредоточен на всевозможных индивидуальных лексических значениях [67,70].

Н.М Шанский, в контексте своей классификации ФЕ, делит их на семь категорий: 1) глагольные ФЕ, 2) субстантивные ФЕ, 3) наречные ФЕ, 4)

адъективные ФЕ, 5) междометные ФЕ, 6) модальные ФЕ, 7) союзные ФЕ. Исследователь настаивает, что самыми продуктивными являются: глагольные, субстантивные и наречные ФЕ [117, 160].

Проблема классификации ФЕ была рассмотрена таджикскими учеными Н.А. Маъсуми, М. Фозиловым, К.Гаффаровым, Х. Джалиловым.

Отметим, что в отечественном языкознании имя Н. Маъсуми связано с первой попыткой классифицировать ФЕ. Таджикский ученый разделил их на две группы: глагольные и именные.

М. Фозилов, в соответствии со структурным принципом, делит ФЕ на восемь типов: 1) а) глагольные ФЕ, б) глагольные ФЕ с предлогами; 2) причастные ФЕ; 3) а) субстантивные ФЕ б) ФЕ с предлогом; 4) различные изафетные ФЕ; 5) а) редуплицирование ФЕ; б) пословицы и поговорки; 7) советы и назидания; 8) различные клише, формулы, просьбы, пожелания. [110, 952]

У Р. Гафарова своя классификация ФЕ, определяемая им как семантическая, и в ее контексте происходит деление фразеологизмов на три группы: 1. Фразеологические сращения; 2. идиоматические выражения; третья группа, оставаясь безымянной включает ФЕ, один компонент которых имеет прямое значение, а другой - употребляется в переосмысленном. [27, 101-223].

Фразеологические выражения, фразеологические единства фразеологические сочетания, фразеологические сращения - именно эти категории ФЕ, по мнению А. Х. Джалилова, являются наиболее оптимальной классификацией. Фразеологические обороты, по его мысли, состоят из наречных, субстантивных, адъективных, глагольных фразеологизмов, которые объединены одним термином - номинативные ФЕ.

Отметим, что к фразеологическим средствам выражения количества в таджикском и английском языках относятся следующие ФЕ: субстантивные, адъективные, глагольные и адвербиальные.

В.В. Шевченко в своей работе говорит о значениях числовых компонентов в английской ФЕ, где объективируется переносное значение.

Ученый Р.М Исканова говорит о десемантизации нумерального значения у числительных, то есть об обозначении неточного количества: Нодон метавонад дар як *soat* саволҳои зиёдро пурсон кунад ва оқил чандин солҳо ҷавоб ҷуяд- a fool may ask more questions in an hour than a wise man can answer in seven years.

Из приведенного примера можно заключить, что в таджикском языке выражение количественности обладает характеристикой неопределенности, в то время, как в английском количество актуализируется посредством числительного.

А.В. Кунин ФЕ английского языка субстантивного подкласса делит на 10 подгрупп, которые описывают многообразие жизни людей, их чувства, одежду, еду и питье, явления природы, животных и т.д. [224, 343].

В девятый подкласс включены ФЕ, обозначающие определенный период времени: *мудати зиёд* - *donkey`years*, пеш аз дамидани субҳ – *the small hours*, *дуру дароз*-a month of Sundays[224, 343].

Как показывает анализ, эти ФЕ не представляют никого конкретного значения, в них всегда присутствует элемент неопределенности.

Английские ФЕ делятся на исконно английские, которые составляют подавляющее большинство, и заимствованные. Независимо от их этимологии, английские ФЕ делятся на 11 групп: 1) именные ФЕ, 2) глагольные ФЕ 3) атрибутивные ФЕ, 4) наречные ФЕ, 5) модальные ФЕ 6) междометные ФЕ, 7) связочные (функция которых заключается в создании связи отдельных частей предложения или целых предложений, обладающих сверхфразовым единством) 8) сравнивающие ФЕ 9) двойные, 10) идиомы, описывающие людей, 11) идиомы, описывающие чувства и настроение, физическое состояние.

Фразеологизмы, в составе которого есть числительное, не обязательно обозначают точное количество. В этом случае числительное

утрачивает семантическую ядерную нагрузку, что приводит к потере ядерной семы, а также к размыванию информации о точном количестве и порядковости, то есть строго определенном месте в счетной последовательности.

Количественные значения во фразеологизмах актуализируются в степени проявления определенного действия или признака при его неопределенном количестве или полном его отсутствии. Числительное и/или его омонимы в составе этих устойчивых единиц могут передавать разную степень количественности: высокую, низкую, соответствия, начальную, нулевую, среднюю. .

Самым характерным признаком является значение высокой степени, в передаче которой участвуют числительные всех разрядов и омонимичные им части речи. Данная категория фразеологизмов подвергается различным типам структурного варьирования: компонентному, синтаксическому, морфологическому и морфемному. Наиболее частое применение наблюдается за варьированием компонентов определенно-количественных числительных: например, *ду (се, панч, дах) қадам роҳ (наздик) – a few steps away, зинда нӯст кандан - skin smb alive.*

Важно понимать, что при образовании фразеологизма числительное утрачивает сему, точное количество, что обуславливает способность фразеологизмов к варьированию компонентов определенно-количественных и порядковых числительных (*мо ҳафм нушм - for seven generations, хеши хари тағой - second cousin twice removed*).

Возможности столь явного видоизменения объясняются тем, что порядковое числительное, становясь компонентом фразеологизма, теряет сему строго определенного места в последовательности по счету, но сохраняет элемент, относящийся к последовательности или к ряду однородных предметов.

К фразеологизмам, передающим наивысшую степень скорости совершения действия можно отнести следующие: *як дам, як нафас, як лаҳза -*

*in a blink, instantly, бо як қалам задан, якбора - with a stroke of the pen, мез - put one's best leg forward, дар як мижа задан in a ticks, шамол барин – show your heels! шарт- шурт вассалом- one, two, three and it's done!, дар як бор, дар як нишаст- in one go, at a sitting [124, 23]*

В.Г.Адмони предлагает закрепить за числительными статус независимости/автономности в составе КФЕ. Эта концепция, как полагает ученый, позволит посредством их количественных (количественных) составляющих объективировать несколько смысловых групп:

а) комбинированные количественно-временные в оппозиции медленно/быстро: *бо як тир ду паррандаро куштан - to kill two birds with one shot;*

б) неопределенно – количественные в оппозиции много/мало): *аз шодйсар ба фалак кашидан, аз хурсандии зиёд дар осмони ҳафтум будан - to be on cloud nine; як задани оҳангар, сад задани сӯзангар - one eye of the master`sses more than ten of the servants;*

в) количественные (лексическое значение числительного) *Баъд аз хӯроки пешин камтар нишин, баъд аз хӯроки шом як мил гард - After dinner sit a while after supper walk a while, як соати пагоҳӣ беҳ аз соати бегоҳ- an hour in the morning is worth two in the evening [2, 107]*

г) качественные значения с количественным признаком или без него;

д) количественно – пространственные в оппозиции далеко/ близко.

В рамках этой же концепции, числительные преобразуются в самостоятельную часть речи с полевой структурой. Так, ядро этой структуры будут составлять количественные числительные, а к периферийной зоне, соответственно, примкнут лексико-семантические разряды числительных (дробные, порядковые и пр.).

Национальный колорит ФЕ актуализируется в следующих трех положениях:

1) ФЕ являются яркими репрезентантами национальной культуры, которая в силу объективных и субъективных причин, в ходе естественного

эволюционного процесса распадается на множество единиц, в отдельных случаях безэквивалентных;

2) способность комплексного, нерасчлененного отражения культуры зафиксирована за английскими фразеологизмами, которые презентуют национальную культуру посредством своей фразеологической семантики;

3) отражение уникальности национальной культуры происходит при помощи прототипов фразеологизмов, поскольку генетически свободные словосочетания являются своеобразными паттернами, передающими информацию об обычаях, традициях, особенностях быта и культуры, исторических событиях и пр [2,8]

Сравнив английские и таджикские ФЕ с количественным значением, можно выделить следующие тематические группы ФЕ с числительными 7, 9:

1) характеристика эмоционального, душевного состояния человека:

*Аз шодӣ сар ба фалак кашидан - in the seventh heaven, up to the nines to crack smb, up to the nines, on cloud nine;*

2) характеристика интеллектуальных способностей, характера и нравов человека: *бисёроқил - wise, нӯсткандан - skin smb alive, ҳардамҳаёл - smb.never knows what he wants from one minute to the next;*

3) характеристика родственных связей, единственный фразеологизм – (седьмая вода на киселе): *хеши хари тағои - second cousin twice removed;*

4) работа: *то арақшор шудан қор қардан - workuntil exhaustion;*

5) ФЕ теологического происхождения (книга, тайна): *муаммо –it is Greek to smb; гуноҳи азим – the seven deadly sins.*

6) характеристика действия (степень полноты действия): *бе чуръат будан -atsixandsevenths, тақрибан ҳама - ninetenths, одатан –nine time out of ten, ҳама чизи дастрас буда - thewholenineyards, мӯзаи тезгард - seven- league boots [224,273].*

Английские фразеологические единицы, содержащие числовые компоненты, можно разделить на две большие группы:

1) английские ФЕ, чье ядро составляют числовые компоненты: *Second thoughts are best*- фикри дуюм аз хама бех, *first think, then speak* – аввал андеша в-онгоҳ гуфтор [225,273];

2) английские ФЕ, в составе которых числовые компоненты находятся на периферии: *once bitten, twice shy*-як бор газидагӣ ду баробар шарм мекунад (метарсад), *half a loaf is better than no bread* – нимто нон бех аз бенонӣ. [233,273]

Анализ показал, что числовому компоненту в английских ФЕ отводится неоднозначная роль: трансляция конкретного значения и сохранение семантики числа.

По частоте употребления и степени продуктивности число *One (1)* занимает лидирующие позиции в английских ФЕ. Вторую позицию в этом вопросе справедливо следует отдать числительному “*seven*”. Ввиду своей прецизионности (точности) порядковые числительные практически никогда не изменяют свои конкретные значения в составе ФЕ.

Под числовым компонентом, как правило, подразумевается обозначающая число лексическая единица (слово) . При фразеологизации, однако, числовые компоненты наделяются новыми смыслами, в частности в таких значениях, как “неопределенное количество (*two*), предельно малое количество (*one*), неопределенно большое количество (*nine, three, seven, hundred, thousand, million*)” и т.д.

В числовых компонентах находит свое полноценное отражение символика определенного временного этапа или счета, предела (*seven, nine, hundred, twenty, thousand, ten*). Прочие смыслы - явление более редкое ввиду своей сакральной семантики. Так, например, цифры *seven, six, three* обозначают счастье, удачу; *seven, hundred* объективируют значение интеллектуальности и мудрости.

Порядковые числительные, как известно, выражают порядок предметов при счете. Количественная определенность, в отличие от количественных числительных, не коррелирует с числом предметов.

Порядковые числительные на синтагматическом уровне выступают в значении “единичность”, “порядок” счета. В парадигматическом представлении фиксируется однозначность семантического плана количественных (суммарное количество) и порядковых (место/позицию в количественном ряду) числительных. Анализ показал, что эти различия становятся более прозрачными благодаря именно контексту. «Порядковые числительные приобретают признаки качественности; количественные числительные реализуют как точное, так и неточное число. В сочетании с существительными порядковое числительное не влияет на морфологическую форму определяемого, тогда как количественные числительные конкретизируют множественность, выраженную парадигмой существительного» [2,98].

Возвращаясь к "фразеологическому" осмыслению вопроса, подчеркнем, что фразеологизация способствует качественным изменениям числительного, поскольку последнее приобретает принципиально новые, не свойственные ему признаки. Фразеологизмы, уверены ученые, являются вполне естественным результатом переосмысления значений свободных словосочетаний. В этой связи семантическое наполнение компонентов заключается в придании эмоциональной окраски указанной реалии, а в основу этого процесса положена соответствующая реляция слов свободного употребления.

Согласно позиции Л.В Шербы, человеку в рамках ежедневной коммуникации не свойственно "языкотворчество"; в его арсенале имеется изобилие уже готовых фраз, образ, оборотов и мыслей, которые он успешно использует во всевозможных контекстах общения. Важно обратить внимание и на двоякую сущность ФЕ: с одной стороны, семантика слов-компонентов ФЕ репрезентует конкретную картину, а с другой, истинный смысл целой ФЕ никак (или практически никак) не связан со словарными значениями этих лексем и создает совершенно иной образ/представление. Из этого следует,

что ФЕ являются прямым результатом или полновесным продуктом речевой практики [123,432].

Во фразеологическом сочетании значение только одного из слов воспринимается в качестве переносного. При поверхностном, неглубоком рассмотрении фразеологических сочетаний может создаться мнение о полном соответствии их синтаксических связей общепринятым нормам современного словосочетания. Однако при детальном анализе становится очевидным, что в рамках живого общения они (ФЕ) используются в качестве готового продукта, как нечто воспроизводимое, а не организуемое в процессе речи. Этому способствует факт высокой степени устойчивости и семантической ограниченности фразеологических сочетаний. Примером фразеологических сочетаний могут послужить следующие английские ФЕ с числовыми компонентами: *feel like a million dollars* - *нағз ҳис кардан*; *look like a million dollars* – *бисёр хуб ба назар намудан* [122, 432].

По типу синтаксических конструкций фразеологизмы таджикского языка делятся на а) фразеологизмы-таркиб, б) фразеологизмы-словосочетания, в) фразеологизмы предикативной и полупредикативной структуры.

«Таркиб»-ом (сочетанием) в таджиковедении принято называть фразеологизмы, построенные на редупликации. Причём редупликация может быть представлена планом выражения (повтор одной и той же лексемы) «*най дар най*» - *one after another* (непрерывно, букв. один за другим), «*як ба як*» - *one by one* (все до единого, букв. один к одному).

Идиомы являются семантической группой ФЕ, для которой характерны цельнозначность и устойчивость. При этом, однако, общая семантика идиомы никоим образом не связана с семантикой ее составляющих, а содержание идиоматического выражения отличается повышенной сложностью и необычайной красочностью, что не свойственно другим семантическим типам.

Пословицы любого языка входят в категорию особых продуктов языкового народного, национального сознания, и в определенном смысле данный пласт рассматривается как актуализация опыта предшествующих поколений и/или отдельных представителей этноса/нации. Антропоцентрическая составляющая пословиц заключается в объективации через знакомые образы: тадж. «*Шуши нақд беҳ аз дунбаи насия*»— англ. «*a bird in the hand is worth two in the bush*», тадж. «*Сад андешаву як гуфтор*» - «*Measure thrice and cut once*» [233, 76].

Достаточно частым явлением считается использование в идиомах обобщенных понятий, нежели частных.: *даҳ ангушташ даҳ ҳунар* (букв.у кого-л. десять пальцев – десять ремесел) в знач. «быть мастером на все руки» - *Jack of all trades!* [233, 76].

Образно-обобщенное значение в идиомах передается параллельно с понятийно-образными смыслами, хотя здесь фиксируется отсутствие понятийного элемента. Так, образные нюансы данного значения находят отражение в совокупности различных форм волевых побуждений и эмоциональных проявлений, к которым относятся выражения оскорбления, печали, осуждения, интереса, крайнего удивления, сожаления, неприязни, похвалы, поощрения, предположения, необходимости, подтверждения, отрицания и других эмоциональных проявлений и интенций.

Идиоматичные образно-обобщенные значения, созданные на базе эмоциональных и волевых элементов личности, могут быть дифференцированы посредством деления на отдельные группы:

а) выражение эмоциональных значений и оттенков. Основным посылом здесь является образность плана выражения;

б) выражение порядка мысли говорящего лица. В этой группе выражается грамматическая модальность: *аввал ин ки* – *first of all* (букв.сперва) в знач. «, во-первых,». в) выражение сожаления, раскаяния по: *сад дареғ*(букв.сто сожалений) в знач. «к сожалению» [233, 76].

## Вывод

Имя существительное является приоритетной частью речи в процессе объективации количественных связей реальной действительности в пределах категории числа.

Основная функция категории числа имен существительных номинируется квантитативностью. Понятия «число», «количественность» употребляются для названия категории квантитативности. К объекту категории количества можно отнести следующие разнотипные единицы: . числительные, грамматическую категория числа, счетные слова, квантификаторы, кванторы и т.д.

Актуализация существительных с количественными значениями происходит на морфологическом, лексическом, словообразовательном и синтаксическом уровнях. Данная категория транслируется семами единичности и множественности.

Существительные, личные местоимения и глаголы входят в группу, которой присуща грамматическая категория числа. Остальным лексико-грамматическим объединениям слов свойственна синтаксическая категория числа, в рамках которой происходит согласование формы числа с формой существительного и личного местоимения.

Семантическое развитие имени существительного можно разделить на два этапа:

1) вектор развития направлен на противоречащие концепции счета значения, в связи с чем собственно счетный смысл перемещается в периферию, что морфологически фиксирует новую, не точную семантику, и число становится «пустым»;

2) эволюция в контексте дополнительных или абсолютно новых значений, что включает две тенденции: а) сохранение исходной симметричной парадигмы числовых форм и значений лексемы; б) лексикализация в одной из парадигматических форм (например, мн.ч.), что призвано создать семантико-грамматическую асимметрию.

Остовом в полисемии грамматических форм числа является контекст использования парадигматических числовых форм существительных, в котором последние (существительные), симультанно к опорной числовой семантике, получают добавочный, второстепенный смысл.

Некоторым (конкретным) существительным, актуализация которых возможна в обеих числовых формах, изначально присуще только значение единственного числа, и именно контекст определяет корректность/некорректность их употребления.

Формирование парно- или многосложных существительных, за которыми закреплены конкретные семантические нагрузки, осуществляется на основе множественного числа, что наделяет существительное синкретическими характеристиками, свойственными показателям лексико-грамматического содержания. Все это легализирует процесс восприятия флексии множественного числа в форме синкретического показателя таких значений, как словообразование и множественное число.

Формы выражения единственного и множественного числа могут быть аналогичны, но не омонимичны, поскольку последнее в большей степени присуще словообразовательным компонентам.

Концепция счета априори противоречит сущности абстрактных существительных ввиду их сложнейшего семантического контента, где одной из фундаментальных составляющих является общекатегориальное значение предметности, а не количественная семантика. Последнее делает эти существительные абсолютно «пустыми».

Несмотря на то, что в таджикском языке наблюдается реляция абстрактных существительных с показателем множественного числа, при этом отмечается факт их неисчисляемости. Ср.: *шик* (love) –friendship, *дӯст* (дружба) – *дӯстиҳо* (дӯстиҳояи хам дурӯғ будааст)).

Однако встречаются примеры единения абстрактной и числовой семантик, что констатирует относительную «пустоту» числовых значений. В

подобных случаях следует говорить о морфологическом аспекте числа и наличии опорной точки парадигматической пропорциональности.

Таким образом, в ходе исследования данной парадигмы было выявлено, что объективация вещественных существительных происходит в рамках и количественной, и предметной призмы, а конкретные существительные актуализируются только через количественную. Сборные же существительные, чья сущность проявляется и в оценочной семантики, ни при каких условиях не могут обладать коррелятивными формами числа, за исключением редчайших специфичных случаев.

В ходе нашего исследования мы не опирались на классическую позицию относительно семантико-грамматической асимметрии неизменяемых конкретных существительных. В этой связи нами была предложена равноценная, но более рациональная методика, согласно которой не предполагается разграничение флексий изменяемых и неизменяемых существительных; следовательно воспринимать флексии первых следует воспринимать как морфологизированные аналоги вторых. Подобную эквивалентность мы предлагаем обозначить термином "импофлекс" или "импофлексия".

Рассмотренные в работе примеры асимметричности, которые представляют паттерн грамматико-семантической непропорциональности являются ярким доказательством того, что значения числа и способы его объективации существительными имеют отличаются неоднозначностью и турбулентностью.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что классическая функция категории числа создает две площадки для 1) симметрии единиц с несобственно-предметной семантикой и 2) многозначности числовых форм. В связи с чем приходится говорить о движении от центра к периферии - центробежности и движении от периферии к центру - центростремительности.

### **1.1. Дискретность и непрерывность категории количества в английском языке**

Язык находится в эпицентре развития огромного числа процессов, связанных с познанием различных явлений, понятийных и терминологических аппаратов и пр. Условная дифференциация мира на материальный и идеальный обуславливает посредническую роль языка (впрочем как и любой другой знаковой системы) в этом процессе. Понятийная дифференциация и номинация элементов материального и идеального миров всегда считались универсальным механизмом дискретизации. Э. Кассире в своих суждениях о дискретных единицах, отмечает, что «отражение мира в языке зависит не только от свойств объекта, но и от познающего субъекта. Так, слияние элементов в единство не является следствием наших чувств, а представляет спонтанный акт репрезентативной способности, зависящий от творческой силы субъекта».

По мнению ученого, осознание объективной картины мира происходит посредством языка. Важным фактором является то, что различия между языками порождают не только расхождения во внешней форме, но и дифференциацию картин мира. Именно в языке человеку вновь отводится роль так называемого завоевателя континуального мира, который был некогда разрушен в ходе применения дискретных механизмов. В этой ситуации ответственность за создание синтетического единства из дискретных интуиций накладывается на язык, который призван создать объект, однако данную созидательную функцию языка ощущает на себе и субъект. Разделение ведет к индивидуализации, которая, как бы это парадоксально не звучало, порождает единство. И именно язык, в силу своей уникальной природы, способен и объединять (интегрировать), и разделять (дифференцировать).

Анализ показал, что современная научная мысль изобилует интерпретациями терминов «континуальное» и «дискретное». Так, например,

в своем базовом значении - это непрерывность (единство) и прерывистость (отделение, разграничение единиц).

В другом срезе оппозиция "континуальное/дискретное" выступает в качестве синонимов "сложное" (дискретизируемое) и "простое" (условно-атомарное).

В прошлом столетии комбинации "часть/целое" (или дискретное/континуальное или прерывность/непрерывность) придавали философский контекст, симультанно отмечая как смежные, так и независимые свойства всех материальных объектов.

Данная мировоззренческая концепция характерна для начальных этапов познания, где под прерывностью понималось раздельность однородного, непосредственного бытия, а непрерывность представлялась в тотальности, целостности и даже в некой тождественности бытия самому себе.

Познание является предметом оперирования абстрактным количеством, которая при этом не рассматривается как нечто конкретное (число или величина).

Дискретное бытие, естественно, презентует множество, а непрерывное объективирует единое. Следовательно, непрерывность и дискретность призваны получить "количественное" осмысление, хотя количество может трактоваться и как непрерывная, и как дискретная величина.

Проанализировав весь спектр дефиниций, мы пришли к выводу, что дискретность, или прерывистость представляет скачкообразную модель процесса развития. В то время, как континуальности свойственна некая целостность (даже дискретных элементов), постоянная связь и, что самое главное, цикличная и умеренная трансформация состояний.

Несмотря на наличие в языке многочисленных фактов, свидетельствующих о разноплановой взаимозависимости целого и частного

(части), лингвисты, тем не менее, на протяжении длительного периода времени намеренно их (эти факты) игнорировали..

Э. Сепир, американский лингвист и антрополог, подчеркивал, что сложности изучения отношений «часть - целое» обусловлены именно психологическими факторами: 1) неспособность или нежелание разбивать объект на более мелкие объекты; 2) осознание потребности прервать речь или неспособность продолжить ее ввиду формального или неформального количественного учета объектов [89,22].

Э.Нагель, чешско-американский философ, в контексте своих дескриптивных изысканий вкладывает в «целое» смысл процесса, состоящего из множества отдельных, вполне независимых друг от друга действий (процессов).

Исследование показало высокую степень важности сравнительно-сопоставительного анализа всех стадий речевого произведения, включая даже интенцию и реакцию реципиента. Семантическое поле лексемы «целое» может включать и временные этапы, то есть определенные части конкретного временного отрезка.

То, что в физико-математических науках называется включающим желаемое, планируемое количество частей континуумом, в языкознании именуют предложением, а его части обозначают в качестве временных интервалов.

Протоколы проведения лингвистического анализа и грамматического разбора предложения аналогичны в плане следования разработанному американскими языковедами принципу «непосредственных составляющих», где последние являются образцом прерывных частей.

Понятие уровня становится основополагающим в случае избрания языка в качестве предмета научного исследования, поскольку это понятие позволяет адекватно отразить уникальные характеристики языка и дискретность его элементов.

Для многих исследователей непрерывность и дискретность являются фундаментальными признаками категории количества. Отметим, что число может стать инструментом выражения отдельных величин. Для определенного количества, в отличие от абстрактного, неизбежно лимитирование. В этой связи ученые настаивают на ненеразделимости прерывного и непрерывного, хотя не игнорируют факт возможного взаимоотрицания, когда "одно выступает как единство многого, а многое – как одно".

Интересны суждения Ю.А. Урманцева о взаимосвязи категорий «прерывное/непрерывное» и «мера/качество/количество» [161, 41- 70]. Ученый полагает, что отсутствие рефлексии качественной определенности в «прерывном/непрерывном» свидетельствует о дифференциальных свойствах меры/количества/качества.

Возвращаясь к философской трактовке, отметим, что «категории «прерывное» и «непрерывное» являются неким этапом на пути познания бытия, а данная фаза выполняет функцию одного из ключевых составных компонентов в формировании понятий числа, единичного, множества, величины, длительности, определенности и т.п. Отметим, что с онтологической позиции, *единое* трактуется как нечто одинаковое, повторяющееся, неделимое, входящее во «все», комплексное, целое, монолитное (усиленное значение). С точки зрения гносеологии, *единое* – это начало всякого бытия, всякого множества» [12,22].

Традиционно под множеством подразумевается комплекс или совокупность объектов, выделенных по какому-либо признаку в обособленную группу. Согласно позиции Н.Л. Белопольской, «формирование идеи количества множества как целое разделяется на составные части. Мыслительная категория множества представляет собой единство двух ее проявлений - идеи множества (числа) и идеи величины» [12,22].

Другой автор Миргородская наделяет эту категорию качественно-количественными признаками, выделяя ее базовые критерии: "1. семантическая наполняемость; 2. онтологический характер; 3. гносеологический характер" [140, 7].

Первый критерий связан с языковыми построениями в сознании: закрепление и способы презентации идеи. Второй основан на фактически существующих компонентах. А гносеология в данном случае проявляется в осознании общих и отличительных паттернов.

Категория множества рассматривается учеными как одна из дискретных вариаций количества, реализуемого за счет стандартных вычислительных операций. Помимо этого, за объектами закрепляются степени уже проявленных континуальных свойств и определенный уровень интенсивности одного из непрерывных признаков.

Таким образом, объективное количество представляет собой итог счета и/или измерения. Отображающее количество и количественные связи понятия *число* считаются результатом логически обоснованных операций счета/измерения. Напомним, что в объективной действительности представление количественной определенности отличается двойственностью: дискретностью (происходит с помощью счета) и недискретностью (путем измерения). Соответственно, "мощность множества как дискретная совокупность разнородных объектов" находит свое полновесное определение именно в числе. [71, 227-228].

Число является не только важным инструментом в процессе освоения знаний, ему (числу) отводится основополагающая роль в развитии адекватных моделей поведения. «Число это не простая нумерация и связь объектов и их частей. Число непосредственно коррелирует с языком в процессе эволюции человеческого мышления - от диффузно-предметных попыток первобытного человека до статуса кво в понимании числа» [80, 76-87].

Обозначенный величиной результат измерения интенсивности непрерывного количества объективируется в числе. Категория числа попала в ракурс повышенного внимания не только лингвистов, но и математиков. Математическое осмысление получает комплекс количественных представлений, поскольку представляет собой определенный аспект всеобщего бытия. В связи с этим целесообразным считаем рассмотреть количественную сторону языкового мышления.

Число, величина, объем, степень развития свойств традиционно идентифицируют суть количественной определенности предмета и его частных проявлений. За каждым объектом материального мира закреплён статус качественного образования, обладающий целым комплексом характеристик. Все существующие в пространстве и времени материальные объекты обладают некими свойствами, призванными стать предметом сравнения и сопоставления, что позволяет говорить об их количественной определенности.

Для категории количества наиболее релевантной характеристикой может считаться абстрактность, свойственная мышлению современного человека, которое, в свою очередь, обусловлено объективной действительностью и опосредованностью характера. Количество следует отнести к материалистической диалектике, для которой свойственно относительная индифферентность содержанию и качественным паттернам. Абстрагирование в этом случае наделяется статусом основополагающего процесса.

Критическому анализу подвергается взаимосвязь количества и объективных качественных характеристик. Качество и количество призваны актуализировать мыслительную категорию количества, под которой подразумевается результат отражения "количественной определенности бытия, что делает категорию количества универсальным, логически выверенным этапом к познанию действительности"[70, 287].

Обратим внимание на понятие «категория», которая представляет

собой исключительно субъективное ментальное образование и считается продуктом деятельности человеческого мозга, чья основная функция заключается в активном классифицировании предметов материального и нематериального миров.

Наличие категории количественности и ее универсальность констатируется во всех естественных языках, но в подавляющем большинстве особой активностью отличается грамматическая категория числа, охватывающая оппозицию *единственное/множественное*. В некоторых языках фиксируется двойственное и тройственное числа.

Эта тенденция стала триггером для идентификации только, или конкретно единственного, двойственного, тройственного и так далее чисел, что привело к "перенасыщенности в языке и неэкономичности мыслетворчества". Пласт лексических единиц, обслуживающих конкретные системы счета, а также оппозицию «одно-многие» обусловило их абстрактное восприятие, что способствовало "отмиранию" этих форм [112, 215].

Познание людьми количества посредством грамматического обобщения конкретных множественных чисел в абстрактном множественном числе можно считать уникальной практикой в вопросах восприятия и реорганизации объективной действительности.

С позиции лингвистического научного знания, функционирование многогранных грамматических категорий (особенно тех, что выражают соответствующие философские универсалии) представляет собой полисистемное раскрытие категориального строя мышления, получающее при этом предметно-структурную экспликацию.

Категория числа, действительно, активно функционирует как одна из многочисленных словоформ существительного, прилагательного, глагола и пр., которые объединены категориальным содержанием грамматической идентификации числа. В эту категорию помимо чисел входят и "соответствующие коллокации, ведь грамматическая категория параллельно

представляет собой и форму фиксации разноплановых реляций между лексемами, и класс эквивалентных в определенном отношении слов" [53, 47].

Лексическая репрезентация количества (имя числа) неразделима с грамматическими способами объективации категории количественности. В отдельных языках данная категория лексем лимитирована, то есть у числа первого десятка в этих языках несколько названий (реже одно). В большинстве языков фиксируется активное грамматическое и лексическое развитие данного разряда слов, сформировавшихся в самостоятельную часть речи – числительное.

Грамматическая категория количественности представляет собой исключительное по своим функциям средство реализации универсально-мыслительной категории количества. В ходе исследования была доказана ее способность "отражать не только многообразие предметов и явлений, но и транслировать (посредством фонетических, лексических, словообразовательных и синтаксических средств) их повторяющееся единообразие и широчайший качественный и цифровой спектр различных величин".

### Вывод

Дискретные элементы поясняются как отдельные, отграниченные единицы. Многие ученые считают дискретность и непрерывность основными признаками категории «количество». Моментами количественной определенности бытия полноправно считаются прерывное и непрерывное. Множество (многое) обозначено как дискретное бытие, а недискретным (непрерывным) является единица, одно (единое). Дискретность и непрерывность могут функционировать в режиме взаимоотрицания и взаимозаменяемости. Именно эта взаимность в своем положительном и негативном проявлении способствует пониманию сущности непрерывного и дискретного.

## 1.2.Выражение количественных отношений в системе частей речи в таджикском и английском языках

Количественные различия и сходства всегда находили реализацию в языке, которая отличалась своей разноплановостью. Уникальность же категории числа заключается в том, что она может быть полноценно представлена и в форме существительного, и прилагательного, и местоимения, и глагола. Другой ее отличительной особенностью является способность взаимодействовать с определенным лексическим значением тех слов, посредством которых она выражается. Например, собирательные существительные, обозначающие совокупность однотипных сходных лиц, предметов как единое целое (*сайд* – *hunting*, *кабудӣ* – *verdur*, барг – *foliage*, *либос*-, *linen*), в подавляющем большинстве случаев не могут быть представлены во множественном числе. Следовательно, грамматическая категория числа является доминантой, объединяющей остальные имена, при этом она не остается "безразличной" к семантической наполняемости этих слов.

Существительные в сопоставляемых языках разграничиваются на основе наименования общекатегориального понятия предметности. Название предмета является главным семантическим свойством имен существительных, образующих центр обозначения предметности в языке. Тем не менее, предметность, как главная отличительная особенность в семантическом составе существительных, может вступать во взаимодействие и с другими семантически характерными чертами, в частности акциональности (*роҳбарӣ* – *leadership*, *сӯзиш* – *burning*. *Each period of history inevitable leaves a deep trace in the fate of the people and in fluence the future formation and further development of the nation* [233,93] атрибутивации (*зебоӣ* – *beauty* [233,304], *равшанӣ* – *light* [233, 602], *кабудӣ* – *green* [233,344], *кишоварзӣ* – *farming* [233,371], *гуногунрангӣ*: Маас тавассути принципи *гуногунрангӣ* ҳаёт мавҷуд аст [236,110]. *Life on earth can only exist due to its diversity of its forms* [233,103]. *Ба ақидаи як қатор коршиносони хориҷӣ,*

дастовардҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон дар баҳии иқтисодиёт, ислоҳоти соҳаи **кишоварзӣ**, хусусигардонӣ, пеш рафти саноат ва гузариш ба раванди давлати демократии дунявӣ хеле назаррас буда, ба пешомадҳои нек умедвор месозад . According to international experts, the economic reforms, which are being carried out in the most important branches of our national economy, the implementation of an **agrarian** program, new property ownership regulations, and the move towards a market economy and democratic transformation of our society have already been a major step in the contribution to the building of a strong democratic national state oriented to wards the needs of its citizens [219,89].

Анализ показал, что при переводе слова *зебой* и *равшанӣ* передаются как прилагательные пространства (*муҳит* – *surroundings*, *баландӣ* – *height* [233,78], *худуд* – *borders, territory* [233,758], *масоҳат* – *area* [233,446] и др: *Ногуфта намонад, ки дар **худуди** қаламрави Суғди қадим, дар фосилаи 40 км дуртар аз самти ғарбии Бухоро харобаҳои шаҳри қадимаи Варахша пайдо шудааст* [71, 71]. It is worth mentioning that on the **territory** of ancient Sogdiana, forty kilometres to the west of Bukhara, archeologists have discovered the remains of the ancient town of Vorakhsh [219, 67].

Также в ходе исследования в фокусе внимания оказалось следующий факт: в приведенных примерах лексемы *муҳит* – *surroundings*, *худуд* – *borders* имеют форму множественного числа, хотя семантически они представляют единственное число.

Наиболее важным паттерном пересечения характера предметности с особенностью иных семантических полей в группе существительных считается квантитативность. Ещё в 19 веке на это неоднозначное свойство числительных и существительных обратила внимание известный лингвист В.Ф. Андреева. Исследователь полагает, что «имя существительное также является вполне самостоятельным понятием, представляющим определенную, реальную или нематериальную, суть - «сумма», «часть», «множество», «итог», «свет», «тома», т.е. бесчисленные множества» и пр.

Данные лексические единицы, хотя и выражают значение числа, однако, по факту, не являются числительными, поскольку семантически не обозначают неопределенное количество.

Следующие понятия аналогичны упомянутым существительным по смыслу и виду: *миллиард, миллион, ҳазорҳо, садҳо, даҳҳо* и т.д: Ориёиҳо бошанд, зарурияти офтобро барои олами наботот ва ҳайвонот **ҳазорҳо**сол пеш фаҳмида буданд [71,51]. *Many **thousands** of years ago, the Aryans had already understood that warmth and sunlight are essential to the existence of any living on earth [219, 50].* Мувофиқи ахбори сарчашмаҳо ҳамапарастон пеш аз тоату ибодат ва анҷом додани маросими қурбонӣ афшураи масткунандаи рустании ҳамааро бо шир омехта карда менушиданд ва сипас ба куштани чорпоён шурӯъ менамуданд, ки баъзан шумораи онҳо аз **садҳо** мегузашт [71,52]. *As previously said, the Haoma worshippers used to prepare an intoxicating juice which they mixed with milk and drank before the beginning of the liturgy and only after that would they start the sacrifice of the animals, the number of which would sometimes be as high as **one hundred** [219,50].* Ҳафриёти Қалъаи Мир, Қайқубодшоҳ, Тахти Қубод, Тахти Сангин ва **даҳҳо** тадқиқотҳои бостоншиносии мавзеъҳои мухталифи Тоҷикистон, ки дар ним асри охир сурат гирифт, дар илми бохтаршиносӣ ва таърихи тамаддуну давлатдорӣ тоҷикон саҳифаҳои нав кушод [71, 27]. *Over the last fifty years the excavations conducted on the sites of Kaykubodshah, Takhti Kubod, Kalhai Mir and **many other** places in Tajikistan have revealed new facts connected with Ancient Bactria and the history of Tajik civilization and statehood [219,29].* Дар «Яштҳо» - и «Авесто» низ зикр шудааст, ки паҳлавонони асотири ба хотири нарма намудани дили эзиди галаҳои асп **садҳо** сар гову гӯсфандонро қурбонӣ мекардаанд [71,57]. *The Avesta tells us that that mythical knights offered sacrifices of oxen and sheep to propitiate the patron of horses [219, 55].*

Анализ приведенных примеров показал, что при переводе таджикских слов *ҳазорҳо, садҳо, даҳҳо* на английский язык происходит их так называемая трансформация в неопределенно большое число. При этом значение

неопределенности может быть передано на английский язык такими выражениями, как *many other* – *дахҳо*, *one hundred* – *садҳо*, *many thousands* – *ҳазорҳо*, хотя в отдельных случаях наблюдается их опущение. В некоторых предложениях лексема *дахҳо* при переводе с таджикского на английский становится равноценной заменой слову *other*.

В общей структуре парадигматических семантических связей существительных одной из главных считается квантитативность. Понятие числа в семантической структуре существительных получает разностороннюю объективацию. С.А. Швачко отмечает, что по осуществляемому общекатегориальному выражению, существительные согласуются с рядом лексических квантификаторов, актуализирующих неизменяющиеся и изменяющиеся семы численности. Эти существительные с количественными понятиями обнаруживаются в сопоставлениях: *шумора-quantity, numeral; миқдор number; омма -hoipolloi, mass; сершаклӣ, гуногуншаклӣ-variety; қатор, доира, силсила-set як қатор хонаҳо – a set of houses, силсилаи лексияҳо-a set of lectures, ғуҷаҳои қоидаҳо-asetofrules; бисёрӣ-a lot, a great/large number, a great/large quantity, a host; тӯда- a horde (тӯдаи хомӯшак- hordes of mosquitoes, ғалаи ғургон- horde of wolves), бисёрӣ, тӯда, фаровонӣ; маҷмӯъ, зиёдӣ – a mass, a swarm, an abundance, multitude, a profusion, scores, quantities, droves; a slew, lots, loads, masses, stacks, heaps, piles, tons, дахҳо, садҳо, ҳазорҳо, миллионҳо – dozens, hundreds, thousands, millions, gazillions и ғр [233, 23 ].*

*Шумораи* одамону ҷонварон зиёд мешуданд ва ҷаҳон барои онон тангӣ мекард [71,51]. The **number** of people and animals multiplied and the earth became small for them [219, 49].

Аз ин лиҳоз **қулли** тадбирҳои пеш гирифтаи давлат, аз идеологияи мавҷуд асар карда, то сиёсати фарҳангии динӣ ба арзишҳои миллӣ, суннатҳои ахлоқӣ, расмуоин, ақида ва зиндагии ҳаррӯзаи мардум мувофиқ набошад, расидан ба истиқлолияти воқеӣ ва давлату давлатдорӣ милли амрест маҳол [71, 7]. Now we are **fully** aware of the fact that only those steps taken by the

government, which do not infringe the unwritten laws based on cultural, moral and religious criteria practised by preceding generations will again the support of the people [219, 12].

Ва гузашта аз ҳамаи ин барои муттаҳидӣ, якдилӣ, ваҳдату ҳамдигарфаҳмии **кулли** сокинони ҷумҳурӣ, ҳамчуни расидан ба қадри истиқлолият, ватану ватандорӣ, давлату давлатдории миллӣ кӯмаки бедареғ расонида, сарзамини соҳибсарвати моро аз пойбандии иқтисодӣ ва эҳтиёҷоти молавӣ мераҳонад [71,18]. It will help us to appreciate our national independence and sovereignty and to overcome the economic crisis and financial difficulties which our country. Although endowed with an **abundance** of nature and human resources, has inherities [219, 21]. Ногуфта намонад, ки мувофиқи маълумоти навбатии Созмони Милали Муттаҳид, алҳол дар ҷаҳон беш аз 50 миллион гурезаҳо мавҷуданд, ки аксари **кулли** онҳо мусулмонанд [71,9]. According to the United Nations, at the moment there are more then 50 million refugees, **most of** them being Muslims [219,13]. Ҳарчанд **бисёр** қалам бадастон дар дохил ва хориҷи кишвар аз сарнавишти пурфӯҷиҳои халқи тоҷик ва талошу набардҳои шадиди расидан ба истиқлол **бисёр** китобу рисолаҳо навиштаанд, ҳодисаву манзараҳои таърихӣ асосан аз нигоҳи манфиатҳои сиёсии ягон шахс, ягон ҳизб ё *доираи* маҳдуди одамони мансабпарасту қудратталаб арзёбӣ гардида, оҳанги худсафедкунӣ, манфиатҷӯӣ ва худнамоӣ доранд ва аз таҳлилу натиҷагирӣҳои таърихӣ ва хулосаҳои солиму беғаразонаи илмӣ кам баҳра бурдаанд. Although *many* articles and books on the subject have been published both inside and outside the country, *most* of the authors provide a one- sided and tendentious evaluation of the events which reflect the interests of a certain political *party* or faction [219, 14]. Дартар ҳангоми лашкаркашиҳои Искандар аспҳои хушзоти бохтарӣ ҷои Бутсефалро иваз намуданд, ки *даҳо* аспбонони юнонию бохтарӣ ба парваришу нигоҳубини онҳо машғулбуданд. Alexander employed *dozens* of Bactrian and Greek horse- breeders for grooming and tending these horses [219, 59]

Мы считаем позицию С.А.Швачко вполне правомерной, поскольку в ходе исследования был выявлен факт малопродуктивности лексем с количественными значениями в таджикском языке, что не свойственно данной лексической категории в английском языке.

Отметим, что в обоих языках существительные определяют не только количество, но и могут также выполнять функции количественного детерминанта: *панҷ дона хурмо ва якто шафтолу, сад донишҷӯ* и др: Дорош гӯяд: «*ҳаит нафар* аз гузаштагони ман пеш шоҳонбуданд. Ман *нуҳуминам*. Eight people of my family have been kings. I am the ninth king [219, 75]. Беш аз *30 миллион нафар* фирориёни мусулмон бар асари ҷангҳои граҷданӣ ватани асли худро ночор тарк намуда, дар кишварҳои бегона бо хорию зиллат умр ба сар мебаранд . As the result of civil wars more than 30 millions muslims have left their countries and have been living abroad suffering many hardships and privations [219, 13]. Мучассамаҳои гачивугилӣ, микдори зиёди ашёҳои оҷӣ, беш аз 3 ҳазор пайконҳои оҳанӣ ва *адади зиёди* пайконҳои биринҷӣ, ханҷарҳои таҳҷоии акинак ва ғилофҳои мусаввар, меҳробҳои хурду бузурги мучассамкорӣ, тангаҳову пулакчаҳои заррин ва дигар ашёҳо далелҳои раднашавандае мебошанд, ки макони ҳақиқии Хазинаи Амударё маҳз ҳамин маъбаду толори бошукӯҳи Таҳти сангин будааст. Some clay and plaster figurines, various carved bone items, *more thenthree* thousand arrow- heads made of bronze and iron, steel knives and painted quivers, gold coins and many other articles give the proof that the Amu Darya hoard originally came from this temple [219,28]. Мувофиқи шаҳодати Катибаи Бесутун, ки давраи муборизаҳои шадида батаҳти шоҳаншоҳии Эрон нишастани Дорои I- ро (соли 522 томилод) фаромегирад, ҳангоми ғурӯ нишондани ин исён *55 ҳазор кас* куштава *7 ҳазор кас* асир гирифташудааст [71,9]. The inscription on the Behistun rock which recounts the struggle of the Persian Emperor Darius the Great to ascend the throne of the Iranian shahs (522 BC) witnesses that and taken prisoner. during the brutal suppression of this upheaval, *55 thousand people* were killed and *7 thousand* taken prisoner [219,13]. Ҳамчун ин аз ҷароғоҳҳои саралаф

ва гусфандони калони ваҳшӣ хабар медиҳад, ки шохҳояшон то *шашваҷаб* дарозӣ доштанд. Marco Polo describes huge pastures and flocks of unusual long-horned sheep [219, 20]. Дар «Яштҳо» - и «Авесто» низ зикр шудааст, ки паҳлавонони асотири бахотири нарм намудани дили эзиди галаҳои асп *садҳо* *сар гову гусфандонро* қурбонӣ мекарданд. The Avesta tells us that mythical knights offered sacrifices of *oxen and sheep* to propitiate the patron of horses [219,55]. Сангчил бар домани кӯҳ аст ва маъданӣ бечодаи бадахшӣ ва лаъл андар ин кӯҳаст ... Ва аз маъдан то ба Таббат *як рӯзу ним* роҳ аст ... . Sanglidge is located at the foot of a mountain known for its huge deposits of ruby ..... it is *a day and a half* journey between Sanglidge and Tibet [219,19]. Ноғуфта намонад, ки роҳи қадимаи қорвонгарди Ҳиндустон тавассути қаламрави Бохтар ва ҳудудҳои Бадахшон мегузашт, ки он вақтҳо Бадахшон *якпори* сарзамини Бохтар башумор мерафт. It is worth mentioning that in those days the caravan road to India went through Bactria and Badakhshan the latter being *a part* of Bactria [219,19]. Дарозии инроҳ *даҳ стадий*, паҳниаш – *даҳ оргий* меояд ва дар баъзе ҷойҳо баландии ин роҳ ба *8 оргий мерасад*; он бо сангҳои чор тароши рӯяшон тасвирдор ихоташудааст. It took 10 years to finish the road which was *10 stages* long and paved with slabs of stone [219,17]. Шахристон шакли росткунча дошта, аз *чор самти* он *чаҳор дарвозаи* начандон бузурги устувор барӯи роҳҳои калони дохилу хориҷи кишвар кушодамешуд [71, 24]. The fortress itself was in the shape of a rectangle. *Each side* had a small but well protected gate and square towers designed for its defence [219, 27]. Вале инҷоми тиллоӣ бадавранҳои нисбатан дертари сарзамини Бохтар – аҳди Кушониён таалуқ дошта, муаммои баъзе маснуоти Хазинаи Амударёро, ки *панҷ – шаш аср* муқаддам офаридашуда буданд, кушода наметавонист. This coin dates back to the Kushan dynasty, a relatively late period in the history of bactria, and as a result did not shed any new light on the Amu Darya hoard which was created *five or six centuries* earlier [219,27].

В рамках анализа считаем целесообразным обратить внимание на факт опущения некоторых слов в процессе перевода. В частности, в

коллокации *чаҳор дарвоза* произошло опущение – слова *чаҳор*, а лексема *дарвоза* заняла свое оптимальную синтаксическую и смысловую позицию в тексте перевода.

Согласование количественного и предметного понятий в контексте тесных взаимоотношений может считаться универсальной характеристикой для обозначающих количественные связи существительных. Уточнение, детализация понятия количества в смысловой структуре существительных может осуществляться различными паттернами. Объем семантических свойств квантитативности в существительных может варьироваться, колебаться. В подавляющем большинстве случаев согласование числа с предметом в семантике существительных актуализируется в следующей ранжировке: от обобщенного очертания до абстрактного представления, точного выражения того или иного семантического аспекта, что свидетельствует о формировании единого предметно-количественного понятия количественных существительных: Шубҳае нест, ки Хазианаи Амударё ва дигар осори қадимаи маъбади Охшодар тӯли ҳангомаҳои ҳазорсолаи таърих ба ғорат рафта, ҳиссаи хело ночизи ин то замони мо расидааст, ки бозёфтҳои болоӣ мансуби он аст. Most probably, the majority of these items as well as many other masterpieces amassed by the temple were looted by robbers or destroyed and only a few of them have survived to the present day [219, 28].

Как показывает анализ, в таджикском языке обозначение количественности в отдельных контекстах может быть представлено в виде словосочетания, в то время как в английском объективация происходит в рамках лишь одной лексемы, что очередной раз свидетельствует о невозможности пословного перевода контекста, содержащего единицы с количественным значением.

Безусловно, для каждого языка характерны свои уникальные особенности выражения числового понятия. Следовательно, инвариантная черта числа в системе существительных обнаруживается в неодинаковой

импликации вариантных семантических свойств числовых связей, начиная с конкретного количественного выражения (*дахӣ, садӣ, панҷак, садак*) до абстрактного понятия количественности (множество, малость – *бисёр, каме*), реализуясь в многообразии способов формирования количественных связей, что на порядок усложняет их семантические взаимоотношения.

Аналогичная вариативность в системе существительных присуща языковым единицам количественной семантики, для которой свойственна многомерность общих характеристик грамматических и лексических методов и приемов, используемых для идентификации числовых связей в системе имени существительного в сопоставляемых языках: Ў таъкид менамояд «Дар Осиёи Миёна, хусусан дар хоки Бухоро ва Туркистон ба будани як қавми бузурге бо номи тоҷик бояд касе инкор надошта бошад. Соҳиби маданияти кӯҳан ва адабиёти кӯҳансол будани ин **қавм** низ ҷои инкор нест». Имрӯз Тоҷикистон 15 ҳазор километр роҳи автомобилгард, 747 километр роҳи оҳани паҳнбар ва 470 километр роҳи оҳани тангбар дорад, ки ба воситаи онҳо бо *бисёр кишварҳои ҷаҳон* пайваста мешавад. In present day Tajikistan there are 15 thousands kilometres of roads, 470 kilometres of narrow – gauge railway lines and 747 of a broad- gauge lines, which connect the republic to the neighboring countries [219, 96]. Зарари моддии ба ҷумҳурии расондаи ҷанг *бештар* аз 7 миллиард доллари амрикоиро ташкил дод ... . The total losses inflicted on the national economy by this war was estimated to be equal to more than seven billion US dollars [219, 97]. Раёсати нави Шӯрои Олӣ дар *таъли ду соли* фаъолияти худ *бисёр проблемаҳои муҳимтарини ҳаёти сиёсӣ ва иқтисодии ҷумҳуриро* ҳаллу фасл кард. During their two years in power, the new leaders of the Supreme Soviet of the Republic solved a number of the most important political and economic problems [219, 97]. Органҳои ҳифзи ҳуқуқ ва тартиботи *ҷамъиятӣ*, вазорату кумитаҳо аз нав ташкил ёфтанд. They reformed the judicial bodies, reinstituted ministries and committees and took the necessary steps for various governmental bodies to function more efficiently [219, 97]. Як ҷанг қонунҳои муҳим таҳия ва дар иҷлосияҳои Шӯрои Олӣ қабул гардиданд [71,105]. During

the Sessions of the Supreme Soviet *a package* of new laws and regulations were enacted [219, 97]. *Аксари кулли гурезаҳо ба макони зисти аввалаи худ баргардонида шуданд*. The military forces were recognized to form the regular national army and *the majority* of the refugees were brought back home [219, 98].

Категория числа неразрывно коррелирует с определенным лексическим значением тех лексем, посредством которых происходит ее актуализация. В качестве примера рассмотрим собирательные существительные. Напомним, что образование множественного числа от этих имен существительных практически не представляется возможным. В лексикологии количество образует свою категорию. Анализ показывает, что в каждой языковой системе выделяется ряд слов, которые принадлежат разным частям речи и выступают в качестве номинанта количества.

В рамках исследования было выявлено, что существует целый пласт лексических единиц, обозначающих количество в действительном его значении, т. е. смысл слова является номинативным, прямым. В составе таких слов не выделяются суффиксы. С.А. Швачко констатирует наличие количественных отношений не только на морфемном и грамматическом, но также и на лексическом уровнях, выделяя при этом ряд слов, обладающих потенциалом частичечного изменения и демонстрирующих номинации количества. Как следствие, ученый выделяет первичную квантитативную актуализацию, которая осуществляется при помощи грамматической разновидности количества; *phone – phones – телефон – телефонҳо*, *chick – chicken – чӯча – чӯчаҳо* [119,144].

Л. Ш. Малыхина в своей работе называет существительными не коррелирующие по своим признакам с единичностью/множественностью лексические понятия (имена отвлеченных качеств и действий, веществ, совокупностей предметов или лиц): *хаёлот, хушбахтӣ, хабар, мол, дониш, чихози хона, пул - dreams, happiness, news, goods, knowledge, furniture, money* [139, 11].

Данные исследования свидетельствуют о наличии в английском языке целого комплекса лексическо-грамматических методик образования различных количественных понятий. Этим свойством помимо существительных и числительных, обладают глагол, местоимение, наречие, артикль, прилагательное [139, 13].

Числовые связи могут проявляться ими в том числе и посредством использование выражений, для которых свойственны ясные лексические понятия, а объективируясь в форме единственного числа, приобретают семантику множественности с собирательным понятием.

Мы разделяем позицию Л. Малыхиной, которая полагает, что в таджикском языке категория числа существительных прежде всего контекстуально идентифицирует количество предметов или факторов. В обоих языках существительными являются понятия, обозначающие предмет: *амвол, қушун, сулола, кул, корвон, афрод, авлод, мардум, кон, чорво, фаровон, ҷиҳоз, галла, хӯрока, ҷузъ, маҷмӯа, силсила*; Зардушт дар айни ҳол пешаи кишоварзӣ ва ниғаҳбонии киштахоро ситоиш намуда, мардумро ба парвариши *чорвову гала* ҳидоят месозад ва ҳокими одилу шаҳриеро тавоноеро ситоиш мекунад, бошандагони мулкашро аз ғоратгарону бадкирдорон эмин бидоранд. Zarathustra praised the labours of ploughmen, urging the *cattle –breeders* to multiply the number of cattle in their *herd* [219,39]s.

Роҳҳои обод вайронгардиданд, купрукҳо таркиданд, хонаҳо сӯхтанд, *амволи* корхонаҳо бағоратрафт, даҳшатигуруснағйдарчумхурйдоманафрохт [143,8]. Road and bridges were demolished, houses burnt to ashes, state and private **property** looted and the prospect of famine loomed large in everyone`s mind [219, 12]. Ў ҳафтае *қўшуни* форсҳоро аз роҳу бериҳа пеш бурда, ба як биёбони паҳновари беобу гиёҳ мерасонад, ки оқибат сарбозони савора ва пиёдаи Доро баҳалокат мерасанд. After a week spent wandering through the deserted countryside the **soldiers** became entrapped in a desolate and waterless area where most of them died [219, 13]. Дар натиҷаи тадқиқотҳои геологию археологӣ дар ҳудуди Бадахшони Кӯҳӣ мавҷудияти осори истихроҷи қариб

80 ҷои **кону** маскани маъдан гудозӣ пайдо шудааст, ки бадавраҳои хело кадим мансуббуда, аз мавҷудияти роҳи тиҷоратии сангҳои гаронбаҳо, тилло ва ҷавохирот шаҳодат медиҳанд. As a result of geological and archaeological research undertaken on the territory of Badakhan the remains of more than 80 **mines** and deposits have been discovered [219,20].

Детальный анализ, проведенный в лексико-грамматическом и морфологическом срезе, показал, что одним из наиболее продуктивных элементов при обозначении широкого спектра разновидностей объектов или субъектов является суффикс. Особенно ярко этот факт проявляется в корпусе английского языка.

Выше нами было отмечено, что количественные отношения могут полноценно актуализироваться на морфемном, грамматическом и лексическом уровнях, а числовые связи могут проявляться следующими средствами:

а) использование выражений, за каждым компонентом которых закреплено отдельное смысловое поле, но совместное их функционирование в отдельном контексте в форме единственного числа, никак не влияет на их семантику множественности с собирательным понятием. При переводе подобных антонимических или синонимических выражений на таджикский язык в качестве полноценного эквивалента выбираются единицы с широким лексическим значением;

б) путем тавтологии, центром которой является единица, выполняющая функцию определения перед именем существительным;

в) путем тавтологии, в рамках которой вторая часть лексем-"участниц"представляет собой так называемое фонетическое варьирование и не имеет лексической нагрузки. Однако используясь вместе с главным словом в форме единственного числа, принимает семантику множества сходных предметов и демонстрирует оттенки обобщения, собирательности и экспрессивности.

Следует констатировать, что в таджикском языке сходные понятия используются достаточно активно и широко, а возможности присоединения к лексической единице второй части неограничены. Получившиеся в результате удвоенные существительные эмоциональны, вносятся элементы разнообразия и множества и используются для ясности речи: *гурӯҳ-гурӯҳ* (groups), *даста-даста* (group, troop), *тӯда-тӯда* (incrowds).

Анализ показывает, что в сопоставляемых языках единственное и множественное числа имен существительных не имеют аналогий ни в одном языке. В таджикском языке существительное в единственном числе может семантизировать:

1. Единичность, индивидуальность предмета, лица, явления (*компьютер, зан, моҳтоб, табиат*)

2. Широту родового и видового понятий, связанных с этим предметом, явлением, лицом (*молу матоъ, бародару хоҳар, раъду барқ*).

Систематизация имени является процессом отсчета от какой-либо представленной в качестве реально зафиксированного количества конкретной единицы, которая может принять формы двойственности, тройственности и т.д. Акцентуация любого явления и обозначение его качественных характеристик происходит за счет внутриколичественной и внешнеколичественной лимитации. Первая является результатом флективных изменений в слове (*book – booklet*), во второй реализуется посредством противопоставления "адъективность – субстантивность" (*мизи калон*), или через «вербальность - адвербиальность» (*бисёр пиёда гаштан – walk a long, каме нушидан- drink a little*).

Нулевое количество или отсутствие количества может передаваться на синтаксическом уровне посредством отрицания **не-**, *doesn't*, *hasn't*, *wouldn't*; на отрицательном морфологическом уровне при помощи отрицательных местоимений; на лексическом уровне; *ҳозир, ғоиб будан – negation, absence, departure*.

Отсутствие количества следует рассматривать как одно из проявлений универсального дихотомического противопоставления, где основополагающим мотивом восприятия и осмысления объективного мира является количественный фактор. Носящее обобщенно-абстрактный характер понятие единичности представляет собой неотъемлемую часть абстрактного количества (*furniture – ҷиҳози хона, cattle – чорво, crew – тӯда*).

Вакуум, созданный отсутствием категорий количества и множественности, в основе которых лежит понятие обобщенной единичности, способен, однако, объединить их (эти категории) как абстрактные понятия. Ведь абстрактность, напомним, тоже включает в себя понятие единого числа, но реализуется как нечленимый комплекс, коррелирующего с сугубо счетной семантикой единицы.

Глагол же, в сравнении с другими частями речи, в силу своих семантических особенностей реже передает понятие количественности. В смысловых составах глаголов, релевантных лексическим способам обозначения числа, симультанно с семами действия выделяются и семы количественного признака действия [71, 22]. В частности, глаголы тадж. *саволборон кардан, дашномборон кардан, бисёр навозиш кардан* англ. *totroop, tomassacre, tocrowd, toincrease, todicrease* и др. реализуют именно сему неопределенного множества.

Параллельно с данной категорией в обоих языках функционируют глаголы, передающие значение числа: *дучанд кардан – to double, даҳ баробар зиёд кардан – to ten, чор пора кардан – to quarter*.

Формирование глаголов, реализующих сему точного числа, происходит от понятия со значением количества, чаще от числительных. Понятия с неопределенным числовым смыслом формируют глаголы, презентующие сему неопределенного числа. Исходные данные о неопределенном числе, передаваемом посредством глагола, могут определяться в контексте: тадж. *ду баробар зиёд кардан; се маротиба зиёд кардан*, англ. *To multiply by two, to increase three times*.

Анализ показывает, что глаголы обладают свойством нейтрализовать количественно точную информацию, например: *си дар сад зиёд кардан – to go on thirty, to exceed thirty percent.*

В сопоставляемых языках формы глагола указывают на временную соотнесенность действия, количественную представленность лица или объекта действия.

Среди лексических средств, реализующих количественную семантику, местоимения, указывающие на пространственную и временную ориентацию, входят в особую, специфическую категорию составляют (*ин, вай – this, that*), обоюдность, взаимность (*ҳар ду, якдигарро, якеро each other, oneanother, both*), единичность (*ҳар кадом – each, every*), суммарность (*бархе, бисёр, зиёд, кам – many, few, much*).

Среди местоимений выделяется ряд квантификаторов, выполняющих роль количественных определителей с понятием точного количества и неопределенного числа.

Квантификаторы часто употребляются при выражении поля неопределенного большого (*бисёр, зиёд, шумораи (миқдори) зиёд, фаровон, many, much, a lot of, plenty of, a great deal of, a great many, large number, a host of, a raft of, quite a bit*) и неопределенно меньшего количества (*ҳиссаи ночиз, каме, як қисм, шумораи кам, якчандто – a few, a little, a small number of, several, a small amount of, a little bit*). Существительные, соединяясь с данными квантификаторами, образуют множественное число (*саволҳои зиёд – many questions*). Но в английском языке по признаку эти квантификаторы делятся на группы; а) *many, few, a few, a little, a small number of, several* можно использовать с исчисляемыми существительными, б) *a great deal of, much, a little bit* - с исчисляемыми существительными, в) *a lot of (lots), a bit, amount, a small amount of* - квантификаторы, употребляющиеся с обоими существительными.

Сюда также можно отнести семы, обозначающие часть всего возможного и передавшиеся при помощи неопределенно – количественных

местоимений и наречий: *баъзе, якчанд, баъзе одамон, қисми зиёд some, several, some, people, majority.*

Существительные с количественными значениями взаимосвязаны с категориями, отражающими различные формы объективной действительности, а также мыслительными категориями, которые актуализируют корреляцию между понятиями и объективацией мысли.

Так, обозначая понятие времени, существительные реализуют то понятие, которое образовалось в общественной познавательной практике. Приведенные примеры формируют в сопоставляемых языках оппозиционные парадигматические образцы, соответственно связанные с абстрактным и конкретным числовыми понятиями: *вақт, замон, рӯз, ҳафта, моҳ, сол, аср - time, period, second, day, week, month, year, century* [127, 23]. Ва кулли пайравони тариқати зардуштӣ вобаста ба расму оин дар давоми *солу моҳ ва ҳафтаву рӯзҳои* муқарраргашта ба оташкадаву маъбадҳо ва пойгоҳҳои муқаддас рафта, ба шарафи Ахурамаздо ва эзидони ёвари вай назру ниёз мекарданд, мурод металабиданд, кушоиши кор меҳостанд. In accordance with Zoroastrian rules and traditions people attended religious ceremonies in the temples **through the year** [219,36 ]. Ў маҷмӯаи ашёҳои Хазионаи Амударёро мансуби ганчинаи ягонае донист, ки ҳамааш якҷоя ва дар як **вақт** ба даст омадааст. Dalton maintained that all the items had the same, **origins** and had been found in a single place [219,25]. Ин марди сипоҳи пеша, ки аз нозукиҳои санъати атиқа, илми сиккашиносӣ ва бозёфтҳои осори нафисаи аҳди қадим қадре огоҳӣ доштааст, ба тафсиру таснифи қариб якуним ҳазор сиккаҳои тиллоӣ ва саду ҳаштод адад маснуоти симину зарринисори Хазионаи Амударё машғул шуда онҳоро ба **замони** подшоҳии Хохоманишиниён кишваркушоиҳои Искандари Мақдунӣ ва даврони давлат дории Юнону бохтар мансуб донистааст. He provided a description of more than fifteen hundred gold coins and one hundred and eighty other gold and silver articles most of which he believed dated back **to the times** of Achaemenid rule, to the military campaigns of Alecsander the Great and the rise of the Gracco – Bactrian state [219,25]. Бисёре

аз уламои бузург акида доранд, ки нажод ториёӣ дар он сарзамин дар доманаи кӯҳҳои Ҳиндукуш, дар канори рӯди Ҷайхун ва Сайхун (Омӯ ва Сир) нахустин *рӯзҳои* зиндагии хешро гузаронидааст [71,36]. Some of the greatest scholars and here to the opinion that it was on this land, in the foothills of Himalayas and on the banks of the rivers that the Aryans spent their earliest *days* [219, 37]. Чунки *асри* оянда барои мардуми Тоҷикистон *асри* дастовардҳои бузурги истиқлолу худшиносӣ, *асри* имтиҳону озмоишҳои мушкили созандагиву бунёдкорӣ, *асри* ба сафи кишварҳои мутамаддин ва пешрафтаи олам роҳ ёфтани ҷумҳурии демокративу дунявии мо, *асри* рушду камол ва эҳёи илму фарҳанг ва давлатдорӣ навини тоҷикон хоҳад буд . For the citizens of Tajikistan the new *century* will become the time of new challenges and endeavours while our democratic and secular republic will become a legitimate member of the advanced economies of the world [219,14].

Анализ переводных паттернов в вышепредставленных предложениях позволяет сделать следующие вывод: в процессе перевода с таджикского языка на английский в равных пропорциях используются методики классического калькирования, опущения отдельных лексических единиц (без потери общего смысла контекста) и предельного сжатия (сужения) текста.

Количественные прилагательные в сопоставляемых языках формируют две группы слов, которые находятся в корреляции со значением исчисления и измерения. Первая группа образует сему числа (как эксплицитно, так и имплицитно): чандин баробар (карат) бузург, *ду баробар зиёд, се баробар зиёд, ҷуфт, ҳафтсола, думоҳа, даҳӣ* - *double, decimal, tripartite, dipartisan* и др. Барои қиёс метавон гуфт, ки аз рӯи ахбори болоӣ танҳо як худи «Авесто» ҳаҷман аз «Шоҳнома»-и Фирдавсӣ *чандин баробар бузург* аст . In its vocabulary and extend the Avesta surpasses by far the Shah nameh by Abdul Qasim Firdawsī, the famous Persian-Tajik poet [219, 34.]. Ҳудуди паҳновари асотиру воқеаҳо, марзҳои фарохи парвози ақлу хирад ва сарчашмаҳои дури ҳикмату фалсафа, ки аз аҳди басо қадим сар маншаъ

мегиранд, дар қиёс бо умри одамӣ *чандин карат афзунӣ* дошта, афзалияту доманадорӣ ва бузургии таълимоти Зардуштро дарқиёси рӯзгори ӯ нишон медиҳанд. In the books of the Avesta, the myths and legends bring up such a wide diversity of subjects and they involve such *inexhaustible* sources of wisdom and philosophy that they cannot fit into the scale or limits of the span of a single human life [219, 44]. Ҳангоме ки аспҳои галаи подшоҳ ба ин ҳавз барои об нӯшӣ меомаданд, ин аспҳои обӣ бомодиёнҳои галаи подшоҳ *ҷуфт* шудаву дар омехта зоти аспҳои даванду тез тақи хатлониро бамиён овардаанд [71, 62]. On the shores of Lake Nozgul, the mares from a shah's herd mated with the stallions which emerged from the waters of the lake [219, 58]. The stallion is *three years old* and we call him Rakh Курра *сесола* аст. Мокурро Раҳши Рустамномидем. [71,56]

В сопоставляемых языках выделяется группа прилагательных, реализующих значение неопределенного количества: *куҳан, ҷавон, кӯтоҳ, дароз, бузург, калон, васеъ, хурд* - old, young, short, long, great, big, wide, small и др.: *Куҳантарин* бозёфти маъбади Вахш ғилофи очии ханчари бохтари сохти акинак аст, ки дар рӯи он ду манзараи ба оҳу ҳамла овардани дарранда мучассам шудааст. *The oldest* artefact found in the temple on Vakhsh is a scabbard for a Bactrian sword made of bone. Engraved on its surface there two picture of beasts slaughtering a deer [219, 29]. Чун пойгаҳ сар шуд, кадом як сақоии *ҷавоне* пеш гузашт ва ҳамроҳонаш то нисфи роҳ нарасида, ӯ марро ро паймуд . A *young* Sak rider went into the lead and easily won the race [71, 57]. Раванди нави таърих бар дӯши давлати *тозаистиқлоли* мо вазифаҳои басо мураккаб, пурмасъулият ва вазнин гузошт. There is no need to stress the scale of the problems, which confronted our *young* sovereign state with the new turn in its history [219, 89]. Бозёфти аз ҳама аҷиб ваҳайратангез қоми *бузурги* тиллоист, ки дар як рӯфӣ он шоҳи кушонӣ бо ҷавшани *дарози* ҷангӣ ва кулоҳи нӯгтез тасвирёфта, дар рӯи дигараш олиҳаи бараҳнае мучассам гардидааст. One side of the coin, with an inscription round the edge, shows a Kushan tsar wearing a *long* pleated robe falling to below his knees and pointed hat

embellishing with pearls, in his left hand he is holding a trident and his right hands is extended over and altar [219,27]. Харобаҳои Тахти Қубод ба харобаҳои Кайкубодшоҳ зоҳиран шабоҳат дошта бошадҳам, зимни ҳафрийёт маълумгашт, ки он димнаи росткунҷаи начанон *бузургест*, ки кӯҳандиз ва бошишгоҳи начандон *калони* атрофи он иборатаст. The excavation revealed that Takhti Kubod had been a *small* rectangular settlement with a fortress and some annexes [ 219, 27]. Илова бар ин роҳи мазкур ба *кӯтоҳтарин* роҳи мошингарди байни қитъавии Осиё ва Аврупо табдил ёфта, равобити бевоситаи иқтисодӣ, тиҷоратӣ ва фарҳангии ҷумҳурии моро бо кишварҳои тараққикардаи олам густариш медиҳад . Moreover, it will be the *shortest* avenue between Europe and Asia. Putting it into operation will give a strong impulse to the strengthening and expansion of trade, business and cultural connections between Tajikistan and other countries of the world, to the development of tourism and eventually to a considerable growth in our people`s prosperity [219, 21]. Ҳамин ҳолат дар Тоҷикистон рӯй дод: сохте, ки барои демократияи пухтаи ғарбӣ хос буд, дар муддати ниҳоят *кӯтоҳ* ба ҷамъияти мо кӯчонида шуд. A model of human relations, which was in complete harmony with the lifestyle typical of western countries, but which at the same time contradicted the ethical norms established in the East, was *instantly* implanted in our society [219, 103].

Прилагательные и неопределённые прилагательные объективируют признаки размера. Сравните: *баланд, васеъ, паст, кӯтоҳ, чуқур, зафс; high, tall, wide, low, short, deep, thick*; Кӯҳандиз бо деворҳои сангини *завсиаш* 2 метр, бурҷҳои дидбонии *баландиаш* 8 метр ва ҳандақҳои *умқаш* 3 метр ихоташуда буд, ки аз рӯи анъана истехкомсозии бохтарён шакли росткунҷа дошт. Originally, walls two meters thick on top of which were erected eight-metre high watch –towers, encircled it. Outside the walls were three-metre *deep* trenches [219, 28]. Аз баски асп пешонии *васеъ* тарҳи рӯи мавзун, гӯшҳои рост ва гардану пешсинаи боқувват дошт, барояш ҳамин лақабро гузошта будаанд. The horse`s name, Butsefal (bull – headed) reflected its powerful build, *big*

*forehead*, strong neck and broad shoulders [219, 58]. Хоки ин иттиҳодия, зоҳиран, аз ҳудуди Бохтар *vasеътар* буд. The unification of this land was wider [219, 92].

Контент-анализ данной группы предложений показал, что английские прилагательные, актуализирующие понятие размера, имеют достаточно широкий синонимический ряд. В таджикском языке эта группа не отличается вариативностью и масштабностью тезауруса.

В сопоставляемых языках среди прилагательных выделяются слова с временной, пространственной ориентацией, а также лексемы, обладающие числовыми признаками, интенсивностью, частотностью и другими количественными характеристиками. Общая семантическая основа реализуется в языках конкретно и индивидуально. Количественные прилагательные указывают также и на место в ряду предметов, явлений, событий, порядок следования, повторяемость: *якум (аввал), дуюм (дуввум), сеюм (саввум) first, second, third; ...* Ва аввал оташкада, ки сохт ба Балх ва дуввум оташкада ба Озарбойчони Баҷайс ва саввум оташкадаи Истахри Порс. Then the book Zend printed in gold on twelve-thousand ox hides revealed to him its divine wisdom, and he buld a *first* temple in Balkh, *the second* in Badjais in Azerbaijan and *the third* in Istarkh in Parsia [219, 48].

Порядковые слова, сформированные от количественных числительных, идентифицируются либо как адъективные, либо как нумеральные лексемы. Обе позиции получили свое обоснование в результате анализа конкретных фактов. Порядковые числительные устанавливают связь со всей группой числительных в силу своего лексического восхождения к количественным числительным; каждому же количественному соответствует определенное порядковое; первооснову обеих групп слов составляет натуральный ряд чисел. Отметим, что и количественные, и порядковые числительные в предложении выражены определением. Порядковые числительные отличаются единством структурной организации (корневая

морфема количественного числительного + суффикс порядкового числительного). В узкоспециализированных литературных источниках, за исключением этих ремарок, представлен целый ряд разноплановых доводов относительно этого аспекта.

На взгляд М.Ф. Лукина, количественная определенность однородных, дискретных объектов реализуется количественными числительными, а за числовой порядок этих предметов отвечают порядковые числительные, соответственно. Принцип соположения является базовым при процессе образования числительных от сложных количественных. [57, 152]: *бисту чор* – *бисту чорум*, *сию як* – *сию якуми* т.д.

Кроме того, возможна взаимозаменяемость: *рақами як* – *якум рақам*, *хонаи сеюм* - *сеюм хона*. Это положение поддерживают и другие исследователи.

В отличие от обозначающих, как правило, суммарное количество количественных числительных, порядковые числительные призваны актуализировать понятие единичности, поскольку первые всегда указывают на приравненное к единице место в ряду. То есть если под конструкцией *три книги* подразумевается небольшая стопка книг (несколько книг, сложенных одна к другой), то, по идее, *третья книга* - одна, ведь она представлена в одном экземпляре, и находится она исключительно на третьем месте после двух из этого класса.

Идентификация нижних и верхних границ также остается в компетенции порядковых числительных. Числовое содержание любого соответствующее целому числу числительного равно предыдущему числу, к которому прибавляется единица. По своему числовому составу порядковое числительное всегда приравнивается единице.

В парадигматическом срезе количественные и порядковые числительные отличаются однозначной семантикой. Так, первые четко указывают на суммарное количество, а место в количественном ряду идентифицируют вторые. В контексте, то есть в рамках их реального,

фактического использования эти уникальные характеристики и их функциональный потенциал начинают проявляться в полной мере. Помимо этого, в контексте порядковым числительным присваиваются качественные характеристики, а за объективацию точных и неточных чисел несут ответственность количественные.

В сочетании с существительным за порядковым числительным не зафиксировано изменение морфологической формы, однако количественные числительные представляют значение множественности, что является результатом парадигматической корреляции с существительным: таджик. *Як тӯб, ду тӯб, се тӯб – тӯби якум, тӯби дуюм* англ. *One ball, two ball- three balls, four balls — first ball, second ball* и т. д.

В исследовании уже было отмечено, что числительным таджикского и английского языков свойственна семантическая общность, и в обоих языках выделяются четыре группы числительных. :

1. Числительные от 1 до 9

2. Числительные второго десятка ёздаҳ // eleven, дувоздаҳ// twelve, сенздаҳ //thirteen, чордаҳ //fourteen, понздаҳ //fifteen/, шонздаҳ // sixteen, ҳабдаҳ // seventeen, ҳаждаҳ // eighteen, нуздаҳ // nineteen.

3. В английском языке количественные числительные от 13 до 19 формируются посредством суффикса -teen, прибавляемого к именам единиц первого десятка four – fourteen (чор – чордаҳ), seven – seventeen (ҳафт – ҳабдаҳ).

В английском языке выражающие десятки количественные числительные образуются из простых числительных с добавлением суффикса -ty: six – sixty «шаш – шаст», seven – seventy «ҳафтод – ҳафтод».

Необходимо, однако, учесть, что не все числительные образуются по одному общему правилу. К примеру, числительные: two - twelve - twenty «ду - дувоздаҳ - бист», three - thirteen - thirty «се - сенздаҳ - си, five -fifteen -fifty «панҷ – понздаҳ – панҷоҳ», eight – eighteen – eighty «ҳашт – ҳаждаҳ – ҳаштод» составляют данную группу исключений.

Числительное *forty* «чил» отличается от *four* «чор» и *fourteen* «чор – чордах – чил» именно в лексическо - орфографическом плане .

В английском языке названия целых десятков выражают определенную семантическую структуру, то есть первые элементы объективируются числами от 1 до 9, а второй элемент - производное от 10. Мотивировка (заключенное в слове и осознаваемое говорящим «обоснование» звукового облика слова) ярко демонстрирует прямую, естественную связь между числительными.

Но числительное *hundred-cad* ввиду своих структурных особенностей не входит в эту систему. Числительные *hundred cad* и *thousand* ҳазор являются репрезентантами неопределенно большого количества: *a hundred and one things* [57, 24] ҳазору як чиз, *a thousand and one* зиёд, *have a thousand and one things to ask you-* саволи [57, 24] зиёд доштан, *the thousand and one small worries of life* ҳазору як настию баландии зиндагӣ, *a thousand and one excuses* ҳазору як бахшишии, *бахшишии зиёд*, *a thousand thanks* ташаққури зиёд, *ҳазорҳо ташаққур*, *a thousand apologies* ҳазору як бахшишии, *бахшишии зиёд*.

Важно обратить внимание на то, что наречия таджикского и английского языков также используются для выражения значения количества — они функционируют для обозначения большой, малой, чрезмерной, недостаточной, полной, неполной степеней или меры признаков.

Так, объективация происходит посредством сочетания наречий с прилагательными или числительными, где именно наречия выполняют усиливающую или ослабляющую функцию; они нейтрализуют или выделяют признак, обозначаемый прилагательными или числительными: таджик. *аниқ ду соат*, *тақрибан ду соат*; англ: *Just two hours*, *nearly two o'clock*.

Анализ показал, что существительные с количественными значениями представляют собой конкретное понятие, обозначающее некую субстанцию (напомним, что в лингвистике субстанция - это, с одной стороны, звуки, а с другой - представления и понятия), отвлеченную или реальную , следовательно, «сумма», «часть», «множество», «итог», «тома», являются

бесчисленными множествами. Эти лексемы лишь актуализируют семантику числа и транслируют идею неопределенного количества, что обуславливает их непринадлежность к числительным.

В обоих языках существительные реализуют не только сугубо количественную функцию, но и пребывать в статусе количественного детерминанта. Единство количественного и предметного понятий для существительных, передающих количественную семантику, является универсальным, хотя уточнение количества отличается разнообразием векторов и тенденций. Согласование числа с предметом в семантике существительных, как правило, находит реализацию в достаточно объемной ранжировке - от обобщенного очертания до абстрактного представления. В каждой языковой системе выделяется ряд слов, представляющих номинант количества, но при этом принадлежащих разным лексико-грамматическим группам, демонстрирующих качество.

### 1.3. Существительные, употребляемые в *Pluraliar* и *SingulariarTantum*

Выявление категории считаемости в новых производных словах отличается высокой степенью расплывчивости и неконкретности, поскольку соединяясь со смыслом частной категории лица, обнаруживается в суффиксах и схожих элементах слов, указывающих на отдельные лица и предметы. Данный негативный фактор относится в том числе и к суффиксам, формирующим лексемы абстрактного значения или единицы с понятием совокупной собирательности.

Существительные, относящиеся к категории считаемости (численности), могут иметь категорию числа или определяют единственные в своем роде предметы: *хӯрокпазӣ* – *cookery*, *бутта* – *strubbery*, *асилзодагон* – *aristocracy*, *доварон* – *jury*, *маҷлис* – *assembly*, *аскарон* – *soldiery*, *иъоранишин* – *tenatry*, *дворянини берумба*, *gentry*, *нишонаҳо* – *insignia*, *ашёи маснад* (точ, чӯбдасти салтанат) – *regalia*, *моли шахси* – *paraphernalia*.

Ядром микрополя единичности считаются понятия с прямым смыслом «один»: *танҳо* – *singularitysingle, only, sole, solo*. Периферию поля выражают прилагательные с семой «исключительный»: *якка, ягона* – *irreplaceable, unique*

С математической точки зрения, ноль - это условленная величина, с которой начинается исчисление подобных ей величин или единиц (времени, температуры и т.п.), то есть она тоже считается количеством. Нулевое количество может быть передано при помощи отрицательных местоимений и наречий : *хеч кас* – *nobody, anybody*, *хеч чиз* – *nothing, anything*, *хеч кучо* – *nowhere, anywhere*, *хеч гоҳ* – *never*, *хадди ақал не* – *notintheleast*, *асло не* – *notatall*.

В английском языке, в случае употребления отрицательных местоимений и наречий, глагол используется только в утвердительной форме.

Существительные *гурӯҳи двоздаҳ нафара* - *dozen*, *ҷуфт* -*pair*, *даҳхӯ* - *score*, *порча* – *bit*, *нимто, нима* –*piece*, а также понятия совокупности: *гурӯҳ* – *team*, *гала* – *flock*, *тӯда*, *анбӯҳ* – *herd*, *синф* – *school* можно также отнести к ряду особых счетных существительных.

Следуя классификации Л. Малахиной, выделим некоторые существительные, соответствующие формам числа, структурным типам, выражениям и признакам категории числа или имеющие только единственное число: *тилло* – *gold*, *зиндагӣ* – *lifedӯстӣ* – *friendship*, *равған* – *oil*, *ҷиҳози хона*, *мебел* – *furniture*, *маълумот* – *information*, – *дониш* – *knowledge*, *маслиҳат* – *advice*. Вышеуказанные единицы делятся на существительные, не имеющие категории числа, и существительные, имеющие категорию числа [139,5-6]

К первой группе можно отнести следующие лексемы:

а) *маслиҳат* –*advice*, *тараққӣ* –*progress*, *пул* –*money*, *мӯйи сар* – *hair*, *шеър*, *назм* – *poetry*, *ҷосусӣ* –*espionage*, *ҳаво* –*air*, *мева* – *fruit*, *растаниҳо* – *vegetation*;

б)существительные в форме множественного числа: *мундарица* – contents, *бойигарӣ* – riches, *кафки собун* –suds, *маблағи гирифташуда* – proceeds, *боҷи ғумрук* – customs, *мол* – goods, *либос* – clothes, *либоси пашмӣ* – wollens [223,553];

в)существительные, имеющие формы множественного и единственного числа: *маош* –wage – wages, *хешу табор* –folk – folks, *халқ* – people – peoples.

Существует группа форменных существительных, обладающих формой единственного числа, но сочетаемые с ними слова выявляют заключающееся в их лексическом значении понятие множественного числа. К данной категории следует отнести следующие лексемы: *чорво* – cattle, *дарандаихурд* – vermin, *майдан чуйда* – fry, *бечора* – the poor; *бой* – the rich; *гурӯҳ* – group; *тӯдаи одамон* – a crowd of men; *гурӯҳи бонуфузи баланди машваратӣ ташкил кардан* – to establish a high – level advisory group, *даста* – pile; *як даста дафтар* – a pile of note books; *рама* – flock; *подаи модаговҳо* – a flock of cows; *гала* –herd; *галаи аспҳо* – a herd of horses; *той, тӯда* – pack; *як тӯда коғаз* –a pack of papers; *як той пахта* – a pack of cotton; *ширкат, компания* – company; *ширкати саҳмдорон* – stock company; *полк* – regiment; *полки аскарон* – infantry regiment; *армия, қўшун* – army; *армияи амалкунанда* – acting army, *китобхона* – library; *китобхонаи шаҳр* – the city library; *команда, тим* – team; *даста* – bunch, *дастаи гул* –a bunch of; *тӯда, села* – swarm, *оилаи занбӯрони асал* – swarm of bees; *ҳукумат, давлат* – government, *сардори давлат* –the head of government, *комитет* – committee, *комитети роҳбарикунанда* – steering committee; *экипаж* – crew, *бригадаи дафъи садама* – a crash crew; *флотии баҳрӣ* –fleet; *флотии авиакан* – aircraft-carrier fleet; *флот* – navy, *авиатсияи баҳрӣ* –navy in the air; audience – *тамошобин, тамошобини оммавӣ* – grossaudience; *итат, ҳайат* – staff, *ҳайати команда* –command staff; *бандча, даста* –bundle, *як даста калид* –a bundle of keys; *оила* – family, *оилаи муътабар* – authoritarian family; *нажод* – race, *авлоду аҷдоди инсоният* – humanrace; *сулола* – dynasty, *сулолаи ҳукмрон* –reigningdynasty [233, 56].

Тем не менее, С.Я. Литвак считает, что эта классификация не полностью охватывает все возможные различия и градации. В частности, предложенная система не учитывает неоднозначный характер количественного соотношения форм единственного и множественного числа у существительных первой группы. Так, ученый делает упор на доминантно-сингулярные существительные, например: *Моҳтоб* – *moon*, *офтоб* – *sun*, *ҷануб* – *south*, *шарқ* – *east*, *шимол* – *north*, *ғарб* – *west* и доминантно-плюральные, например: *маълумот* – *information*, *воқеа* – *event*, *дониш*, *friendship*, *равған* – *oil*, *ҷиҳози хона*, *мебел* – *furniture*, *маълумот* – *information*, – *дониш* – *knowledge*, *маслиҳат* – *advice*.<sup>е</sup> Эти лексемы, в свою очередь, делятся на не имеющие и имеющие категорию числа существительные [56,55-62]

Подобное многообразие позволяет сделать вывод о высокой степени количественной вариативности существительных. У существительных *Singularia Tantum* она (степень) равна нулю, у существительных *Pluralia Tantum* – единице. В случае объединения этих категорий у одного существительного количественность реализуется рациональных/ нецелых/ дробных числах.

Анализ показывает, что в современном английском языке некоторые существительные группы *Pluralia Tantum* формируют коллокацию с глаголом-сказуемым в единственном числе : *Politics is fun* [44, 347]. Существительные, обозначающие научные и социальные дисциплины, в определенных контекстах (сфера деятельности человека) сочетаются с глаголом-сказуемым в форме множественного числа: *Маълум, сиёсати ӯ маҷбурӣ аст* – *His politics are clearly right-wing* [44, 347].

Однако некоторые существительные не только не обладают категорией числа ввиду специфичности их лексического смысла, но и не могут сочетаться со словами количественного понятия и представить единое целое со значениями и сочетаниями раздельности, делимости, считаемости: *норасой* – *dearth*, *барғ* – *foliage*, *сарф кардан* – *consumption*.

Вторую группу составляют существительные, обладающие категорией числа; эту группу лексем представляют нескольких подгрупп. Существительные с более четкими, неразмытыми признаками сходства коррелируют с подгруппами, в которых нет категории числа. Не имеющие разноструктурные числовые формы существительные представлены в двух отдельных блоках:

а) существительные, имеющие форму множественного числа. Категория числа у этих лексем, впрочем также как у существительных, выраженных в единственном числе, актуализируются в формах и значениях соответствующих им слов.

Среди этих существительных наблюдаются и такие, у которых категория числа выражена весьма нечетко, что связано с историей развития категории [111, 23].

Следующие лексемы являются результатом истории формирования категории числа. Данные существительные являлись одноформенными и не имели разных числовых форм, из-за чего были "лишены" категории числа, а значение множественности приобреталось ими в контексте культурно-исторических трансформаций: барак – *barracks*, *хомахои рег* – *links*, *хабар* – *news*, *бетартибӣ* – *shambles*.

Таким образом, возникла своеобразная позиция, согласно которой констатируется отсутствие явного, очевидного различия между единственным и множественным числом, поскольку вышеописанные показатели множественности до сих пор сохраняют свой статус кво. В этой связи так называемый «внутренний синоним, омонимичный значению множественного числа, оказывается как бы "привязанным" к семантике единственного числа. Хотя категория числа таким лексическим единицам все-таки свойственна [111, 23].

б) вторая подгруппа – это существительные, которые имеют форму только единственного числа: *чуқур* – *deer*, *гӯсфанд* – *sheep*, *озодмоҳӣ* – *salmon*, *киитӣ* – *craft*, *тайёра* – *aircraft*, *гулмоҳӣ* – *trout*.

Для данной категории слов характерна одна единая форма как для множественного, так и для единственного числа. Но при переводе с английского языка на таджикский данную форму нельзя считать релевантной, то есть при передаче на таджикский язык для образования множественного числа употребляется форма множественного числа; **-ҳо** (*чуқуриҳо, тайёраҳо, киштиҳо*), **-ён** (*озодмоҳиён, гулмоҳиён*).

В сопоставляемых языках существует группа слов, которая употребляется в Singular или PluraliarTantum: а) названия болезней; *дарди артерияҳо*—*atherosclerosis*, *займорум*—*antritis*, *кариес*—*caries асабӣ*—*neurosi*, *герпес*—*herpes*, *диабет*—*diabete s*;

б) времена года: *зимистон*—*winter*, *баҳор*—*spring*, *тобистон*—*summer*, *тирамоҳ*—*autumun*;

в) названия месяцев: *феврал*—*February*, *март*—*March*, *октяб*—*October*, *ноябр*—*November*;

г) названия наук: *риёзӣ*—*mathematics*, *забоншиносӣ*—*linguistics*, *физика*—*physics*, но *кимия*—*chemistry*, *музика*—*music*, *санъат*—*art*, *биология*—*biology*, *тарбияи ҷисмонӣ*—*physical training* употребляются в SingulariarTantum;

д) некоторых игр: *биллиард*—*billiards*, *шоҳмат*—*chess*, *фитнес*—*aerobics*, *варзиши сабук*—*athletics*

е) при обозначении массы: *қаҳва*—*coffee*, *гӯш*—*meat*, *гӯсфандӣ*—*mutton*, *оҳуғӣ*—*venison намак*—*salt*, *равған*—*butter*, *fruit*—*мева*.

Анализ фактического материала показывает, что в силу различных причин при переводе допускаются разноплановые несоответствия в плане адекватной актуализации категории числа. Как мы видим, при названиях болезней, игр и некоторых предметов в английском языке употребляется форма PluraliarTantum, но на таджикский язык они переводятся в SingulariarTantum; названия месяцев в английском языке пишутся заглавными буквами, а в таджикском, традиционно, прописными.

Т. Тагаева разделяет существительные, обладающие двумя разноструктурными формами числа, на менее многочисленные и на многочисленные. По её мнению, собирательные существительные относятся к менее многочисленным [105, 66].

Фактический материал настоящего исследования позволяет нам выделить три класса собирательных существительных:

- а) собирательные существительные, обозначающие людей;
- б) собирательные существительные, обозначающие животных;
- в) собирательные существительные, обозначающие вещи.

Первый класс - собирательные существительные, обозначающие людей: *гурӯҳи ҳаваскорон* – *a band of musicians*, *магистрантҳо* – *bench of magistrates*, *миллион сигоркашон* – *billion of smokers*, *роҳхати директорҳо* – *board of directors*, *гурӯҳи сарояндагон* – *a choir/ group of singers*, *дастаи санъаткорон* – *a company of actors*, *гурӯҳи (ҷамъи) худонарасмон* – *a congregation of worshippers*, *тӯдаи тамошобинон* – *a crowd of spectators*, *тӯдаи одамон* – *a crowd of people*, *майдони варзишгарон* – *a field of athletes*, *дастаи зоратгарон*, *бригадаи коргарон* – *a gang of thieves/ labourers*, *гурӯҳи ваҳшиён* – *a horde of savages*, *ҳалқаи дӯстон* – *a host of friends*, *гурӯҳи ҳуқуқшиносон* – *a huddle of lawyers*, *тӯдаи роҳзанон* – *a mob of gangsters*, *комиссияи судии экспертҳо* – *a panel of judges/ experts*, *доираи дӯстон* – *a party of friends*, *гурӯҳи сиёсатмадорон* – *a party of politicians*, *отряди политсия* – *apossé/ patrol of policemen*, *сафи аскарон* – *a regiment/ an army of soldiers*, *сменаи давандҳо* – *a relay of runners*, *хатмкунандагон* – *a school of pupils*, *ҳайати омӯзгарон*, *коргарон* – *a staff of teachers/servants*, *гурӯҳи бозингарон* – *a team of players*, *қавми асли* – *a tribe of natives*, *гурӯҳи раққосон* – *a troupe / group of dancers* [ 233, 1558]

Ко второму классу относятся животные: *рамаи гӯсфандон* – *a flock of sheep*, *галаи аспон* – *a gaggle/ drove of horse*, *селаи мурғобиҳо* – *a gaggle of geese*, *як тўр моҳӣ* – *a haul/shoal/ catch of fish*, *подаи говҳо* – *a herd of cattle*, *галаи оҳувон* – *a herd of deer*, *подаи говҳо* – *buffaloes*, *галаи занбӯрҳо* – *a hive/swarm*

of bees, *занҷири филҳо* – a herd of elephants, – *хонаи мушҳо* – a nest of mice, a nest of rabbits - *хонаи хар ғӯшҳо*, anestofants, *хонаи мӯрчаҳо*, *галаи гургон*-a pack of wolves, *гурӯҳи шерон* – a pride of lions, синфи наҳангҳо – school of whales, *хучуми ҳашарот* a swarm/ plague of insects, *плуги барзаговҳо* – a team of oxen, *қатори шутурҳо* – a train of camels, *гурӯҳи маймунҳо* – a troop of monkeys, *сафи мӯрчаҳо* – an army of ants, *селаи ҳашарот* – a cloud of insects, *парвози фароштурукҳо*, *паррандагон* a flight of swallows/birds. [233, 1673]

Третья группа – существительные, обозначающие вещи: *як той нахта* a bale of cotton, *як сабад мева* – a basket of fruits, *як бурида нон* – a batch/ loaf of bread, *ҷамъи силоҳ* – a battery of guns, *як даста гул(гулдаста)*, - a bouquet of flowers, *хушаи банан*, *хушаи ангур*, *овезаи калид* – a bunch of bananas\grapes\ keys, *буғча*-a bundle of rags, *як дарза ҳезум* – a bundle of sticks, *силсила кӯҳҳо* – a chain range of mountain, *ҷевон (комод)* – a chest of drawers, *чангу ғубор* - a cloud of dust (sand), *дарахтзор*, *буттазор* – a clump of trees/ bushes, *гурӯҳи занбурҳо* – a cluster of bees, *коллексияи расмҳо*, *марқаҳо*-a collection of pictures/ stamps, *қутии мева* – a crate of fruit, *парки мошинҳо*, *флотии киштиҳо* – fleet of cars/ ships *парвози ҳавопаймоҳо* – flight of aeroplanes, *гала ситораҳо* – a galaxy of stars, *галаҷазира* – group of islands, *тӯдаи санг* – a heap/ pile of stones, *буттазор*-a hedge of bushes, *махзани китобҳо* – a library of books, *қатори мошинҳо* – a line of cars, *дастаи картаҳо* – a pack of cards, *қутии сигор* – a packet of cigarettes, *садои зангулаҳо* – a peal of bells, *як сабад қулфинай*, *тамашк (малина)*-a punnet of strawberries/ raspberries, *тирдон* – aquiver of arrows, *ҳалқаи калидҳо*-a ring of keys, *галтаки ресмон* – a reel of thread, *қатори хонаҳо* – a row of houses, *сервизи чини* – a set of china, *як даста асбоб/ сервиз* - a set/ kit of tools/ crockery, *дарзаи гала* – a sheaf of corns, *дарзаи алаф/ сарчинҳои ҳезум* – a stack of hay/ timber, *захираи мол* – a stock of goods, *шадда*, *шаддаи марворид*- a string of beads/ pearls, *костюм* – a suit of clothes, *бастаи*, *(дарза) алаф* – a tuft of grass, *албоми расмҳо* – an album of photographs [233, 1457].

Как показывает анализ, разделенные на три группы собирательные существительные, состоят из двух компонентов, и оба компонента являются существительными. В контексте собирательных существительных, обозначающих людей, первый компонент употребляется в значении собирательности, а второй - во множественном числе. Эти компоненты в английском языке связываются предлогом **of**, а в таджикском - изафетом (и).

Во втором и третьем классах отмечается феномен собирательности, то есть оба компонента относятся к разряду собирательных существительных (*як тои пахта – a bale of cotton, сервизи чинӣ – a set of china*), и связка обоих компонентов происходит посредством предлога *of* и изафета -и.

#### *Выводы по первой главе*

Категория числа, выражая противопоставление многих лиц или предметов одному лицу или предмету, может формироваться аффиксацией, редупликацией и иными способами. Ядро категории числа образуют количественные связи, которые отражены в сознании человека и разновидностях языка. В языках мира, помимо известной классификации «единственное и множественное число», существуют также двойственное, реже тройственное, множественное не очень большого количества, собирательное множественное числа и т. д. Если категория числа в таджикском языке, как важный грамматический элемент, свойственна трём частям речи - существительному, местоимению и глаголу, то в некоторых языках она не обладает статусом важности, в частности в английском существительном (например, прилагательные и местоимения не согласуются с существительным).

Дискретные элементы - это не сочетаемые друг с другом компоненты, которые, тем не менее, синтаксически и семантически образуют некое единство. В английском языке дискретность присутствует и на морфологическом, и на синтаксическом уровнях. Типичным примером дискретности в синтаксическом срезе является структура, при которой подлежащего занимает место вначале, а сказуемое в конце придаточного

предложения. Данный паттерн формирует рамочную конструкцию, в основе которой происходит деление определенного языкового единства. Категория множества в языкознании представляет один из видов количества и выражается как дискретный вид. Этот вид количества объективируется посредством выявляющих мощностей большинства компонентов операций счета.

Категория числа, отражающая количественные связи в сознании носителей конкретного языка, обладает способностью морфологического формирования. Существительным категории считаемости (численности), свойственна, как правило, и категория числа, которая проявляется в процессе актуализации единственных в своем роде предметов.

Зафиксированы и одноформенные существительные, обладающие категорией единственного числа, но формируя коллокации эти лексемы передают значение множественности. В современном английском языке большинство существительных группы *Pluralia Tantum* могут сочетаться с неопределенным артиклем и глаголом-сказуемым единственного числа.

Отдельная группа существительных, обозначающих научные и социальные дисциплины (в контексте профессиональной деятельности человека), формируют коллокацию с глаголом-сказуемым в форме множественного числа.

Некоторые существительные не только не обладают категорией числа ввиду специфичности их лексического смысла, но и не могут сочетаться со словами количественного понятия и представить единое целое со значениями и сочетаниями раздельности, делимости, считаемости.

К существительным, имеющим категорию числа, можно отнести несколько подгрупп. Лексемы с более четкими, ярко выраженными признаками, проявляют сходство с подгруппами, у которых нет категории числа. Существительные, не обладающие разноструктурными числовыми формами, разделяются на две подгруппы: а) имеющие формы множественного числа, б). имеющие формы единственного числа.

В эту группу существительных входят и лексемы с несколько размытым, невнятным выражением категория числа, что объясняется хронологией развития категории.

## ГЛАВА 2. ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ И МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ ФОРМИРОВАНИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С КОЛИЧЕСТВЕННЫМИ ЗНАЧЕНИЯМИ В ТАДЖИКСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Исследователь О. Джалолов, рассматривая категорию множественного числа в современном литературном таджикском языке, акцентирует внимание на обширном круге вопросов формирования и объективации множественности в таджикском языке. В поле его интереса попали в первую очередь, общие и отличительные свойства процесса формирования множественного числа имен существительных на примере диалектов таджикского языка. Ученый отмечает, что употребление единственного числа в собирательном значении является важной характерной особенностью таджикского языка. Так, в первых работах по вопросам грамматики персидского языка были выделены два формообразовательных суффикса, актуализирующих множественное число одушевленных и неодушевленных существительных: - **an**, - **ha**. [35,29]

Ж. Лазар разделяет данные суффиксы в зависимости от их сочетания. К примеру, выражение множественного числа с одушевленных существительных происходит посредством суффикса -**an**, а суффикс -**ha** применяется с неодушевленными лексическими единицами [105, 20].

В корпусе таджикского языка зафиксированы имена существительные, имеющие форму только единственного или только множественного числа. Грамматическая категория числа существительных напрямую связана с семантикой количества, которая, в силу своей концепции, призвана определять и указывать на реальное количество объектов. Категории числа других частей речи присущ условный, согласованный характер. Достаточно ограничено число существительных, не представляющих оппозиции "единичность/множественность".

Существительными могут быть названия лиц, живых существ (*шахс*, *инсон* – a person, *саг* – a dog), предметов реальной действительности (*парчам*

– a flag, *тиреза* – a window), веществ (*шакар* – sugar, *шир* – milk, *тилло* – gold), фактов, события, явлений (*маҷлис* – a meeting, *шӯриш* – revolution, thunderstorm – *раъду барқ*), отвлеченных свойств и качеств (*далерӣ*, *шӯҷоат*, *мардонагӣ* – brilliance-valour), действий и состояний (*ғундориш*, *ҷамъоварӣ* – cleaning, *беоромӣ*, *нороҳатӣ*, *нотинҷӣ*, *беқарорӣ* – anxiety, worry, trouble) [1,90].

В таджикском языке контекст употребления форм единственного и множественного числа имен существительных не может принять абсолютно аналогичную форму в английском языке.

В обоих языках, однако, маркируются существительные нарицательные, собственные; одушевленные и неодушевленные; личные и неличные; абстрактные и конкретные; собирательные существительные и т.д.

К именам собственным относятся географические названия, имена людей, животных, наименования исторических событий, газет, журналов, художественных произведений и т. д.

В английском и таджикском языках нарицательные существительные именуют однородные предметы, действия, состояния: *абр* – cloud, *кӯл* – lake, *дарё* – ariver, *ҳаракат*, *ҷунбиш* – movement, *намӣ* – dampness. Пахноҳои *абрҳои* сафед ва сукути осмони пахновар касро беихтиёр ба хаёл мебарад [1, 90].

В таджикском языке при сочетании с количественными числительными и нумеративами неличные существительные (исмҳои ғайришахс) не принимают формообразовательные суффиксы.

В личных существительных (исмҳои шахс) наблюдается кардинально иная ситуация: в подобных сочетаниях вполне приемлемым считается и присоединение, и полное отсутствие суффикса множественности: *дувоздаҳ нафар талаба* – *дувоздаҳ нафар талабагон*, *ҳашт нафар муаллим* – *ҳашист нафар муаллимон*, *ду нафар колхозчӣ*– *ду нафар колхозчиён*.

Отличительные признаки личных и неличных существительных таджикского языка проявляются и в кооперации в рамках триады "лицо -

число - глагол". Например, субъект, выраженный существительным во множественном числе в форме третьего лица согласуется с предикатом в числе: Абурайхони Берунӣ дар « Осор –ул бокия» меорад, ки: «Подшоҳони Пешдодӣ ва баъзе аз Каён, ки Балхро чойгоҳи худ қарор дода буданд, Офтобу Моҳ ва кавокибу қуллиёти аносирро то замони пайдоиши Зардушт, дар соли сиюм, аз салтанати Гуштосп, *менарастиданд*». In *Osor –ul- bokiya by biruni* it is said that 'in the thirtieth year of the reign of Gushtosp, before the appearance of Zarathustra, *the kings* of the Peshdodid dynasty as well as some Kayonid rulers chose Balkh as *their* capital city and worshipped the Sun, Moon and Stars and other heavenly bodies ' [219, 48].

Анализ приведенного примера ярко демонстрирует факт согласования субъекта и предиката в таджикском языке. В то время как в английском кроме 3 лица ед. числа, согласование фиксируется только с личными и притяжательными местоимениями.

Данная способность субъекта "притягивать" предикат (сказуемое) не идет вразрез с классическими нормами таджикской речи: Соҳилҳои доманфароҳи Ому ва Сир нахустин маскани обёрӣ, қадимтарин бошишгоҳу марзҳои кишту қор аввалин ҷойи шаҳрҳову шаҳристонҳои обод буданд. The fertile valleys of the Amy and Syrdarya rivers became the first home of our ancestors. They lived in this area developing their land, building new cities and paving the path for the future rapid progress of their civilization [219, 40].

Исследование показало, что в английском языке этот грамматический аспект не характеризуется особой однозначностью. Так, субъект, выраженный неличным существительным, также согласуется и с притяжательным местоимением.

В таджикском языке для маркировки уважительного отношения личное существительное (субъект) в форме единственного числа коррелирует с предикатом во множественном числе.

В таджикском языке наделенные морфологическими признаками неодушевленные существительные (исмҳои бечон) иногда могут

применяться по отношению к конкретным лицам: - Аз кучо пайдо шуд ин *хурӯси бемаҳал?* [1, 9]. Конкретные имена существительные, обозначающие предметы объективной действительности, формируют их семантическое ядро. Конкретные существительные могут быть подвергнуты счету

В таджикском и английском языках практически все конкретные существительные имеют как форму единственного, так и множественного числа; исключение составляет лишь разряд *Singularia Tantum*: катра-қатраҳо, *drop – drops*; барг – баргҳо, *leaf-leaves*; шаҳр- шаҳрҳо, *town-towns*; булбул - булбулон, *nightingale- nightingales*.

Другой уникальной характеристикой конкретных (вещественных) существительных таджикского языка являются формы согласования триады "лицо - число - глагольный предикат". В соответствии с традиционными принципами, предикат должен коррелировать с субъектом по числовому показателю: Ва шояд хамин *уштурҳои* биёбонгарди бохтарӣбуданд, ки давлати Бохтари қадимӣ дар чорсуи роҳҳои тичоратии билудҳои дуру наздик, аз ҷумла ҷодаи қорвонгузари давлатҳои муқтадиру тавонои Мисри қадим, Бобулистону Ошур қарордоштаро бо якдигар мепайваства барои густариши тамаддунҳои мухталиф мусоидат менамуд [71,45].

Контекст приведенных примеров позволяет сделать вывод о том, что в английском языке согласование происходит между лицом и числом существительного, но нет абсолютно никакого единства с глаголом-предикатом.

Абстрактные существительные призваны обозначить состояние, действие, качество, а также названия каких-либо общих понятий *хушбахтӣ*, *хурсандӣ – merriment, merry*.

Данная категория существительных в английском языке объективируется исключительно в форме единственного числа, а в таджикском - в форме множественного. В единственном числе она семантизирует единичное действие, а во множественном - комплекс отдельных актов, представляющий одно целое действие: Пеш аз он ки номи

миллат ва забони он таҳаввулотӣ таърихро аз сар гузаронида, ташаккул ёбад, тоҷикон тӯли асрҳо барои *истиқлолият* ва *хувияти* худ бо аҷнабиён мубориҳои дуру дарози мазҳабӣ фарҳангӣ *бурдаанд* [71, 100].

Семантика отвлеченности в подавляющем большинстве имен существительных таджикского языка транслируется посредством специфических суффиксов: **-ӣ** – *тезӣ, гуруснагӣ, , -иш -хониш, сӯзиш, -ор гуфтор, -гор -рӯзгор, -ос (-ас)- фишишас, пичиррос), -гонӣ –зиндагонӣ* и т.д.

Ряд существительных, объективирующих множественное число, при использовании определенных стилистических приемов способны придать высказыванию образность и выразительность, демонстрируя факт цикличности данных явлений: Ва пӯшида нест, ки чараёни ташаккулёбии халқи тоҷик ҳам аз *шебу фарозҳо, гирудорҳо ва ҷоннисориҳо* дар канор набудааст [71, 100].

В таджикском языке весьма специфичным явлением считается употребление множественного числа абстрактных существительных как именной части составного именного сказуемого: The superiors sat till the midnight at the office`s hotel and were looking for stirrers up and reproach, accuse each other. Таъназадан – reproach. Вале дар дил *хандаҳо* мекард. – but, he mocked himself. Ханда кардан – to mock.

В ходе исследования было выявлено, что в таджикском языке абстрактные существительные могут употребляться в форме множественного числа, приобретая и реализуя при этом конкретную семантику, а также сохраняя свое исходный, оригинальный лексический смысл. Только существительные таджикского языка обладают уникальной способностью конкретизировать значения [148, 20].

В таджикском языке основное отличие вещественных существительных от других групп заключается в использовании их преимущественно в единственном числе, а также их способности семантизировать такие однородные по составу вещества, как: пищевые продукты (орд- *flour*, рафған -*oil*, панир-*cheese*), материалы (ғач- *plaster*,

цемент-*cement*), виды тканей (шоҳӯ- *silk*, махмал-*velvet*, printed cotton- *чим*), ископаемые, металлы (пӯлод - *steel*, зумурад- *emerald*, қалъагӯ - *tin*), химические элементы, лекарства (аспирин, пирамидон, бром, кислород), сельскохозяйственные культуры (пахта – *cotton*, карам – *cabbage*, гандум – *wheat*).

Выражающим семантику собирательности вещественным существительным свойственно форма преимущественно единственного числа, что выдает их морфологическое единство с абстрактными существительными. Если семантика вещественного существительного позволяет его деление, то они симультанно теряют идею счета и лишаются возможности сочетаться с числительными. С помощью слов *бисёр-машу*, *much*, *кам- little*, *few*, *бисёртар- more*, *most*, *камтар- little*, *less* или с более конкретным указанием определенного объема, веса, меры, вещества в них может выражаться непосредственно количественное значение: *Гандумро бисер* кишта буданд – *The wheat was much sowed* [148,18].

Постоянное использование вещественных существительных *Singularia Tantum* в форме множественного числа привело к модифицированию понятия, слову семантической принадлежности форм обоих чисел: как единственного, так и множественного. Собирательные существительные выражают совокупность однородных предметов, представленную как неделимое и количественно-неопределенное единство: *кабудӣ verdure*, *инсоният - humanity*, *ҷавонон - young people*.

В таджикском языке грамматическая группа собирательных существительных обозначена коллокациями «исмҳои ҷомеъ» и «исмҳои ғун», которые по своей семантике аналогичны этой же категории существительных в русском языке, т.е. понятие множественности однородных явлений актуализируется в форме единственного числа.

Понятие собирательности в таджикском языке транслируется при помощи отдельных простых лексем (*халқ*, *аҳоли*, *мардум*, *лашкар*) и

суффиксов (*инсоният*, *хӯрокворӣ*) They are *descendants* of the Aryans, the original inhabitants of Central Asia [219, 93].

Нами было обнаружено, что в данном контексте суффиксальный способ является вполне рациональным при переводе этой простой лексемы с таджикского языка на английский. Однако эта лексическая единица может переводиться с одного языка на другой в своей оригинальной, исходной форме: *Халқи қадимаи тоҷик, ки дар тӯли таърих басо ҷафоҳо кашидааст, низ бурду бохтҳои худро аз давраи пайдоиш то кунун маҳз дар таразуи таърих муайян мекунад* [71, 100]. The Tajik people, who have suffered so many great hardships and withstood so many devastating blows, are now trying to observe the route passed by their nation in the light of history [219, 93],

Более того, понятие множественности может быть актуализировано и посредством арабских суффиксов соответствующей категории: *-от, -ҷот, -вот: маълумот, куллиёт, навиштаҷот: Чунонкиазнавиштаҷоти “Солномаи Набонид” – Куруш бармеояд, сипас ӯ хазинаи пурсарвати подшоҳони Модро аз пойтахти онЭ кбатан ( Ҳамадон) бавилояти форс интиқол дода, ҳокимони миёна ҳол икишварҳои хурди Парсумашу Аншанро аз фаромӯшхонаи рӯзгор баарсаи таърихи башарият ҳидоят месозад* [71,83]. One of the *chronicles* says that subsequently, Cyrus Great transferred the treasure of the treasure of the Median Kingdom from its capital Ectabana to Persia [219, 78].

Сравнительно-сопоставительный анализ фактического материала показал, что по степени частотности приоритетные позиции сохраняются за способом суффиксации; при чем подобное ранжирование фиксируется в обоих языках.

Существительные, обозначающее совокупность однородных предметов и лиц могут принимать форму множественного числа: (*халқ – халқҳо, мардум – мардумон, маълумот – маълумотҳо*): Дар тасаввури бисёр *халқҳо*давраи қадим аҳди тиллоии таърихи онҳо аст [71,116].Данный языковой феномен присущ обоим языкам: Дар тасаввури бисёр *халқҳо* давраи қадим аҳди тиллоии таърихи онҳо аст [71, 116]. It’s quite natural for

most peoples in the world to regard the distant past as the Golden Age of their history [219, 109].

Существительные, обозначающие болезни, сезоны, месяцы, науки, разновидность ветров, некоторых игр в таджикском языке используются исключительно в единственном числе.

Так, названия болезней, как правило, представляют существительные в *Singularia Tantum*: *шамолхӯрӣ*, *зуком*, *домана*.

Названия таких болезней, как *герпес*, *дарди ханозир*, *рахит*, *норасоии витамини D* в английском языке имеют форму только множественного числа: *herpes*, *mumps*, *ricketts*.

В единственном числе используются и названия наук: *математика*, *лингвистика*, *физика*, *фонетика*, но в английском языке данный пласт лексики объективируется во множественном числе: *mathematics*, *linguistics*, *physics*, *phonetics*. Напомним, что этимологически эти названия восходят к латинскому, греческому и французскому языкам [102, 14].

Вошедшие в лексический обиход носителей таджикского и английского языков имена существительные, выражающие название ветров (*муссон* - французско- (*moisson*) -арабское (*маусим* – *сезон*) *заимствование*) представляются в единственном числе [102, 350].

Наименования ряда игр, таких как: футбол, баскетбол, волейбол, покер употребляются только в *Singularia Tantum*, в английском выражены практически полными лексическими эквивалентами с некоторыми характерными фонетическими особенностями: *football*, *basketball*, *volleyball*, *rocker*. Лексические единицы со спортивной семантикой в большинстве своем были заимствованы из английского языка, где они используются только в единственном числе [139, 16].

Собирательность в английском языке не передается морфологически, а выражается на синтаксическом уровне.

В таджикском языке одним из самых продуктивных морфологических средств словообразования считаются суффиксы. Целый ряд суффиксов,

активно и широко употреблявшихся в древнейших научных сочинениях, по сей день сохраняют статус ключевых словообразующих элементов таджикского языка [102, 350].

Суффикс **-а**.

а) от числительных: *dah-a* – *декада*, *haft-a* – *неделя*.

б) суффикс *-an* – является в персидском языке показателем множественного числа; как правило, используется с числительным в значении огромного множества и при повторении чисел: *yak-an*- единицы, *dah-gan* – *дахҳо*, *sad-gan*- *садҳо*, *hazar-gan*- *ҳазорҳо*.

Суффикс *-ana* (*-gana*, *-yana*) – малопродуктивный суффикс, является частью ср. перс. составного суффикса *anag-//anak* из (ир. *-ana*), формирует прилагательные и наречия: *nih-gana*.

Суффикс *-istan* (*i stan*) (<ср. перс. - (*i stan*)<др. - перс- *stana*). Эта словообразовательная морфема ответственна за образование существительных со значением местонахождения чего-либо:

а) с существительными: *diraxt- istan*- *лесистое место*, *zangistan* – *Эфиопия*, *namak- ista*- *соленая местность*, *koh- istan*- *гористая местность*, *sang- istan*- *каменистая местность*[102, 89-90- 97].

В морфологическом плане все числительные в сопоставляемых языках подразделяется на простые и производные.

Формирование простых числительных происходит только на основе корня, то есть разделение на отдельные морфемы равно как и морфемного эксплицирования не происходит .

К простым числительным относятся названия первого десятка. Необходимо констатировать, что в таджикском языке для образования других словообразовательных типов числительных употребляются простые корневые морфемы числительных в качестве лексической и деривационной основы. Легенда или пояснение значения сконструированных числительных восходит к непроемным корневым морфемам.

Производные числительные выражают количество при помощи установления взаимосвязи различных величин с заданным числом. [105, 72].

## **2.1 Способы отображения сложных существительных с количественными значениями в сопоставляемых языках.**

Любой естественный язык располагает средствами выражения универсального типологического значения количества. Числительные основы и суффиксы стали базисом формирования значительной группы существительных. Корни числительных являются полноценным ресурсом для образования сложных слов (лексемы, имеющее в своём составе два корня). К данной группе слов относятся существительные и прилагательные, реже наречия и глаголы.

Саитова К.П. отмечает, что формирование сложных существительных осуществляется несколькими способами:

а) чистое сложение. Посредством этого приема образуются существительные, последняя часть которых является самостоятельным существительным, например, *дугор, сешанбе, панҷшанбе, чорпо, чилпо, садбарг, шашипар, чилчароги* т.д [86,54 ].

б) сложение в сочетании с суффиксацией. Этой методикой пользуются при создании сложных слов со значением лица, предмета с суффиксом *-а-, гӣ*: *дузана, дузанагӣ, думила, дучилда*.

Способ считается релевантным для образования существительных, обозначающих отвлеченные понятия: *дуҳокимиятӣ, дузабонӣ, мухаммас, панҷтонагӣ*.

Сложные прилагательные имеют в качестве первой основы количественные числительные и производные от них существительные с суффиксом *-а, -гӣ*; *дуаспа, дувоздаҳсола, яксоата, панҷқуша, ҳафтрӯза, нимбараҳна*;

нумеративные слова с суффиксами *–а, - гӣ*: *себора, якҷабзагӣ, бист қадоқагӣ*. Основой целой группы существительных является числительное и

суффикс *-a*. Отметим, что опорный элемент числительных простой структуры отличается более высоким деривационным потенциалом, нежели основа производной структуры.

Суффиксальная деривационная модель *Num+suff* является двухкомпонентной конструкцией, образованной из суффикса и производящей основы числительного.

Данная модель в таджикском языке обладает признаками самостоятельности ввиду усиления основного корневого числительного за счет различных формантов, которые условно называются суффиксальными: *-хо-панҷоҳ*, *-од- ҳафтод*, *ст-бист*, *- ллион-биллион* и др. В соответствии с функциональным потенциалом этих формантов, в таджикском языке приведенная модель представлена в следующих подвидовых моделях числительных: *Num-(хо)- панҷоҳ*, *Num- (од, ад) ҳафтод*, *ҳаштод*, *Num-(ст)- бист*, *шаст*, *Num—ллион – биллион*, *триллион*. В таджикском языке они осуществляются в двух типах:

а) *Num- сад- дусад*, *нуҳсад*,

б) *Num +даҳ – чордаҳ ҳабдаҳ*[105, 45]

В английском языке числительные от 13 до 19 образуются по модели *Num + Num : thirteen, sixteen*.

Модель *Num+Num* объединяет почти похожие подвидовые модели и отражает их в девяти типах; отметим что их число открыто и не ограничено:

а) *Num – hundred: 100-900*,

б) *Numthousand: 1000- 9000 one thousand- hast- thousand*,

в) *Nummillion: 1000000-9000000*,

г) *Numtrillion*,

д) *Num – billion*,

е) *Num – quadrillion*,

ж) *Numquintillion*,

з) *Num sextillion*

и) *Num septillion*

В английском языке:

- а) *Num* – ҳазор: як ҳазору нуҳсад,
- б) *N*-миллион, ду миллион,
- в) *N*-миллиард: як миллиард, ду миллиард
- г) *N* - биллион: як биллион:
- д) *N*-триллион: як триллион,
- е) *N* – квадриллион: як квадриллион,
- ж) *N* – секстиллион: як секстиллион,
- з) *N* – септиллион: як септиллион.

Числительные латинского происхождения, которые являются исконно английскими заимствованиями, пришедшими в таджикский язык через русский, представляют собой базу по формированию числительных этой модели. [105,72-74].

К образованным от существительных числительным можно отнести следующие: *ду сара* –(n) *two headed*; словосочетания, состоящие из *чис+сущ* и *num+n+aff* -*ду табаият* –(n) *having double citizenship*; *чис+сущ*; *v+adj+n*, *дупор* – (n) *two stringed*. В также слова, образованные от *чис+сущ*; *num+n +aff* *панҷ вақта* - (n) *fivefold*; *чис+сущ+ афф*; *num+n* *панҷгӯша* – (n) *pentagon*; *чис+сущ+ афф*; *n* *чорраҳа* – (n) *crossroads*; *чис+сущ+афф*; *z* *n+n+aff* *панҷяк*- (n) *one fifth*; *чис+чис*;

*num+num* *як дилӣ* - (n) *solidarity*, *чис+сущ +афф*; *n* *як забонӣ* – (n) *unanimity* слова, *чис+сущ+ афф*; *пак занатӣ* -(n) *monogamy*; *чис+сущ+ афф*; *пакӣ* – (n) *openess*; *чис+афф*; слова, *num+ aff* *якка зироат* – (n) *monoculture*; *чис+сущ*; *n* *яккалаҷом* –(n) *one rain*; *чис+сущ*; *num+n* *як гала*- (n)*plenty*;

словосочетания, состоящие из *чис+сущ*; *n+prep* *гала* –(n) *herd*; слова, состоящие из *сущ.*; слова, *n* *гала ситора* – (n) *constellation*; *сущ+сущ*; *n+n* *галаҷазира*- (n) *archipelago*; *сущ+сущ*; *n+n* *даста*- (n) *troop*; слова, состоящие из *сущ.*; *n* *кон* – (n) *mine*; *n* *қабила*- (n) *tribe*; слова, состоящие из *сущ.* *қабза* – (n) *handful* (*як қабза алаф*- *wisp of grass* ); слова, состоящие из *сущ+ афф*; *n+aff* *команда* – (n) *team*; *n* *гурӯҳ* – (n) *group*; *n*.

В большинстве случаев единственное число тех же арабизмов указывает на множественное, благодаря персидскому грамматическому указателю *-ha* (*-an*): *burjha*- бурҷҳо, *manzilha* - манзилҳо, *asl-ha*- аслҳо, *shakl* – ha- шаклҳо, *hal-ha*- ҳолатҳо, *vaqt-ha*-вақтҳо.

Персидско-таджикский эквивалент ряда арабских лексем с окончанием **-ayn (-an)** в данных сочинениях транслируется с показателем парности предметов: *Avhaqayn*= *Du- gurg-* ду гург; *himarayan* = *Du xar-* ду хар; *Zafda`ayn*= *Du-sayaz-*ду сук - названия звезд; *Tmanav`a*= *Du-paykar*= дугоник; *Samakatayan*= *Du-mahi-*ду моҳӣ- названия знаков зодиака; *du-jasadayan*= *dutan-* ду тан; *duzillayan-* *du-saya-* ду соя [102,124].

Формирование и развитие торговых связей между индоевропейскими народами стали причиной унификации всех систем счета. Более того, эта система счета не просто сохранилась, она на порядок упрочилась и по праву считается самой рациональной из всех когда-либо существовавших систем.

Согласно историческим источникам, Мухаммад ибни Айюб в «Сумарнаме», разделяя числа на правильные и дробные, предоставляет подробнейшую информацию о градусах, секундах и минутах. Беруни считает, что объективирующие исчисление шестидесятеричных дробей минута и секунда являются астрономическими единицами [102,153].

Исторически принято считать, что метод вычисления с использованием шестидесятеричных дробей был заложен вавилонянами; в дальнейшем его заимствовали европейцы, и именно благодаря им этот метод получил широкий диапазон распространения в средневековой арифметике и астрономии.

Латинские лексемы *gradus* и *minuta* не имеют исконно латинских корней. Так, *gradus* - это перевод арабского термина *дараджа*, а – *minuta* является эквивалентом арабского слова *дақиқа*.

Для выражения трехмерного измерения пространства и геометрических тел на данный момент в таджикском языке существует отдельный пласт терминов: *дарозо* – вместо *дарозӣ*, *пахно*– вместо *пахнӣ* или

*бар, жарфо*– вместо *чуқурӣ* или *умқ* или *амикӣ*, *боло*- вместо *баландӣ*, *ситабро*- вместо *зафсӣ*.

В таджикском языке для образования множественного числа следует прибавить к существительному суффикс – *ҳо*: *китоб*- *китобҳо*, *бача*- *бачаҳо*, *мард*-*мардҳо*, *зан*-*занҳо*. Отметим, что суффикс –*ҳо* может находиться в составе как одушевленных, так и неодушевленных существительных.

Таким образом, универсальной морфемой, актуализирующей множественное число существительных, является суффикс –*ҳо*, однако наряду с ним активно употребляются и суффиксы: –*он*, –*ён*, –*вон*, –*гон*, из которых:

а) –*он*, как правило, употребляется для названий одушевленных предметов (преимущественно людей), оканчивающихся на согласный звук. Например, *рафик*-*рафиқон*, *коргар*-*коргарон*, *ҷавон*-*ҷавонон*, *оҳангар*-*оҳангарон*, *муаллим*-*муаллимон*;

б) суффикс –*ён* предназначен для лексем, обозначающих одушевленные предметы (преимущественно людей) и оканчивающихся на – *ӣ*, –*о*, *у*: *хизматчӣ*- *хизматчиён*, *ҳисобчӣ*- *ҳисобчиён*, *тўтӣ*- *тўтиён*, *аълоҷӣ*-*аълоҷиён*, *доно*- *доноён*.

Существительные, обозначающие одушевленные, а также некоторые неодушевленные предметы и оканчивающиеся на гласный звук – *у*- *ӯ*, во множественном числе могут быть сформированы посредством суффикса – *вон*: *оҳӯ*- *оҳӯвон*, *абру* – *абрувон* [1, 27].

в) –*гон* употребляется для названий одушевленных предметов, оканчивающихся на – *а*: *талаба*- *талабагон*, *нависанда* – *нависандагон*, *хонанда*- *хонандагон*, *парранда*- *паррандагон*.

Важно отметить, что суффиксы множественного числа – *ҳо*, –*он*, –*ён*, –*гон*, –*вон* всегда находятся в ударной позиции. При изафете во мн. числе выступает только определяемое, а определение остается в ед. числе: *байрақи сурх* – *байрақҳои сурх*, *коргари завод*- *коргарони завод*, *дӯсти ҷони* - *дӯстони*

ҷони, нависандаи халқӣ - нависандагони халқӣ, паррандаи зебо - паррандагони- зебо.

Поскольку грамматическое значение арабизмов во множественном числе не может быть полноценно передано во заимствующем языке, то посредством суффиксов **-ha**, **-an**. происходит повторное ошибочное формирование значения множественного числа. В качестве основной причины следует рассматривать арабское множественное число с искаженной конструкцией или внутрикорневую трансформацию слов на арабском языке, которая не соответствует языковой природе таджикского языка в плане выражения множественности: *huruf-ha* - *хуруфҳо*, *maratib-ha* - *маратибҳо*, *manazil-ha* - *манзилҳо*, *buruj-ha* - *бурҷҳо*, *ahval-ha* - *ҳволҳо*, *ajaib-ha* - *ачоибҳо*, *arba-ha* - *аробаҳо* [102,78].

В отличие от английского языка существительные в таджикском, выступая с в качестве единого целого с числительными, всегда остаются в единственном числе: *як китоб*, *ду китоб*, *панҷ китоб* - *one book*, *two books*, *five books*.

Здесь следует констатировать факты согласования существительного и числительного в английском языке и рассогласования этих частей речи в таджикском.

Как известно, в древнеперсидском языке, как и во многих других индоевропейских языках, различались три формы числа: единственное, двойственное и множественное.

Древние иранские языки принадлежали к синтетическому типу с развитой системой флексии. Постепенно, в результате ослабления фиктивной структуры древнеперсидского языка, уже в среднюю эпоху развития западно-иранских языков сохранились лишь остатки двойственного числа. В новоиранский период в таджикском языке встречаются формы двойственного числа, выраженные:

а) прибавлением числительного «ду» к парным существительным, обозначающим части человеческого тела: *ду пой, ду лаб, ду рӯхсор*, - *two legs, two lips, two checks*.

б) прибавлением к парным существительным, употребленным с числительным *ду* суффикса – *он*; *ду чашмонат, ду лабонат*,

в) прибавлением слова «чуфт» (*pair*) к существительным при выражении двойственности или парности: *ду чуфт гушвор*- *a pair of earring*, *ду чуфт мӯза* -*a pair of shoes*.

г) употреблением арабских форм образования двойственного числа (при помощи суффикса - *айн*): *давлатайн*- *two states*, *тарафайн* – *both sides*

## 2.2 Формообразовательные суффиксы, выражающие множественное число в таджикском языке

В таджикском языке морфемы -*ҳо*, -*он* (-*гон*, - *ён*, - *вон*) входят в группу наиболее продуктивных и частоупотребляемых формообразовательных суффиксов, объективирующих множественное число.

Как отмечает В.С. Расторгуева, в среднеперсидском языке для обозначения множественного числа существительных использовались суффиксы -*ан*, -*һа*, восходящие к древнеперсидскому окончанию родительного падежа множественного числа *anāt* –и суффиксу *iha*. Оба эти суффикса перешли в новоперсидский язык классического периода в виде –*an* (*он*), -*һа* (*ҳо*), а от него были унаследованы современными персидским и таджикским языками.

Единственное число имен существительных в таджикском языке имеет нулевой показатель: *мусобиқа*- *competition*, *забон* – *language*.

Для суффикса -*ҳо* характерно более широкое распространение ввиду его способности присоединяться как к неодушевленным, так и к одушевленным существительным. Суффикс -*он* употребляется преимущественно с одушевленными существительными (параллельно с суффиксом - **ҳо**): *одам-одамон* (*ҳо*) -*people*, *асп- аспон* (*ҳо*)-*horses*.

Таким образом, если в языке таджикской художественной литературы X, XII веков высокая степень употребления сохранялась за суффиксом множественного числа *-он, (-ан)*, то в языке XX века имена существительные во множественном числе чаще употреблялись с суффиксом *-ҳо*.

Тенденция активного использования суффикса – **ҳо** в таджикском литературном и разговорном языке (особенно в диалектах) привела некоторых лингвистов к неверной мысли о том, что в будущем в таджикском языке произойдет постепенная замена суффикса – **он** (*-гон, -ён, -вон*) на суффикс – *ҳо*.

В таджикском языке три основных словообразовательных прикорневых компонента - суффиксы *-зор, -сор, -истон*, которые в составе отдельных существительных, осуществляют не только локативную, но и семантизируют значение множества: *чаимасор, богистон, кӯҳсор, гулзор*.

В раннем таджикском литературном языке наблюдается достаточно продуктивное употребление арабских элементов формирования множественного числа, проникших в язык симультанно с лексикой арабского языка. Их характеризуют два аспекта:

а) присоединение арабского окончания множественного числа – от после гласного, и его вариантов *-зом, -вом*: *калимом-words (от калима), хаёлом-dreams (от хаёл)*;

б) присоединение арабского окончания – ин: *муалимин – teachers (от муаллим)*;

в) изменением внутри самой основы: *кутуб - books (от «китоб»), уламо - scholars (от «олим»)*.

В современный таджикский литературный язык вошли арабские формы множественного числа, репрезентирующие единичность и множественность: (*аъзо - member, рамуз- symbol*).

Другая часть форм множественного числа вообще не вошла в общенародный язык, то есть литературный язык, выступающий как упорядоченная, правильная и обязательная норма. Их множественное число

образуется путём присоединения таджикских суффиксов множественного числа. Например, вместо *авҷот (times)* от *вақт (time)* употребляется *вақтҳо*, вместо *дувул (states)* от *давлат (state)* употребляется *давлатҳои* т.д.

В таджикском языке арабские формы множественного числа отличаются определенной степенью лимитированности в использовании, причем в большинстве случаев они склонны к тенденции лексикализации, т.е. трансформации в особую категорию производных слов.

Слова с суффиксами *-от, -зот, -вот* используются преимущественно с собирательным значением: *боғот-gardens*, *сабзавот-vegetables*, *навиштаҷот-notes*.

Синтаксическая структура, выражающая данный уровень, реализована количественно-именными словосочетаниями модели «числительное + существительное»: *many books – китоби бисёр*, *many questions – саволи зиёд*, *a lot of people одамони бисёр*, *five books – панҷто китоб*, *ten notebooks – даҳто дафтар*; предложными сочетаниями со значением единичности и множественности.

По своему содержанию указанные конструкции семантизируют количественные отношения, поскольку первый обозначающий меру и/или часть компонент выступает в качестве количественной характеристики второго измеряемого или исчисляемого компонента [157,76-77]. Также эти конструкции могут быть представлены:

а) атрибутивными словосочетаниями, в которых прилагательное передает признак предмета по качеству и количеству б) обстоятельственными словосочетаниями.

Л.А. Беловольская предлагает некое развитие обстоятельственных словосочетаний, добавляя к ним «дискретную величину» (*ду маротиба задан*) и сочетания «не дискретной величины» (*па*) *панҷ кг вазн доштан* [12-29];

в) глагольно-именными сочетаниями *як лаҳза – to have a look*; в котором семантика однократности/многократности действия выражается

формами числа именного компонента, указывающего на единичность или множественность актов. Например, *нафаси чуқур гирифтан*- to take a deep breath, *чанд қатра нӯшидан*- to take several pulls, *қарор қабул кардан*- to take a step и т.п [24,400];

г) сочинительным рядом с качественной дифференциацией считаемых объектов. Данная конструкция играет роль косвенного количественного показателя - содержательного, а не форменного [Чеснокова, 1981:44-53].].

В английском языке выделяются количественно-именные сочетания с аппроксиматорами, указывающие на приблизительное количество. Понятие приблизительного количества должно коррелировать с объективной действительностью, чье отражение отличается некой двойственностью: с одной стороны, близость данного количества к некоторой определенной величине, то есть факту реального мира; с другой, представляющая собой особую форму осмысления количественных отношений приблизительность является сугубо гносеологической категорией [116, 21].

Как отмечает Е.С. Бочарова, в языковом отображении мира аппроксимации (приблизительной номинации) отводиться оснополагающая роль. Способность человека оперировать нефиксированными, размытыми (нечёткими, приблизительными) множествами актуализируется в примыкании к определённо-количественным числительным группы слов, обозначающих неопределённые количества: «*бисёр*», «*кам*», «*якчанд*», «*чӣ қадар*».

Определённо-количественные числительные ответственны за выражение приблизительных количеств («*ду-се*», «*тақрибан даҳто*», «*панҷ нафар*» и т. п.). В данную категорию включены и обозначения дробей: во-первых, это обозначения обиходных долей мер или множеств, то есть слова типа «*нисф*», «*чоряк*», «*сеяк*», «*ҳааштяк*»; во-вторых, это искусственно сформировавшийся разряд обозначения математических дробных величин типа «*даҳ як*», «*панҷто- ҳааштум*», «*ҳафто- сиюдуюм*».

Как показало исследование, первая группа дробей максимально приближена к ряду существительных — названий мер и совокупностей «сабад», «гарам». Вторая тяготеет к определённо-количественным числительным. Аппроксимация (приблизительная номинация) занимает первостепенные позиции в языковом отображении мира. Важно понимать, что именно в результате коммуникации человек именуется фрагменты действительности в соответствии с имеющимися в его распоряжении знаниями. Следовательно, сущность наименования необязательно должна служить базисом четкого представления об именуемом объекте действительности. Элемент приблизительности априори является интегрированной частью процесса общения, поскольку точная характеристика не типична для повседневной коммуникации, в которой приоритетным остается оперирование неточными понятиями и категориями.

Таким образом, будучи лингвистическим феноменом, приблизительная, ориентировочная номинация является отражением одной из универсальных семантических категорий, в основе которой лежит неточный, приблизительный способ отражения человеческим сознанием внеязыковой действительности [129, 18].

Аппроксимация как функционально-семантическая категория универсальна, и на ее основе выделяют ФСП (функционально-семантическое поле) количественной аппроксимации в современном английском языке. Конституанты микрополя количественной аппроксимации сочетаются с числительными и счетными именами, используясь для приблизительной номинации количества конкретных объектов, временных и пространственных величин и других параметрических характеристик [Бузаров, лынова 1991-100-102). []].

Е.С. Спивак убежден, что говорящий предпочитает апеллировать к приблизительному наименованию предмета, поскольку из всех разновидностей аппроксимации именно количественная определенность объекта менее взаимосвязана с бытием данного объекта, нежели его

качественная сторона. В пределах данного поля высокой частотой употребления приблизительного именования отличаются количества конкретных объектов действительности - временные и денежные количества, возрастные и весовые, а также пространственные характеристики, что объясняется их счетной флексибильностью [99,195-196)..

Для таджикского и английского языков свойственна определенная вариативность в актуализации семантики приблизительности. Так, ее основу в таджикском языке составляют количественные и дробные числительные, что помимо всего прочего, координируется четким правилом образования приблизительности: используем два идущих друг за другом числительных; первое числительное всегда начинается с маленьких нумеративных слов. Например, *ду-се, сию панч-сию шаш, даҳ-понздаҳ*.

Для обозначения приблизительного количества также употребляются числительное *як* (один) или количественное местоимение *чанд* : *аз сесад чанд нафар иштирок кунандагони маҷлис як понздаҳ кас ба муқобили вай даст бардоштанд*.

На синтаксическом уровне аппроксимация представлена следующей моделью: *Ap + Num + S*, где *Ap* – аппроксиматор, *Num* – числительное, *S* – существительное. Э.Г. Лынова и В.В. Бузаров рассматривают функционирующие в языке в качестве синонимичных выразителей инвариантного значения приблизительности аппроксиматоры как особый омонимичных предлогам и наречиям функционально-семантический класс слов.

Самым распространенным аппроксиматором в английском языке является слово *about* (тадж- *тақрибан*). Наравне с *about*, однако с меньшей долей активности, используется целый ряд синонимичных ему слов: *nearly, some, almost, (a)round, roughly, approximately* и др. Приблизительность может быть выражена и с помощью предложных сочетаний: *тақрибан - in the vicinity of, тақрибан дар ҷамъияти - in the region of, in the neighbourhood of*.

В роли аппроксиматора используется сочетание местоимения *so* и союза *or* (*тақрибан як соат ҳамин хел - an hour or so*). . Именем предшествующего данному сочетанию объекта является лексема, обозначающая определенную меру: *year, dollar*.

Другая группа аппроксиматоров допускает приближение только в большую или меньшую сторону от выраженного числительным количества: *зиёда аз даҳ - over, under, below, up to + Num. – over 10, тақрибан 5 underfive, кам аз 15- below 15, зиёда аз 20 – up to 20* (99, 198-199] .

Характерной особенностью разговорной речи является обозначение количества, фиксирующееся двумя и более аппроксиматорами (*round about*), что является показателем высокой степени неуверенности говорящего. К этой группе аппроксиматоров примыкают синтаксические единицы типа: *зиёда аз-morethan, на камтар аз - nolessthan, nofewerthan, на зиёд аз - notmorethan, кам ё зиёд аз - lessthan, ormore, тақрибан- atleast*.

Н.И. Науменко выделяет семь типов сочинительных структур с числительными: *Num 1 orNum 2; Numorso; Numormore; betweenNum 1 andNum 2; Num 1 – Num 2, где Num – числительное* [141, 14-19]

Выражение семантической оппозиции точности/неточности, как известно, является не только одной из ключевых в содержательной структуре количества, но и становится главной семантической оппозицией в структуре количественных существительных, при этом охватывая фактически все семантическое поле данных существительных. Точное количество характеризуется однозначностью отображаемых им числовых значений. Неточное количество объективирует приблизительное, абстрактное числовое значение.

Анализ понятийно-семантических и категориально-грамматических признаков способствовал разработке особой классификации существительных с количественными значениями:

1) конкретно – точное количество: *тадж: литр/л, метр/м, грамм/г, центнер/ц; анг: pound, trio, doze;*

2) неопределенно-ограниченное количество: *тадж: саф, қатор, гурӯҳ, сабад, қанор, англ: group, cup, spoonful;*

3) неопределенно-большое количество: *тадж: ҷахон, қабат- қабат - англ: sea, mountain, rain, army;*

4) неопределенно-малое количество: *тадж: чакра, қатра, луқма, порча,*

*англ: drop, atom, ounce;*

Каждый представленный пункт свидетельствует о наличии различных методов и приемов актуализации количественного значения в структуре существительного. Более того, объективация происходит на уровне языковых аспектов: морфологического, грамматического, лексического и др. [106, 105-106].

Среди лексических средств номинации количества особую группу составили местоимения, указывающие на пространственную и временную ориентацию (*this, that*), обоюдность, взаимность (*each other, one another, both*), единичность (*each, every*), суммарность (*many, few, much*).

Лексемы меры и массы, которые отличаются однозначностью, точностью, системностью, деэмоциональностью, десинонимичностью, входят в терминологический пласт языка. Содержание этих лексических единиц раскрывается посредством дефиниций. За пределами терминологической лексики данные слова подвергаются процессу генерализации; их семантическое поле расширяется, а содержание, естественно, становится беднее, поскольку при выходе из терминосистемы содержание лексем, передающих значение меры и массы, транслируется посредством аллонимов, реализующих значения неопределенного количества. Кроме того, указанные лексемы служат в качестве основного компонента фразеологизмов, т.е. они склонны образовывать фразеологические единицы: *дуздони зиёд-tonsofpirates - manypirates; мактубҳои зиёд- bushofletters- manyletters; оби зиёд- gallonsofwater - muchwater; мутолеаи кам- dramoflearning - littlelearning.*

Исследование показывает, что в английском языке также выделяется группа прилагательных, актуализирующих значение неопределенного количества: *куҳан* - *old*, *ҷавон*- *young*, *гузашта*-*last*, *кутоҳ*-*short*, *дароз*-*long*, *бузург*-*great*, *калон*-*big*, *васеъ*-*wide*, *хурд*-*small*.

В адвербиально-нумеральных конструкциях (AdvNumN) наречия продуктивно используются для выражения уточнения общего количественного содержания всего сочетания, чаще всего значением неточного числа.

Достойным исследовательского внимания можно считать явление несоответствия синтагматического и парадигматического уровней при образовании общей семантики при распространении количественных сочетаний наречиями или наречеобразными лексемами. При общей семантике точного числа на парадигматическом уровне в смысловом паттерне числительного все сочетание реализует неточное число: *тадж*: *танҳо се кас* - *only three persons*, *қариб ҳар кас*- *nearly everyone*, *фақат се сония* - *only three seconds*, *наздики даҳ сония* *about ten seconds* *анг*: *only 2.37 p.m* – *танҳо соати 2.37 нисфирӯзи*, *over 3 hours* - *аз се соат зиёд*, *only 300 people*- *barely 400 people*- *тақрибан сесада*- *чорсад кас*, *only 150 fans*- *танҳо 150 мухлис*, *around 22 o'clock* - *таxminан соатҳои 22* и др. и др.

В сопоставляемых языках некоторые наречия обычно выступают в качестве уточнителей нумеральных сочетаний: *тадж*: *фақат*, *танҳо*, *ҳатто*, *ҳадди ақал*, *аниқ*, *комилан*, *зиёд*, *қариб ки*, *қариб*, *боз*; *анг*: *only*, *at least*, *just*, *exactly*, *quite*, *as much as*, *as great as*, *as few as*, *approximately* и др. [105, 123].

Для обозначения большей или меньшей меры используются наречные сочетания, что не характерно для английского языка: *тадж*: *зиёда аз*, *бештар аз*-*over faster than*, *more than*, *above*, *outside*, *up ward* и др.; и др., выражающие меру большего числа, *тадж*: *қариб*, *тақрибан*, *наздики*, *камтар аз*, *хурдтар аз*, *насттар аз* и *анг*: *less than*, *beyond*, *under*, *barely*, *close to* и др.; и др., выражающие меру меньшего числа: *тадж*: *зиёда аз 6*

*тонн, нахтар аз 5 ошёна* – англ.: *over 2 weeks, more than 20 mils, over 7 hours, less than 20 years, under 20 years, close to 2* и др.

Исследование показало высокую степень продуктивности английских наречий, уточняющих число; также следует констатировать их качественное и количественное превосходство в сравнении с их таджикскими эквивалентами. Данный факт обусловил тенденцию к поиску и подбору аналоговых единиц. Так, в таджикском языке подобными субститутами стали: *бештар аз, беш аз, зиёда аз, камтар аз, на кам ази* др., которые являются наиболее продуктивными способами уточнения числовых выражений в количественных сочетаниях таджикского языка.

### Вывод

Морфологическая категория числа является одним из способов выражения категории количества, которая отражает количественные отношения между предметами реальной действительности. После проведенного анализа мы пришли к выводу, что все имена существительные можно разделить на три группы:

- а) пропорционально обладающие формами как единственного, так и множественного числа; б) обладающие формой только единственного числа;
- в) обладающие формой только множественного числа.

Первая группа является наиболее многочисленной, так как к ней относятся, в основном, названия конкретных существительных, обозначающих исчисляемые дискретные предметы. Вторую и третью группы составляют наименования абстрактных качеств, веществ и парных предметов, то есть слова, в которых противопоставление по числу не выражено.

В обоих языках сложные существительные образуются при помощи суффикса *-хо* или *-гон*(в тадж.), *-s* (в англ.), который прибавляется к основному существительному: *acomputer-computers-компьютер – компьютерхо*.

В сопоставляемых языках данной категории присущ целый ряд

семантических сходств и различий.

Существительные *news, information, progress* в английском языке употребляются только в единственном числе, в то время как в таджикском они обладают формой как единственного, так и множественного числа.

При обозначении множественного числа некоторые имеющие так называемую ломанную конструкцию множественного числа арабские заимствования дублируют процесс образования множественного числа посредством суффиксов *-ha, -an*.

Причина этого языкового феномена заключается в том, что арабское множественное число с ломаной конструкцией или внутрикорневое изменение слов на арабском языке не соответствует грамматике таджикского языка и не всегда выражает множественное число: *хуруф-ҳо, маратиб-ҳо, манзил-ҳо, бурҷ-ҳо, аҳвал-ҳо, аҷоиб-ҳо, арба-ҳо*.

В таджикском языке существительные, образуя коллокацию с числительными, сохраняют форму единственного числа, а в английском же языке этого не происходит.

На синтаксическом уровне можно выделить следующие словосочетания, передающие семантику числа: количественно-именные *китоби бисёр - manybooks, саволҳои зиёд - manyquestions*; предложные сочетания со значением единичности (*каме -apieceof, oneof - яке*) и множественности (*як қатор - anumberof, шумораи аномountof*); атрибутивные словосочетания (*хонаи калон - a huge house*); обстоятельственные словосочетания (*ду маротиба зарба задан - tohittwice*) и сочетания «недискретной величины» (*5кг вазн доштан - toweigh5 kg*); глагольно-именные сочетания типа *як лаҳза - to have a look*, служащие для указания единичности или множественности актов: *нафаси чуқур гирифтан*.

В таджикском языке за передачу значения приблизительности в подавляющем большинстве случаев ответственны количественные и дробные числительные. Более того, существует четкое правило образования приблизительности: используем два идущих друг за другом числительных;

первое числительное всегда начинается с маленьких нумеративных слов. Числительное *як* (один) или количественное местоимение *чанд* употребляются для обозначения приблизительного количества.

### ГЛАВА 3. НУМЕРАЛЬНЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ В СОПОСТАВЛЯЕМЫХ ЯЗЫКАХ

Корневые и аффиксальные морфемы, сложные и сложнопроизводные числительные с неодинаковой структурной основой номинированы в качестве первостепенных, в определенном смысле даже главенствующих способов представления категории нумеральности на лексическом уровне. Категория нереальности в структуре ФСП (функционально-семантического поля) количественности, в которой наблюдается определенное сужение, как правило, за счет числительных, считается, тем не менее, межразрядной категорией, а представляющие ее числа относятся к разным лексико-грамматическим группам слов.

В каждой языковой системе существует огромное количество лексем, принадлежащих к разным лексико-грамматическим группам и выражающих способы номинации количественной нумеральности. Единица, представляющая различия лексико-грамматических групп, посредством форм грамматической категории числа актуализирует семантику нумеральной количественности.

Проведенное исследование предоставляет нам уникальную возможность продемонстрировать различные способы передачи нумеративности с учётом их межуровневого характера. В основные задачи данного раздела входит разноплановое ее (нумеративности) представление и выявление некоторых характерных особенностей и аспектов их корреляции.

Категориальному понятию нумеральности на различных уровнях языковой иерархии свойственны специфические способы выражения, которым в реальной ситуации свойственна теснейшая связь и взаимопроникновение лексического и грамматического языковых уровней.

Одной из разновидностей лексико-грамматических разрядов является понятие нереальности. Уровни языковой иерархии при раскрытии способов трансляции единиц анализируемого лексического ряда способствуют

выявлению двойственности их соотнесения и интервенции. В системах сопоставляемых языков в ранжировании семантической организации категории нумеральности знаковую и значимую позицию занимают именные части речи, в которых числительным отводится приоритетный статус, поскольку именно они обладают способностью быть пропорционально представленными и на лексическом, и на грамматическом уровнях.

Существительные, прилагательные, наречия и глаголы также претендуют на высокую степень охвата языкового материала, но в таджикском и английском языках отличия проявляются во внутриязыковом и в межьязыковом уровнях.

Ученые констатируют важность формирования количественных связей и путей их репрезентации в языке. В этом аспекте можно подчеркнуть генезис числительных, в соответствии с которым числительные выделяются в особый лексико-грамматический разряд ввиду их градуальной конкретизации и уравнивания количественных выражений.

Интерпретация гносеологических основ возникновения числительных зиждется на утверждении о том, что вычленение числительных из некогда единой категории наименования произошло путем расщепления диффузных и нерасчлененных значений. Сама же гносеологическая природа этого языкового феномена заключается в поэтапной кристаллизации понятия количества в сфере предметных наименований и обособлении количественных наименований от них в самостоятельный лексико-грамматический класс.

Категория количества постепенно интегрируя в лексико-грамматическую категорию числительных, не лишилась, а сохранила свои главные связи с другими частями речи. В отличие от числительных выражающиеся посредством категории количества общие понятия объективируются посредством категории количества, а в пределах других частей речи эти понятия всецело подчиняют себе лексико-грамматическое понятийное значение предметности, признака и процессуальности.

Значении количественности не имеет никаких точек пересечения и отличается по нескольким аспектам, в частности разницей с числительными, а также способами и средствами трансляции и идентификации количественности. Еще одним значимым отличительным аспектом можно считать характер представления степени охвата и интенсивности отражения общекатегориальных признаков поля количества.

Семантика количества проявляется и во вторичности, то есть воссоздании обще категориального понятия количества. Интегрируясь в генерализированные парадигматические отношения количественности, в целом они (числительные) образуют периферию поля нумеральности в языке.

Проведенный анализ показывает, что аналогичные связи свойственны для существительных, актуализирующих один из самых продуктивных разрядов, презентующих количественную семантику: нумеративы, мезуративы, счетные слова, коррелирующие с числительными на предмет общего значения числа и количества. Однако, в отличие от числительных, им свойственна: нерегулярность "привязки" к естественному ряду единиц; специфичность в сфере использования; наличие обеспечивающих связь элементов: *се- three – сененс- three pence, сехол- three score; score, fair* и др. [105, 21].

Периферийность порядковых числительных выражается в двух основополагающих принципах :а) во вторичности номинативного понятия числа и б) усложненности опорной системы. Отметим, что эти суть этих принципов проявляется в расчлененности таких компонентов, как семантическая структура порядковых числительных, первоначального значения числа и вторичного свойства: *як – якум, ду – дюум*; Хочагони солхӯрда ҳарпагоҳ дар масҷид баъд аз намози бомдод бо овози баланд “ авроди фатҳия” ном дуоеро бо *як овоз* ва ба оҳанги махсус мехонданд [85,10]. Every morning in the mosque, after the dawn prayer, the older Khojas to chant aloud a prayer with its own peculiar *cadence* called the avrodi fathia the sick and the not so well from out lying villages would gather here every morning in

hopes of being cured merely by hearing this prayer. [220, 32]. Бештаринизаминҳои милки ин деҳа аз миракониҳо дар дасти ду хонавода буд, ки онҳоро қозибачаҳо ва мутавалиҳо мегуфтанд [85,10]. Most of the larger properties were owned by *two Mirakhoni families* who were known locally as Qozibacha (kadi's sons) and Mutavalli ("superintendants") [220,32]. Дар як *гушаи* суфа як *нақорачӣ*, як *сурнайчӣ* ва *ду доирадаст* нишаста менавохтанд ва доирадастҳо гоҳо бо ҳам ва гоҳо ҳар кадом ба танхой ғазалхонӣ мекарданд [85,17]. At one corner of the sufa a drummer, a sunray player, and two *tambourine players* were seated, and the tambourine – playing sang together and in turns [220, 38]. Дар ҳафтаи якуба сайр рафтан падарам рози нашуд: - Ҳафтаи нахустинро одатан бачадавакегуянд, дар вай амошо дуруст ҳеҷ намешавад. Ҳафтаи дуюм мефиристонам, гуфт [85,117]. My father refused to let me go during the first week it was on, claiming that that the first week nothing worth seeing ever happened, and promising to send me during the second week [220,125]. Дуюм ин ки ман баъд аз хонадор шуда ба маъракаву мавриди мардум ҳамроҳ шуданам, дар Соктаре ғайр аз хешовандони худамон қариб тӯи касеро нахӯрдам, чунки ман зимистонҳо онҳо набудам, тӯйҳо бошанд, одатан дар зимистон мешаванд [85,24]. In the second place, since I got married I've hardly been to any celebration in Soktare except for those of my relatives, because I haven't spent winters there and weddings and circumcisions usually take place in the winter [220,44].

Глаголы, прилагательные, наречия и другие лексико-грамматические группы обладают целым спектром разнообразных способов непосредственной трансляции повторности (вторичности). К ним относятся вопросы о разновидности паттернов образования количественной семантики, а также наименовании количеств, указывающих на время, признак, степень единства/отличия с предметом и пр. В этой связи существительные, прилагательные, глаголы, наречия объединяются с числительными на основе общих семантических отношений.

Анализ представленных выше примеров демонстрирует интеграцию базового неидентичного признака количественности и характерных особенностей квантитативности, атрибутивности и др.

Вторичность понятия количественности, определяя связь периферийности в иерархии, является отражением категории количества в семантическом строение данного ФСП (функционально-семантического поля). Однако перечисленные выше способы актуализации нумеральной количественности в таджикском и английском языках представляют собой универсальные приемы выражения числовых понятий. Признак, имеющий относительно общность с числительными в вопросе объективации числа и количества существительных, выражается в их (существительных) принадлежности к единицам счетного понятия.

Главной характеристикой функциональной идентичности является сочетаемость с дискретными понятиями. Например, *даҳҳо асару мақола* – *Tenth creation and articles*, *садҳо табиб* – *hundreds of doctors* ит.д. *пример*.

Э.В.Игнатьева, рассматривая один из аспектов образования количественных связей грамматических форм слов в системе именных частей речи, фокусирует внимание именно на этих особенных свойствах. [135,18]. Их детальное изучение показало, что «морфолого-семантические способы передачи количественных связей могут считаться уникальными, несмотря на оппозиционное единство понятий единичности/множественности для всех частей речи именной системы». К тому же их количественная семантика несвободна социолингвистических обстоятельств [135,18].

Ярко выраженная черта неопределенных количеств представляется в размытости, отсутствии четких границ передаваемых ими количественных понятий. Количественная презентация одного или нескольких предполагаемых числовых понятий возможна при условии разделения, основанного на главном критерии числовых значений: качество, определяясь единичностью, формирует нечто определенное, точное, конкретное: ду

*дилдода, сад духтар*. Албатталибосванақдинаитўй ҳам мувофиқи духарашон шуданашро талаб мекунанд, агар насиа рафа бошад қудошаванда ҳаин чизхоро тайёр карда тавонад, мо як *духтар не сад духтар* дошта бошем ҳам медиҳем [85,47]. She added that certainly the clothers and money for the wedding would have to be worthy of their daughter. If the suitor could provide all that, the rich man and his wife would gladly give him their daughter *a hundred times over* [220,63. Inside the house were *threebeds* made of piled – up quilts: on two of them set Muhiddin and Ergashand it was obvious that the third bed was my “drumming sufa” [220,41].

Анализ приведённого фактического материала показывает, что количество может называться неопределённым в случае презентации его лексической единицей, выражающей более чем одно возможное числовое значение: *тахминанк 10 метр - about tenmeters, 200 метр - about twohundredmeters*- ду – се нафар-

Бари ин ҳавлӣ аз ғарб ба шарқ тахминан 150 метр буда, дарозиаш аз чануб ба шимол тахминан дусад метр меомад [85, 41].

Различия между понятиями в рамках неопределённого количества зависят не от количественной оценки/эвалюации, а от набора количественных свойств, выраженных объективным или субъективным связями с обозначением количественности.

Субъект, основываясь на первичной оценке и собственном анализе, формирует вторичную количественную оценку: *Ў умедвор буд, ки қушунро тақрибан дар се моҳ озод менамояд - He, hoped to free the army in about three months.*

В ходе исследования было доказана как содержательная неоднородность неопределённого количества, так и гетерогенность средств его выражения. Логичным в этой связи считается выделение статичных критериев формирования неопределённой количественности. Также эксперты предпринимают попытку идентифицировать универсальные

закономерности использования слов различных частей речи в сочетаниях, актуализирующих неопределённое значение. [ 141,19] и др.

Исследователь Т. Тагаева, проводя сравнительный анализ, определяет несколько аспектов микрополя нумеральности в сопоставляемых языках:

- 1) структура категориальной семантики микрополя нумеральности;
- 2) компоненты, которые составляют микрополе нумеральности в кругу обозначения определённой количественности;
- 3) иерархия взаимоотношений между ними в структуре нумеральных слов;
- 4) обозначение центра и периферии в микрополе нумеральности;
- 5) определение способов и средств их формирования в сопоставляемых языках;
- 6) разграничение категориальной, лексической и словообразовательной семантики нумеральности в английском и таджикском языках.

Т.Тагаева констатирует, что «нумеральность обладает способностью сформировать особое микрополе (поле второго (вторичного) ранга) в функционально-семантическом поле определенной количественности. Микрополе нумеральности, по мнению исследователя, на фоне семантического отличительного свойства квантитативности становится объектом обособления. Т.Тагаева убеждена, что суть квантитативности составляют семантические признаки, распадающиеся и функционирующие в контексте корреляции с другими семантическими характеристиками, основу которых составляет количественные доминантность и динамизм в ряду количественности: «кратность» (*ду зарби ду, ду карат ду*), «совместность» (*чор карата, чуфт, трио, духӯра, дуҷараёна*), «порядок следования» (*бояд дар хотир дошт, дююм, сони, дар охир*) и др .

Проведенное исследование позволяет констатировать открытость структуры нумеративов, в связи с чем фиксируются тенденции исключительно к расширению за счет включения в его (нумератива) состав

нового числового понятия. Нумеральность как языковая категория выполняет функцию коннектора языковых средств в выражениях, реализующих количественную семантику квантитативности, в том числе и в системе лексико-грамматических групп. Эта связь объективируется в пределах систем словоизменения и словообразования, демонстрируя специфические и общие характеристики способов языкового отражения нумеральности. Пополнение одноименного микрополя осуществляется за счет одного из самых рациональных способов словообразования - аффиксации числительных: *панҷ- five панҷум – the fiveth, панҷтоғӣ – byfive, панҷқӯша, панҷгӯша – five – pointed, панҷа – hand, панҷак – и др.*

Базис парадигматической организации микрополя нумеральности зиждется на многообразии семантических оппозиций: множественность VS краткость; дискретность VS не дискретность; единичность VS двойственность; денумеративность VS счетность VS мезуративность; совместность VS порядковость; адъективность VS процессуальность; конкретность/точность количества VS неконкретность количества; и др.

Общность семантических свойств количественности и признаков категориальной семантики различных частей речи не исключает, однако, факта их независимости друг от друга в различных аспектах.

Каждому языку (в частности сопоставляемым в контексте настоящего исследования) свойственны уникальные, только ему принадлежащие характеристики словообразовательного, семантического и грамматического порядка. Степени меры охвата и выражения оппозиционных особенностей отличаются оригинальностью. Напомним, что под оппозицией понимается разграничение свойств двух или более сходных единиц языка, реализовывающих семитологическую функцию. Согласованность количественных числительных с категориальным семантическим свойством поля нумеральности основана на семантической структуре количественных числительных и их смысловых признаков, выражающих ядро нумеральности в таджикском и английском языках[9,334] .

Одноименная сема закреплена практически за каждым семантическим свойством нумеральности. Структуру семантических полей составляют семантические значения высоты, глубины, величины, длины, вместимости, площади и пр., а также их многочисленные производные, представляющие все части речи [9, 251-252].

Каждая упомянутая языковая единица становится неотъемлемым компонентом данного ряда ввиду единого инвариантного свойства нумеральности, и универсальной актуализации понятия нумеральности на базе опорных или сопутствующих сем. В частности, синкретизм (слитность, нерасчлененность) определяет суть практически всех реализующих количественное понятие порядковых числительных, глаголов, имен существительных и прилагательных.

Дифференциация составляющих семантических элементов, что позволяет, путем преобразования и сегментация, выделить периферийную зону нумеральности: счетные существительные, дробные и порядковые числительные, а также образованные от числительных и счетных существительных прилагательные, глаголы и наречия.

При детальном рассмотрении методов репрезентации языковых средств нумеральности было выявлено, что в самой природе нумеральности заложены свойства генерировать свои, оригинальные способы выражения на различных уровнях языковой иерархии - морфологический, синтаксический, морфемный, лексический и фразеологический.

Эти сущностные преобразования являются своеобразным триггером для возникновения тесной взаимосвязи и взаимоинтеграции и языковых уровней в реальной речевой деятельности. По этой причине нумеральность приобретает статус и межразрядной категории.

Систематизация существительных, объективирующих количественные отношения, представлена в работах Джумаева А. [Джумаев 2004], А.В.Воронцова [Воронцов 1990, 203-204], Науменко Н.И. [Науменко

1984, 5-8], Чернюка Н.И. [Чернюк1978], Игнатъевой Э.В. [Игнатъева 1982,11-13]Швачко С.А. [Швачко 1982, 31-32] и др.

Каждая классификация отличается степенью охвата эмпирического и научного материала и уникальна своей исключительно лингвистической направленностью.

В основе нижеприведенной классификации лежит дифференциальное семантическое свойство, а также основополагающие признаки - многоуровневость и многосторонность, которые активно используются в разного рода синтезе. Данную классификацию следует считать попыткой обобщения результатов сегментации существительных-нумеративов, предпринятых в ранее проведенных исследованиях.

Особого исследовательского внимания заслуживает двухуровневый аспект количественных связей в системе существительных:

1. Категориально-грамматический уровень;
2. Лексико-семантический уровень.

Каждый отличается своей спецификой, особым средством реализации количественности. Суть подобного разграничения проявляется в двух взаимосвязанных аспектах:

- а) выражаемое содержание:чавон- чавоне- чавонон
- б) понятийная сигнификативная или денотативная соотносительность понятия лексем или общего, отвлеченного/абстрактного языкового понятия.

Отметим, что второй компонент присущ ряду лексических единиц, объединенных общностью грамматических форм: китоб- китобат [тагоева]

Категориально-грамматическому уровню присваивается статус обобщённого грамматического способа, для которого становятся стандартными оппозиции единичности/множественности и исчислимости/неисчислимости (*офтоб* – *thesun*, *хабар* - *news*, *донишҷӯ* *astudent*, *об* – *awater*). Также к этому уровню можно причислить и другие характеристики, проявляющиеся в категории числа (единственное//множественное), определенности // неопределенности (*зан* -

*thewoman, зане – як зан – ягон зан- awoman, суол – thequestion, суоле – як суол – ягон суол- aquestion)* и др.

Понятие определенности/неопределенности присутствует в обоих сопоставляемых языках, однако неидентичными являются только способы его выражения. Так, в таджикском языке эта определенность/неопределенность объективируется артиклем -е (кӯдаке) и словами як ( як кӯдак), ягон (ягон кӯдак). В английском языке для передачи этого смысла используются артикли a (an), the. В качестве важной ремарки отметим, что в английском семантика неопределенности выражается в форме вопроса или отрицания, и в этом случае, согласно грамматическим нормам, вместо артикля a (an) следует применять неопределенное местоимение any: Have you seen **any** child here? I have **not** seen **any** child.

Лексико-семантический уровень непосредственно коррелирует с лексическим понятием и сущностью лексических единиц, передающих количественную семантику.

Мы поддерживаем идею о двухуровневом аспекте формирования количества в системе существительных, поскольку оригинальный смысл, концепция содержания количественности в языке в принципе не может быть представлена с позиции только одного показателя. Более того, двухуровневое выражение понятия количественности считается традиционным феноменом языковой действительности.

Так, первый уровень находит свое применение в выражаемых в содержательной структуре грамматического понятия оппозициях, поскольку в системе существительных он (первый уровень) содержит как формальный, так и содержательный аспект количественности.. Например, *намоянда- намояндае-намояндагон – arepresentative - representatives, шахс-шахсе – шахсон- a person - persons, наппанда – наппандае – наппандагон- abird - birds* и др.

Лексический уровень, обозначающий количественность в системе существительных, безусловно, считается доминирующим. С учетом

своеобразных признаков обусловленности количественного значения отметим, что причин столь приоритетной позиции несколько: а) этот уровень является ядром лексических понятий; б) наличие взаимосвязи и взаимопроникновения лексического и грамматического уровней; в) присутствие семантического признака количественности в субстанциональных лексико-грамматических разрядах существительных. Лексические единицы выступают в данном контексте в качестве основы, передающей свойство количественности в системе существительных.

Вполне реальной представляется идея о классификации существительных с количественными значениями по способам словопроизводства. По структурным типам каждый лексико-грамматический разряд лексем данной категории делится на простые (корневые) и сложные, производные и сложнопроизводные слова.

Ввиду того, что простые лексемы не выполняют функцию маркеров количественности, проявление данных понятий характеризуется имплицитностью, что само по себе является достаточно проблематичным. Количественные связи в лексико-семантической структуре существительных объективируются в форме конкретных семантических свойств. Однако при этом они "работают" в пределах контекста, что требует переосмысления семантики существительного на основе метонимии и метафоры.

Семантический уровень предполагает обращение к парадигматическим связям в рамках использования оппозитивных отношений определённого/неопределённого, точного/неточного, , большого/малого количества. Парадигматика также проявляется в дифференциальных семантических свойствах частных соотношениях ряда или группы слов (*monosemy – gasemy, singularity-plurality, solibude-multitude, majolil-minority, bit-lot, macrosystem-microsystem, number-part, eternity-particle*).

Одной из основных и доминирующих в содержательной структуре количества является выражение семантической оппозиции

точности//неточности. Точное количество определяется однозначностью выражаемых числовых понятий, а неточное, показывая более чем однословное числовое значение, характеризуется неконкретностью, приближительностью.

Под «мезуративом» следует понимать недискретные единицы, обозначающие объём, вес. В других контекстах количественное смысловое значение существительных проявляется во взаимосвязи и взаимообусловленности с их лексико-грамматическим понятием.

Оппозиционные ряды в семантике имени существительного, являясь базой количественных связей, вступают во взаимодействие со свойствами многих элементов категории числа: большого и малого количества; единичности и множественности, стательности- и др.

Семантические признаки, проявляющиеся в категориально-грамматических и понятийно-семантических аспектах, представляют собой своеобразный остов четырех групп существительных с количественными значениями:

1. конкретно-точное количество: тадж; *литр/л, метр, грамм/г, центнер/ц*, англ. *trio, dozen* и др;
2. неопределенно-ограниченное количество: тадж: *саф, қатор, гурӯҳ, сабад, қанор*, англ.: *group, cup, spoon ful*;
3. неопределенно - большое количество: тадж: *чаҳон, қабат-қабат, гурӯҳ- гурӯҳ* англ: *sea, mountain, rain, army*;
4. неопределенно-малое количество: *чакра, луқма, порча*, англ: *drop, atom, ounce* и др.

А анализ фактического материала, представленного в качестве примеров, позволяет констатировать широту используемых способов словообразования.

Систематизация функционально-семантического поля количественности основана на аналогии функциональной семантики. Для каждого положения (пункта) в этой системе характерны свои оригинальные

признаки и семантическое содержание. Особенно ярко эти различия прослеживаются между лексическими и грамматическими понятиями, проблема которых нашла доказательное конкретное описание в лингвистических исследованиях начала XX века.

В рамках настоящего диссертационного исследования считаем нецелесообразным рассмотреть все аспекты формирования количественных понятий в системе существительного. Более того, объем фактического материала позволяет обозначить этот аспект в качестве объекта или предмета отдельного, самостоятельного исследования. Здесь же важно отметить особое место и статус, занимаемые существительными с количественными значениями, ведь только с производными от некоторых числительных в каждом из сопоставляемых языков было образовано огромное количество лексем: *three- triad – three headed – three- folded* и др.; *се, се нафар, сесара, секабата и др.*

Некоторые семантические особенности существительных (*панчто, дахто, чуфт, садтои* т.п.) дезориентировали исследователей в плане определения частиречного потенциала таких лексем. Ученые ошибочно отнесли их к числительным. Даже академик А.А. Шахматов поддерживал эту позицию, номинируя их «совокупительными» числительными, поскольку они пусть даже в сочетании с существительными, но все-таки называют количество: *куртаву эзор, як чуфт пойафзол, садто китоб, дувоздах дона корд, як пайса чой* и т.п. [шахматов синтаксис]

На взгляд Акуленко, «единицы, обозначающие меры и веса - нумеральные слова, денумерантивы, производные от числительных и передающие понятия количества сопутствующими семами, семантически тяготеют к числительным» [4, 7-40].

Однако каждая лексико-грамматическая группа самостоятельно справляется со своей функциональной нагрузкой, а в вышеописанной ситуации следует констатировать факт сходства некоторых характерных

признаков лексем из разных групп (здесь существительного и числительного).

Семантическая структура существительных с интегральными количественными семантическими свойствами практически идентична числительным. Хотя это зависит от степени и формата выражения дифференциальных черт. Числительные же разделяются на несколько типов в актуализации категории количества существительных, что в основе своей тяготеет к учету специфических признаков аппозитивных связей и в самой структуре и существительных, и других частей речи.

Прагматический уровень формирования семантики количественности в существительных проявляется в контексте целой системы противопоставлений, где каждая оппозиция имеет свои уникальные характеристики.

Понятие времени выражают следующие существительные: *замон, вақт, абад, сол- time, eternite, period* –и др. Они коррелируют с конкретными количественными отношениями. В их структуре обнаруживаются установленные оппозитивные связи, предназначенные для формирования парадигматических категорий количественных существительных. Например, семантическую оппозицию существительных *дуюм, рӯз, сол, аср - second, day, year, centenary* можно причислить к вышеприведенной категории ввиду их реализации конкретного и абстрактного количества.

Отличительные свойства парадигматической репрезентации количественности заключаются в обозначении видов существительных, включенных в категориальную систему количественных. Понятийное поле конкретно-точного выражения количества в системе существительных формируется и развивается за счет денумеративов - мезуративов и представляет счетные слова - лексические единицы меры и веса [119,144].

Семантика нумеральности и сама нумеральная функция существительных в таджикском и английском языках обозначена в качестве

одной из первостепенных. Учет этих признаков должен стать основой классификации существительных нумеральной семантики.

Структура нумеральной количественной семантики тяготеет к разделению существительных на лексико-семантические группы и нумеральные подгруппы. Помимо этого, вполне приемлемо классифицировать нумеральные существительные по основным видам семантических оппозиций:

1. Нумеральные слова как единицы измерения;
2. Нумеральные слова в качестве указателей категориальной принадлежности исчисляемого предмета.

Оба вида отличается многочисленностью и разнообразием семантических групп.

1. Тип нумеральных слов, обозначающих любые меры, метрические единицы всех видов, наименования предметной множественности и пр.

Семантические свойства нумеральных слов – единиц измерения по конкретному семантическому многообразию выраженных в структуре лексических единиц разделяются на следующие подгруппы:

а) нумеральные существительные, которые обозначают меры длины: *мили бахрӣ-mile (sea mile)*, *ярд - yard (як метри мукааб - cubic yard)*, *дюйм-inch (метри квадратӣ-square inch; superficial inch)*, *фут- foot, feet (як ваҷаб замин - a square foot of land-)*, *фарлонг- furlong (дар пойгаҳ)* и др;

б) нумеральные существительные, указывающие на меры площади: *акр - acre (акри замини кишукор - crop acre)*, *метр-meter*, *ярд-yard-(қитъаи замин yard of land -)*, *гектар - hectare (10 гектар замин- tenhectares of land)*

в) нумеральные существительные, обозначающие меры времени: *рӯз - aday*, *моҳ- a month (ду моҳ - twomonths)*, *соат- hour (се соат – three hours)*, *дақиқа - minute (панҷ дақиқа - fiveminutes)*, *сония - second (ду сония - twoseconds)*, *сол- year (чор сол - fouryears)*, *фасл - season (чор фасл - fourseasons)*, и др;

г) нумеральные существительные, обозначающие меры объёма: *бочка*,

(чалак) *barrel* (бочкаи чубин - *an oak barrel* ), унсия- *ounce* (унсияи моеъ - *fluid ounce* ), халта – *a bushel* (халтаи ағишмасанг - *bushel of coal*), вагон- *carriage* (даҳ вагон гандум - *ten carriages of corn*) и др;

д) нумеральные существительные, которые обозначают меры веса: *фунт- pound*, *тон- ton*, *грам-gramm* (*грам*), *сентнер - center* и др.

е) нумеральные существительные, которые обозначают меры скорости: *метри сония - meter-square*, *метри квадратӣ- kilometer-square*, *километр соат - kilometer-hour* и др.

Проанализировав пласт нумеративной лексики таджикского языка, А. Джумаев выдвигает следующую гипотезу: существительные, обозначающие меры скорости, в основном являются кальками, то есть эти слова были образованы посредством копирования морфологической структуры и/или смысла лексических единиц, пришедших в таджикский язык из русского [133,23];

ж) нумеральные существительные, которые обозначают меры температуры: *дараҷа, имрӯз даҳ дараҷа гарм аст — it is ten degrees above below zero today*

з) нумеральные существительные, которые выражают меры энергии: англ: воҳиди гарми - *heat unit*, *ҳарорат- therm*, *калория калон — large calorie*, *ватт - watt* (*лампочкаи бо тавоноӣ 60 ватт- a 60 watt bulb*, *киловатт - kilowatt - панҷ ҳазор ватт -five thousand watts*, *киловатт соат - kilowatt-hour- қувваи ҳазор ватт дар як соат - power of 1000 watts in one hour* и др;

и) нумеральные существительные, выражающие меры стоимости: англ, *pound* (*Egyptian pound-асъори (нул) Миср*), *shilling - (pay twenty shillings in the pound нурра пардохт кардан)*, *dollar ( даҳ доллар)*, *pence- сент ( He gave the beggar 20 pence. —ӯ ба бечора 20 сент дод.)*, *funt, funt-sterling-sterling payments — пардохт бо асъори англисӣ* и др.; *сомони, танга ,дирам*.

к) нумеральные существительные, которые выражают совокупность и множество однородных предметов, живых существ: *қатор, оила, гурӯҳ (a set of features –тарҳи рӯй)*, *parcel –накет, бўғча, той, тугун, линча, (parcels of*

*food and clothing* — *туғуни либос, хӯрок*) *series-* *гурӯҳ*, як қатор (*series of function-* як қатор функция), *herd-* *нода* (*a herd of elephants/goats* — *нодаи филҳо, бузҳо*), *covey-* *села, бачаҳо, гурӯҳ, гала* (*covey of birds-* *селлаи парандагон*) и др.

л) нумеральные существительные, выражающие совокупность коллективов людей: *crowd* --(*тӯдаи одамон -crowd of people* , *body-* *ҷамъият - body politic*, *бригадаи* –*gang (work gang-* *бригадаи коргарон* и т.д

м) *саф, ошёна, row, series, floor* (*row houses-* қатори хонаҳо, *secondfloor-* сеюм ошёна) и др.;

н) нумеральные существительные, которые выражают части, делимости при счёте предметов, связанных с едой: *lump, piece, (a lump of cake-* як луқма ширини) *bit, slice (slice of bread* — *бурдаи нон*), *sheaf (sheaf of corn-* дарзаи гандум) *mouthful-* луқма (*just a mouthful, please* — ба ман як луқма, *a mouthful of pizza-* як луқма пизо), *gulp-(at one gulp, in one gulp* — як қулт и др.;

о) нумеральные существительные, выражающие малую меру: тадж: *мушт, каф, қабза, қатра, чакра*; англ: *tear ашк (to shed a tear* — *ашк резондан*), *fist-* *мушт, base , kind*, и др.

п) нумеральные существительные, которые выражают качественную характеристику меры, род, вид или сорт предмета: тадж: *хел, навъ, намуд* англ, *sort - what sort of book is it?* — *ин чи хел китоб аст?* *kind* – *allof kinds-* ҳама намуд и др;

р) нумеральные существительные, которые указывают на совокупность единиц измерения: тадж: *қадок, манн* англ: *bushel of corn-* як халта гандум, *песк, itch* дюйм и др.

с) нумеральные существительные, которые означают общее название количества: тадж: *шумора, миқдор, теъдод, адад*; англ: *number, quantity, amount* и др.;

т) нумеральные существительные, обозначающие количество сосудов, контейнеров: *истакон, табоқча, пиёла, сабад*, англ, *bottle шиша (plastic bottle-*

ишшаи пластики), *box- қуттӣ* (*ironbox- қуттии оҳанин*), *cup* *пиёла* (*a cup of coffee- як пиёла қаҳва*), *basket- сабад* (*a bucket of fruits- як сабад мева*), *dish- табоқча* (*a dish of cookies – як табоқ қулчақанд*), и др.

2. Лексемы, обобщенно указывающие на штучность предмета, на его существование как отдельного целого, а также на главные классы объектов, относятся к "нумеральным словам-указателям категориальной принадлежности исчисляемого предмета" [Джумаев, 18].

Данный ряд представлен подтиповыми семантическими классами нумеральных существительных:

а) нумеральные существительные, актуализирующие число печатной и рукописной продукции. Подгруппа характеризуется крайней специфичностью значения, хотя является довольно обширной, что свидетельствует о многообразии и богатстве таджикской письменной культуры: *боб, фасл, сатр, саҳифа, нусха* и др. Некоторые лексемы могут выступать в качестве самостоятельных, независимых классификаторов и/или единиц измерения: *ҷилд, нусха, номгӯй* [133, 17]; в английском *volume, copy, kind* и др.

б) немногочисленные нумеральные существительные, выражающие парность предметов: тадж: *ҷуфт - pair* як *ҷуфт гушвора – a pair of earrings, 200 ҷуфт мӯза - two hundreds pair of boots*; англ: *model-model of repair- модели аз нав барқарор шуда, list – рӯйхат-a list of participants – рӯйхати иштирокчиён, pair – ҷуфт- a pair of gloves* як *ҷуфт дастпӯшак* и др;

в) нумеральные существительные, которые обозначают языковые единицы при счете: тадж: *калима, сухан, гап*; англ: *word-калима-to coin a word — калимаи нав фикркарда ёфтан, piece -a piece of information- маълумот* и др.

г) нумеральные существительные, указывающие на штучность предмета и сочетающиеся с универсальным энклитическим (безударным) нумеративом субстантивного происхождения – *то // -та “штука”*: тадж. *дах-то нусха, панҷ-то ҷуздон, ним-та шӯрбо, шааш-та дафтар*; англ: *pieces,*

*per piece / by the piece* — *дона – дона*, *a three-piece suit* — *костюмбо камзулча*, *a five-piece band* — *дастаи панҷнафара* и др.;

д) нумеральные существительные, содержащее указания на классы лиц при счете: *тадж: кас, нафар, сар*; *number- serial number of a soldie* — *рақами шахсии аскар*, *people - the French people* — *мардуми фаронса*, *person -missing person* — *шахси бе ному нишон гумшуда* и др.;

е) нумеральные существительные, указывающие на классы животных при счет, *раъс- панҷ раъс асп* и др.; *анг; a hundred head of cattle - сад сар гов*, *a large head of rabbits- шумораи зиёди харгӯш*.

ж) нумеральные существительные, означающие классы неодушевленных предметов при счете: *дона - адад, нусха*; *piece – дона about ten pieces* – *дах дона*, *several apples - як чанд дона себ*, *five eggs- панҷ дона тухм* [133,45].

Критический контент-анализ показал, что классификация, в основном, охватывает лексические единицы, объективирующие мерную семантику. Наблюдается также некое "разбавление" словами, выражающими приблизительную и точную величину, что демонстрирует тенденцию метафорического переосмысления понятия существительного. Важно отметить и переводной аспект: в зависимости от контекста при переводе может происходить опущение слов, передающих значение меры. Данный прием широко используется при переводе с английского языка на таджикский.

Функционал слов меры и веса продиктован особенностями и контекстом употребления терминологической лексики. Известно, что терминологический аппарат определяется однозначностью, точностью, системностью, частично синонимичностью. Детерминологизируясь, они (слова меры и веса) формируют новые прагматические ряды, соотносящиеся с *много/мало*.

Исследование показало, что в сопоставляемых языках существительные нумеральной семантики подразделяются на отдельные

классы слов, для которых характерна открытая структура, цикличное изменение и расширение, что связано с социолингвистическими факторами. В этом отношении следует особо подчеркнуть динамичный прогресс в вопросе использования нумеральных существительных в таджикском языке.

Существительные с количественным значением являются полноценной ресурсной базой для формирования нумеральных существительных в сопоставляемых языках. В таджикском языке история образования нумеративов стала объектом исследования для Джумаева А. [133,23].

Он классифицирует нумеративы на подгруппы по начальной форме, что, на наш субъективный взгляд, является вполне правомерным. Безусловно, нумеральную лексику необходимо классифицировать на предмет исконности и заимствования. Считаем это принципиальным аспектом, поскольку исследование показало, что пласт нумеральных существительных в таджикском языке зиждется на богатейшем лексическом запасе таджикского языка, в том числе и на архаизмах. Исследователь А. Джумаев справедливо замечает, что «они составляют ядро разряда классификаторов и большую часть общепринятых единиц измерения» [133,14].

Согласно результатам анализа, значительную часть нумеральных существительных составляют арабизмы, «особенно множественные слова канцелярского стиля таджикского языка XIV-XIX вв.». Однако А. Джумаев уверенно заявляет о незначительности их (арабизмов) доли в современном таджикском языке, особенно среди наиболее употребительных нумеральных слов: *чилд*, *нафар*, *нусха* и др.

Среди заимствованных нумеральных слов таджикского языка достаточно высокий процент приходится на русские и тюркские (как правило, узбекские) заимствования. Исторический опыт развития нумеративов в таджикском языке свидетельствует о мощнейшем влиянии социолингвистических факторов. Так, на каждом этапе своего развития таджикский язык фактически становился предметом кардинальных

трансформаций, и лексическо-грамматическая структура нумеральных субстантивных слов одной из первых ощущала на себе результаты этих преобразований..

В конце XIX века генезис и эволюция нового экстралингвистического фактора в усовершенствовании таджикского языка стали основной причиной вхождения русских слов в таджикский язык. В этих неоднозначных условиях происходила постепенная замена не только исконно таджикских, но и арабских, тюркских и других единиц, обогативших таджикскую нумеральную лексику.

Процесс усовершенствования таджикского языка подразумевает фактически новый период его формирования. На данном этапе приоритетной целью является восстановление исконных слов языка, поскольку включение Таджикистана в международное сообщество и целую серию общемировых процессов представляет определенные риски для существования таджикского языка как такового. К этим рискам добавляется и brutальное воздействие международных языков, в первую очередь русского и английского. В этой связи особую обеспокоенность вызывает факт беспрецедентного наплыва англицизмов, которые "ссыплются" на нас из масс-медиа, рекламы, аннотаций к продуктам и сервисам и прочим достижениям современной науки и техники.

Одним из основных аспектов в исследовании обозначения количественных связей считается изучение нумеральных слов на синтаксическом уровне, что позволит детально рассмотреть отличительные черты, семантико-грамматические признаки, семантический объём и случаи совмещения или равноценной/неравноценной замены количественных слов в сопоставляемых языках.

Семантический уровень входит в категорию главных языковых способов передачи количественных связей в сопоставляемых языках. Эти количественные словосочетания, как правило, формируются из двух или более полнозначных слов: як халта ангишт - **a bushel of coal**, як пиёла чой - **a**

**cup of tea**, як *ҷиҳози хона* - **a set of furniture**, – як *маблағ пул*, - **a fair of money**, як *нафар*- **one at a time**, **нохост** - **out of blue** и др.

Напомним, что в рамках настоящего исследования под нумеральными подразумеваются выражения, содержащие в себе количественные слова и/или выражающие количественные признаки. Отсюда следует, что не только числительное, но и всякое количественное слово могут выражаться в качестве количественного атрибута. Приведенные данные свидетельствуют о том, что в семантической структуре похожих квантитативных выражений, определительные словосочетания актуализируют один из видов квантитативной связи, включая категориальные значения: количество и субстанцию.

Субстанция как составной компонент объективируется в словах, выражающих субстантивное понятие, естественно, посредством существительного. Другой компонент выражается при помощи числительных или других слов, выражающих сему нумеративности. Как правило, в контексте акцентуализируется одно из видовых понятий нумеральных значений (эти значения были рассмотрены нами в рамках семантической классификации нумеральных слов): *тӯдаи одамон*, як *пиёла чой*, як *пода гов*, як *ҷевони хона*: *a crowd of people*, *a cup of tea*, *a herd of cattle*, *a bushel of coal*, *a set of furniture*, *a shower of greetings* и др.

Таким образом, количественные слова являются семантическим ядром нумеральных лексем, выражающих понятие субстанции устанавливающим словом или понятием и актуализирующим числовую репрезентацию предметов.

### 3.1 Структурные особенности нумеральных сочетаний в сопоставляемых языках

В английском и таджикском языках выделяются следующие модели, образующие нумеральные сочетания: Num+N, Sp+Num+N, Num+N+num+N.

Модель Num+N считается главным паттерном нумеративных сочетаний в таджикском и английском языках: *дах гов, се хатогӣ, якчанд бозича, сад донишҷӯ, миллион ситора, чор кӯл, як ҷавоб* *tencows, threemistakes, few toys, hundred students, million stars, four lakes, one reply* и др.

Все остальные модели Sp+Num+N, Num+Num, N+num+N представляют собой неодинаковую, разнородную материальную реализацию Num+N. Условно выделяя их вслед за С.А.Швачко в самостоятельную парадигму, мы определяем их семантико-грамматическую независимость, автономность в пределах осуществления главных семантических и грамматических признаков модели Num+N.

В нумеральных выражениях Num+N в обоих языках на синтаксическом уровне образуются синтаксико-грамматические отношения примыкания, где первостепенным является порядок слов: *панҷ тиреза – five windows, панҷоҳ корхона - fifty offices, даҳ- савол - tenquestions, се ҷавоб - three reply.*

Анализ показывает тождественность структурного порядка, то есть числительное+существительное - это классический паттерн в сопоставляемых языках, в котором числительное, занимающее первую позицию, находится в подчинительном статусе у существительного, которому в словосочетании отводится вторая, но ядерная позиция: : *fivestars – панҷ ситора.*

В таджикском языке, однако, возможным считается сочетание числительного и некоторых групп местоимений. В этой связи выделяется следующая значимая характерная черта идентичных конструкций в таджикском языке - это отсутствие изафета. Исследование показало, что изафетный вакуум присущ только нумеральным выражениям, что включает данный грамматический признак синтаксических связей в субстантивных оборотах с числительными в поле научного интереса [133,7].

В таджикском языке существительному не свойственна категория числа при использовании его (существительного) в составе словосочетаний структурной схемы Num+N: *се нафар, панҷ нафар, сад нафар, чор компютер, даҳ компютер, сад компютер, ду қабат, шаш қабат, бист қабат* и др.

Данные примеры свидетельствуют о том, что в нумеративных выражениях по данной модели могут использоваться неоднородные по семантической структуре существительные, которые составляют имена дифференциальных семантических групп.

С.А.Швачко детально рассмотрел четыре вида нумеральных сочетаний, сформированных по указанной модели на материале английского, русского и украинского языков [119,132-134].

Дифференциальные признаки сочетаний в структуре NumN присущи существительным, которые, относясь к разным лексико-семантическим классам, формируют семантическое ядро словосочетания[119, 41-46]: *даҳ лектор- tenlecturers, ҳашт тӯтӣ - eightparrots, се харгӯш - threerabbets, one trout – як гулмоҳӣ* и др.

Вариант NumN2 выражается на основе осуществления в субстантивном компоненте названия объектов: *панҷ шиша – five bottles, ҳафт шаҳр- seven towns, панҷ дарахт – five trees, кӯҳ - one (a) mountain, чор кул- four lakes* и др.

Для третьей подмодели NumN важны лексико-семантические критерии существительных, которые выражают названия событий, явлений, процессов: *тадж: як ғалаба, ду мусови, чор маҷлис, як муҳориба; анг: two bursts, two lives, one answer, three rides* и др.

Исследователь выделяет также NumN в качестве четвертого варианта модели NumN [126, 144]. Оба компонента в этой модели реализуют количественную семантику - числительное (сему числа) и нумеральное существительное (сему числа или измерения): *тадж: ду ҷуфт, се гектар,*

*хəфт метр, ду сабад, чор ғарам; англ: two dozens, three scores, fifty pounds, four bushels, five acres, fifty yards* и др.

С.А.Швачко подчеркивает, что конструкции, относящиеся к данной подмодели, отличаются бесчисленностью и семантической неоднородностью. Эти модели представляют собой специфические соединения, в значительной степени отличающиеся от предшествующих подмоделей и в семантическом, и в структурном планах. В семантическом ключе названные сочетания презентуют основанные на согласовании количественных лексических единиц нумеральные выражения. Несмотря на дифференциальность лексико-семантического порядка, оба элемента выражают неодинаковые категориально-понятийные значения и количества. В этом и заключаются ключевые семантические различия приведенных выше подмоделей.

Функциональная семантика измерения/взвешивания накладывается на считаемые объекты, выражающие множества. Однако данная модель обладает схожими с NumN признаками в грамматической структуре, что выражается в семантической и структурной несостоятельности двуличных сочетаний (*панҷ акр - five acres, панҷоҳ ярд - fifty yards, ду ҷуфт - two pairs, се сол - three years*), поскольку фиксируется постоянная необходимость согласования трехчленного сочетания с конкретизацией существительными – названиями считаемых или измеряемых объектов: *се дарза алаф, шаш адад ҷуздон* и др.

Анализ показывает, что приведенные в качестве примера словосочетания относятся к самостоятельной, автономной модели. Схематически эта модель презентуется как Num+Num+N, что является очередным доказательством наличия в системе нумеральных слов трехчленных сочетаний. В сопоставляемых языках выделяются две разновидности таких сочетаний:

а) конструкции, связанные с расширением структурной схемы модели Num+N;

б) трехчленные сочетания, компонентная организация которых непосредственно связана с функционированием нумеративов.

Первый тип включает конструкции, в которых дополнительный элемент структурной схемы добавляется к сочетаниям (числительное и существительное), сформированным на основе правил комбинаторных возможностей ядерных элементов. Здесь расширение модели происходит за счет "наращивания" существительного определяемым понятием: англ. *se нуқтаи назари заиф* - *three weak points*, ду *ҷавон духтари зебо* - *two nice girls*.

По семантическим и грамматическим признакам определяемое понятие сочетается только с существительным, не отражаясь в семантике числительного. В сопоставляемых языках процесс увеличения элементов нумеральных выражений обладает характерными особенностями, демонстрируя при этом специфику структурного и грамматического формирования числительных и их распространителей, а также алгоритм и средства связи между компонентами.

В таджикском языке именно изафету отводится ведущая роль в налаживании связей между качественными/относительными определениями и существительным, при этом ключевым фактором является расширение определяемого слова: *чор муҳандиси фаъол*, *шаш талабаи ҷафомонда*, *дах иштирокчи озмун*, *се курси мулоим* и т.д.

В ходе исследования удалось установить достаточно объемный спектр средств, призванных расширить количественное сочетание. Исследователи игнорируют допустимость использования определительных слов при упомянутых выражениях или сужают сферу ввода определений.

Профессор А. Е. Супрун, изучая славянские числительные, идентифицирует признаки нетипичности расширения числительного при помощи определяемого слова: «Поскольку числительное по своей семантике непредметно и в семантическом отношении его можно рассматривать либо как некоторое количественное определение, либо как обозначение чистого

числа, лишённого предметности, числительным не свойственно иметь при себе согласованное определение, столь характерное для существительного.

Действительно, определение числительного – это редкость. В тех случаях, когда определение числительного и встречается, оно не вполне типично для современного состояния славянских числительных» [103,51-61].

Проведенный анализ свидетельствует о том, что не все смыслы/значения/предметы могут выражаться числительными или сочетанием с числительными. Поскольку автономность лексической единицы определяется ее комбинаторными признаками на линейном (синтагматическом) и вертикальном (парадигматическом) уровнях.

С.А. Швачко, в ходе изучения вопроса о единстве лексико-семантических характеристик, выделяет SpNumN в качестве индивидуальной структурной модели количественных выражений. Ученый предлагает три способа ее реализации: адвербиально-нумеральный (AdvNumN), прономинально-нумеральный (PrNumN) и адъективно-нумеральный (AdjNumN) » [119,144] .

Однако, в настоящей работе эти модели не будут восприниматься в качестве самостоятельных паттернов, а будут восприниматься как вариант модели NumN, получивший расширение за счет конкретных видов распространителей. Не самостоятельность, а именно вариантность видится в том, что расширение происходит не на основе облигаторной связи модели NumN с распространителями, а посредством вариативной, допустимой, возможной, вполне реальной связи: *ин панч фонус – панч фонус, шаи мақолаи илмӣ – шаи мақола*.

Распространители выполняют функции определителей, дополняющих содержания модели. Им свойственны черты особых квалификаторов, которые в лингвистической литературе получили название "спецификатор". Модель NumN является вполне самодостаточной и может функционировать самостоятельно и в грамматическом, и семантическом аспектах.

Исследование показало, что принцип выделяемых адъективно-нумеральных, прономинально-нумеральных и адвербиально-нумеральных сочетаний напрямую зависит от частиречной принадлежности распространителей.

Наречия в адвербиально-нумеральных сочетаниях (AdvNumN) в целом используются для обозначения общего количественного, парадигматического уровней при формировании общей семантики и при распространении количественных выражений наречиями или наречно-образными понятиями. При общей семантике точного числа на парадигматическом уровне в содержании числительного все сочетания выражают неточное число: тадж: *танҳо се кас – қариб ҳар кас, фақат се сония - наздики даҳ сония* англ: *only 2.37 p. m. – over 3 hours, only 300 people – barely 400 people, only 150 fans around 22 o'clock* и др [119,144] .

В качестве уточнителей нумеральных выражений в обоих языках обычно используются такие наречия, как : тадж: *фақат, танҳо, ҳатто, қариб ки, қариб, боз*, англ.: *only, atleast, just, exacly, guite, asmuchas, asgreatas, asfewas, approximately* и др.

В количественных выражениях наречия не только определяют количественные понятия всего выражения, но и могут осложнять количественное содержание различными качественно-оценочными понятиями, субъективно - и эмоционально-оценочными по характеру, к примеру, пожелания (*боз сад соли дигар (мебуд)*), сожаления (*боз агар даҳ дақиқаи дигар (мешуд)*), сомнения (*at last three minutes*) и др.

Для обозначения мер большего или меньшего числа используются наречные выражения, при этом в английском языке для этого употребляются лексические единицы: *over, faster than, more than, above, outside, up ward* и др, тадж: *зиёдааз, бештар аз* и др., Также широко оперируют лексемами, обозначающими меру большего числа, и англ: *less than, beyond, under, berely, close to* и др. и тадж: *қариб тақрибан, наздики, камтар аз, хурдтар аз, насттар аз* и др, и выражающими меру меньшего числа: тадж: *зиёда аз се*

*моҳ, беиштар понздаҳ км, аз се соат зиёд, китоб, камтар аз дуvozдаҳ сол камтар тақрибан чор сол, наздикии шааш сол*англ: *over three months, more than 15 miles, over 3 hours, less than 12 years, under 4 years, close to 6* и др [119,144].

Определители числа в английском языке отличаются по качеству от таджикских аналогов. Данная гипотеза положила начало практики выявления качественных и количественных характеристик числового содержания в количественных сочетаниях в сопоставляемых языках.

Возможности таджикских наречий достаточно ограничены в плане выражения общих черт количественных понятий. Следовательно, в таджикском языке возникает необходимость поиска эквивалентов и аналогов английским наречным определителям для передачи аналитических выражений: *беиштар аз, беш аз, камтар аз, на кам аз*, которые являются наиболее продуктивными способами уточнения числовых выражений в количественных сочетаниях таджикского языка.

Оригинальность признака наречных и местоименных (PrNumN) распространителей в прономинально-нумеральных выражениях заключается в том, что местоименные распространители используются для сохранения общего количественного значения, передающего нумеральным выражением. Совершенно очевидно, что они не реализуют понятия меры *он 255 панҷ руз, ҳар панҷ дақиқа* - *every five minutes* [119,144].

На этом же принципе основывается обозначение точного/ неточного числа, когда местоименные распространители не вносят никаких вариаций, изменений в семантику точности/неточности: *се варақ - хамин се варақ-хамин*.

Местоименные распространители коррелируют и с числительным, и с существительным, идентифицируя посессионные (владельческие, доминирующие), дейктические (указывающие, выделяющие) определительные связи всего выражения, реализуя понятия принадлежности, обобщённости, неопределённости. Более того, в отдельных контекстах местоименные распространители передают субъективную оценку числовых

признаков. В английском языке примыкание, которое определяет порядок слов в словосочетании, выступает в качестве средства грамматической корреляции местоименного понятия и нумерального выражения. Отметим, что в этом случае игнорируются семантико-грамматические особенности местоимений : як фарзанди  $\bar{y}$  - *her one child*.

Местоименный определитель в английском языке, как правило, расположен в препозиции к нумеративному сочетанию. Но в таджикском языке он (местоименный определитель), выполняя функцию средства связи и регламентируя порядок компонентов в нумеративном выражении, в качестве распространителя оказывается в полной зависимости от лексико-семантической сущности используемой группы местоимений. Когда распространитель выражен личными, притяжательными и некоторыми другими местоимениями, то средством их связи с нумеральным выражением, становится изафет, который примыкает к последнему слову, т.е. существительному: *чор мақолаи худ I with my three articles, чор компютери мо-our fourcomputer, як – ду қуттии ким-кӣ- one, twosome one`s boxesи др. Дар ин деҳаяк – ду нафар бои калон ва ду –се нафар деҳқонони миёнаҳол буданд, боқимондагони аҳолӣ имрӯзро ёбанд, фардори намеёфтанд* [85,11]. *There were one or two rich landlords (boi) and a few farmers of middling means, but everybody else lived from hand to mouth* [220,33]

Схематически структуру модели распространения нумеральных выражений местоимениями в таджикском языке следует представить в виде: Num+N-и Pr.: Дидӣ ки баяк *нуфи ту кӯза* чӣ қадар ғуввос зад [85,58]. *You heard what a noise the jug made when you blew into it* [220,72]. А в английском языке определяется в виде Pr+Num+N; *Before we set off, he brought me an empty water –jug and said: " Put your mouth near the edge of the jug and blow steadily"* [220 ,72].

Местоименные распространители указательной семантики в таджикском языке обычно ставятся перед нумеративным выражением: *он чор гулдон, ин панҷ курси, ҳар як се толиба*, что и замечается в английском языке:

Байни *инду хона* рӯи ҳавлӣбашумор рафта боқии дарҳошон ба ҳамин тараф кушода мешуданд ва рӯи ҳавлиро ду дарахти зардолуи калон соядорӣ мекард [85,16]. Between *these buildings* lay the inner yard; the remaining doors opened into this yard, which was shaded by two large apricot trees [220,37].

Структурная схема этой модели распространения нумеральных выражений местоимениями выражается в формуле  $Pr+Num+N$ . В таджикском языке местоимение по своей позиционной характеристике в словосочетании в разных контекстах "ведет" себя по-разному. В одном случае оно (местоимение) вступает в непосредственную корреляцию с существительным; в другом прилагается к числительному, предшествуя ему (в обоих языках). Однако ни в одном контексте не фиксируется его (местоимения) автономность, независимость от существительного или числительного. Причиной подобной "привязанности" является способность местоимения грамматически и семантически расширить все выражение. Эта специфическая характеристика ярко демонстрирует семантический функционал местоименного распространителя » [119,144].

Структурная модель количественно-именных выражений  $Num+N$  позволяет расширение прилагательными: тадж: *ду рӯзи охир, се метри пурра*, Мебинӣ, ки ин дувоздаҳ гиреҳ назар ба он *дувоздаҳгиреҳи қадимӣ* чӣхушнамо ва назаррабо шудааст. Ана ҳамин майдакориро ба *12 гиреҳи қадимӣ* ман аз ақли худ бароварда ҳамроҳ кардам [85,64]. You see how much prettier and more striking this *duvozdah – gireh* is then the old *one*? Well, I invented these extra curlicues and combined them with the traditional *twelve knots* [220,77].

В нумеральных выражениях чаще используются прилагательные.

В семантическом плане обоих языках не наблюдается существенных различий в реализации семантики прилагательных в нумеральных соединениях. Использование прилагательных связано с приданием качественных и/или относительных свойств всему нумеральному выражению. Дифференциальность характерных черт обуславливают семантические особенности прилагательного и его паттерны его

объективации в структуре нумерального выражения. Здесь прилагательные призваны актуализировать качественную и количественную оценки, при этом указывая на:

а) порядок следования: *аввал- first, барвақт- previous-шумо каме барвақт омадед - you came a little too previous, нурра- last* и *масъала нурра ҳал нашудааст- -there is no last answer to the problem, охир- remaining -як чанд коргари охир* ним *бастии кори доранд the few remaining employees are working part-time* и др.

б) временную характеристику: *баъдан - further - таҳсилоти баъдан - further education, гузаша -past - дар гузашта - in the past, воқеӣ - existing- зери тартиботи воқеӣ - under existing regulations, ҳозира- current – корҳои ҳозира - current affairs, масъалаҳои имрӯза* и др.;

в) кӯтоҳ – *short, ба наздикӣ - short time ago, мунтазам- regular, робитаи мунтазам- regular* и др.

Отличие языков друг от друга в плане структурно-грамматического образования нумеративного выражения, где в качестве распространителя выступает прилагательное, вполне естественно. В английском языке прилагательное-распространитель занимает предшествующую всему выражению позицию: *ҳамагӣ 11 акр- total eleven acres, 6 долари боқимонда remaining six dollars, понздаҳсоли гайри чашмдошт- unthinkable fifteen years* и др.

В таджикском языке прилагательное в нумеративных сочетаниях присоединяется к коллокации с помощью изафета **-и**, соответственно, фиксируясь в постпозиции к нему: *панҷ моҳи тулони, шаш рӯзи нурмашақат, ду соли нурмахсул, чор тавоқи нуро-нури* др.

Однако, независимо от позиции, занимаемой по отношению к нумеральному выражению, и грамматического способа реализации (порядок слов в английском и изафетная связь в таджикском), адъективные распространители используют практически идентичные коннекторы с нумеральным понятием, соблюдают строгий порядок последовательности

распространителя по отношению к распространяющему. Это считается вполне закономерным, поскольку прилагательным в сопоставляемых языках не свойственна концепция словоизменения.

В этой связи в сопоставляемых языках порядок слов в выражении с прилагательными передаются главными средствами по грамматическому подчинению. Отметим, что изафетная связь, широко представленная в таджикском языке, не является в этом случае исключением.

1. Модель Num+Num+N – является одной из модификаций структурной модели NumN. В таджикском языке эта вариантность общей модели реализуется за счет повтора числительных: *панҷ – даҳ нафар, чор - панҷ мактуб*. В таджикском языке функциональная значимость данного варианта связана с выражением семантики приблизительности: *як-ду дарё, се – чор сӯм, ду-се рӯз* и др: *Аз ин корҳар рӯз 100 – 200 танга меёбам* [85,72].

Круг числительных, входящих в моделюобразующие элементы данного варианта, логически не ограничен какими-либо отдельными семантически или грамматически похожими числительными. В данной модели могут быть объективированы практически все числительные. Однако фактический материал исследования свидетельствует о том, что в наибольшей степени семантика редупликации выражается при помощи числительных первой десятки.

Особенность нумеральных понятий заключается в их уникальной природе - они являются трехчленами. Такие выражения в количественных конструкциях с числительными допускаются только при расширении или распространении всего словосочетания или одного из его элементов. Хотя данное ограничение видится нам не вполне логичным, поскольку трехчленный компонентный состав с нумеральными понятиями считается структурной самодостаточностью количественных выражений с нумеративами-счетными существительными.

Данная категория прилагательных используется в качестве составных терминов: *ду метри мураббаъ, чордаҳ метр-сония, ҳафт киловатт-соати*

др. Num+num+N- тадж: *дах вагон тахта, ду сатил об, чор качова ангур, ду тонна равган, сад километр роҳ, се метр матоъ, ду рӯзи истироҳат*-англ: *two acre, five miles from Wansdon, two cents a pound* и др.

Нумеративные сочетания в Num+N+num+N состоят из двух компонентов с количественным значением - числительного и существительного с количественным понятием и существительного, явно не передающего количественную семантику. Между компонентным составом фиксируются квантитативные семантические связи, при которых выражение числительного+существительного с количественным понятием коррелируют с существительным, как определяемое его количества: Num+Num+N: *бисту ду тона гандум – twentytwotonsof corn*. Вакте ки кор сар шуд хар даҳа аз сахми худ тахминан як - *ду газ замин* кофта буд, ки рӯзҳам торик шуда омад ва бо фармоиши аминон пойкорон ва ҳашарчиён нидо дар доданд, ки: “имрӯз кор тамом, фардо барвақтар ба кор оянд, вагарна , бокипули хоҳан дод”[85,77]. Once the work started, each gang had dug one or two feet more in its sector when dusk began to fall, and the foremen relayed the amins instructions to stop work for the day, warning them to start earlier the next day or else they had have to pay a fine! [22o,9o]

Num+N+num+N присуща сложная природа, в основе чего лежат видовые различия или координирование порядка следования элементов. Такая полифункциональность формирует варианты структурные схемы:

1) осложнение модели могут возникнуть за счет прилагательного или другого определения:

а) Num+N+num+Adj+N–препозитивного неоформленного определения, примыкающего к существительному при помощи порядка слов – в английском языке и Num+N+num+Adj и N – связанного при помощи изафета – в таджикском языке. Эта связь передается в английский язык при помощи предлога of: *сенздаҳ ҳазор киловат ҳамаи навъҳои энергия –thirteen thousands kinds of enegy; бист намуд навҳои матоъ - twenty types of textile*

б) Num+N+Num+N и Adj- в таджикском языке осложнение модели осуществляется также посредством распространения постпозитивного изафетного определения: *сесад ҳазор киловатт энергияи электрики, сад мукааб метр газу табиӣ, сесад ҳазор тонна чуяни аълосифат* и др.

2) Num+N+N+N+conj+ N – присутствует расширение за счет употребления двух близких по функции и содержанию исчисляемых существительных, связанных изафетом: *як мушт тангаву тилло; як лаган симу зар;*

3) Num+Num+N осложнение модели происходит за счет использования двух числительных при одном нумеральном слове, образующем понятие приблизительности: *дах понздаҳ кас, чор панҷ адад китоб* и др.

4) осложнение модели осуществляется за счет редупликации:

а) Num+N-Num+N+num: числительного и нумератива: *як туб-як туб пора, ду дона-ду дона дафтар, як гарам-як гарам беда* и др.

б) N+ num нумератива: *сабад – сабад, қанор – қанори* др.

Вариантность модели N+num+N+num+N может быть достигнута также в результате изменения порядка расположения компонентов и употребления исчисляемого существительного в препозиции по отношению к нумеральному сочетанию: *курсиҳои нишаст 10 адад; пахта дусад тонна; ҳайвони шохдори калон сад сари* др.

### 3.2 Случаи несоответствия существительных с количественными значениями в сопоставляемых языках

В таджикском и английском языках категория числа выражена семами единичности и множественности. Анализ фактического материала показал, что в английском категория числа ограничивается выражением только в рамках имени существительного, а согласование в числе представлено исключительно в указательном местоимении. Выяснено, что в сопоставляемых языках есть имена существительные, которые образуют

только единственное число (Singularia Tantum) или только формы множественного числа (Pluralia Tantum). Данный аспект стал объектом глубокого исследования ученого М. Абдуллаевой.

В английском языке фиксируются грамматические и лексические средства передачи всевозможных количественных значений, и из десяти частей речи только шесть (числительное, существительное, местоимение, прилагательное, наречие, глагол) обладают такой способностью. Подобное свойство имеет также артикль.

В таджикском языке категория числа существительных выражает, прежде всего, количество объектов.

Фрагментарно рассмотрим прецедентные контексты, представляющие собой паттерны межязыкового соответствия:

а) слова *ҷуфт- pair*, *армия – army*, *оила- family* в обоих языках по своим синтаксическим связям и лексическим значениям могут соответствовать как единственному, так и множественному числу.

б) в таджикском языке, как и в английском, слово *мева – fruit* для обозначения различных видов фруктов употребляется во множественном числе - *Меваҳо пухтанд – fruitsareripe*.

В обоих языках слова *математика, физика, фонетика лингвистика- mathematics, physics, phonetics, linguistics* употребляются только в единственном числе, хотя в английском они оформлены флексией (– s).

в) неисчисляемые и отвлеченные существительные, которые в сопоставляемых языках употребляются только в единственном числе: *дӯстӣ - friendship*, *муҳхабат - love*, *рашк -jealousy*.

г) в обоих языках сложные существительные образуются при помощи суффикса, в таджикском при помощи формента -*ҳо* или -*гон*, в английском -*s*, который прибавляется к основному существительному, а в таджикском к концу существительного: *хоҳарарӯсон – sisters-in - law*, *додаршӯён - brothers-in- law*.

д) собственные имена существительные - события, названия газет, журналов, художественных произведений и т.д.: Душанбе- *Dushanbe*, *Murrix -Mars*, *Лола-Lola*, *Ҷанги Бузурги Ватани -the Great Patriotic War*, *Ҷанг ва сулҳ-War and peace*.

е) в английском и таджикском языках нарицательные имена существительные являются обобщенными наименованиями однородных предметов, действий, состояний: *кул - a lake*, *ҳаракат, ҷунбиш -movement*, *намӣ - dampness*

ж) конкретные существительные, подлежащие счету: *дах шиша - ten bottles*, *ду ҳафта- two weeks*, *бисту панҷ нусха- twentyfivecopies*

Все конкретные существительные в обоих языках кроме существительных группы *Singularia Tantum*, могут выражаться в единственном и множественном числе: *қатра- қатраҳо, drop-drops*; *барг- баргҳо, leaf- leaves*; *шаҳр- шаҳрҳо, town- towns*з) Абстрактные существительные в сопоставляемых языках выражают качество, действие, состояние или обозначают какие-либо общие значения: *шӯҷоат- bravery, courage*, *ҳайкалтарошӣ-sculpture*, *некӣ, некӯӣ, нағзӣ kindness- шодӣ, шодмонӣ хуррамӣ, хушвақтӣ, хурсандӣ- merriment, merry- making, fun*.

и) вещественные существительные как в таджикском, так и в английском языках преимущественно используются в единственном числе, определяя однородные по составу объекты: *орд- flour*, *равған-oil*, *панир- cheese*), *материалы (гач- plaster,).*

В ходе исследования были также выявлены паттерны несоответствий, хотя стоит отметить, что их количество явно уступает числу выявленных аналогий :

а) существительные английского языка, которые образуются путём изменения внутренней флексии: *мард - мардҳо - man- men*, *зан- занҳо - woman- women-*, *дандон- дандонҳо -tooth- teeth-*, *мурғобӣ -мурғобиҳо - goose- geese-* необычное явление для таджикского языка.

б) в английском языке названия многих парных предметов употребляются во множественном числе: *scissors- қайчӣ, spectacles- айнак, scales- тапозу, trousers -шум, pliers- анбур*, в то время как в таджикском языке эти существительные принимают форму множественного числа в контекстах, фиксирующих не одну единицу.

в) существительные *хабар - news, маълумот - information, тарақиёт - progress- иқтисодиёт - economics, статистика – statistics - статистика* в английском языке употребляются исключительно в единственном числе, а в таджикском языке эти существительные имеют формы как единственного, так и множественного числа: *ба маслиҳатҳоятон раҳмат- ба маслиҳататон раҳмат- than kyouforyouradvice*.

г) на лексическом уровне единственное число таджикского языка передаётся множественным числом в английском языке:

а) в выделенных группах PluralTantrum существительных английского языка: *либос- clothes, алоқа – links*;

б) при названиях некоторых болезней: *герпес - herpes –s*;

в) при названии научных терминов и спортивных игр: *акустика- acoustics, билиард – billiards*.

д) нумеративные слова, употребляемые с артиклем или числительными: *як ҷуфт гӯшвор, як банча сабзӣ, як лунда қанд, як коса об, як сатил равған, як шиша шароб, се банча алаф*.

В английском языке такое явление наблюдается, но, в отличие от таджикского, нумеративные слова представлены в форме множественного числа, если детерминант выражен количественным числительным: *two pairs of shoes- ду ҷуфт пойафзол, three bottles of wine- се шиша шароб, four bounches of currot се банча сабзӣ*.

е) неопределенные местоимения английского языка *some, any, no* и их производные, а также местоимения *none, much, few, all, both, either, neither, eath, every, some, any* актуализируются со значениями *якчанд, баъзе, ягон*,

камтар. Местоимения *Someone, somebody, something* употребляются в утвердительных предложениях

*Anyone, anybody, anything* являются неизменными фигурантами в отрицательных, в общих вопросах и условных предложениях, а в таджикском языке *ким-ки, ким кадом, ким-чи* употребляются в утвердительных предложениях, *ягон чиз, ягон кас* - в вопросительных. Местоимения *much* и *many* переводятся на таджикский язык одной лексемой *бисёр*. *Much* коррелирует с неисчисляемыми существительными, а *many* - с исчисляемыми, но таджикским аналогом обоих местоимений является *бисёр*.

Наречия *кам, камтар* соответствуют *little и few*, но *little* употребляется перед неисчисляемыми существительными, а *few* с исчисляемыми существительными.

ё) неличные имена существительные в таджикском языке отличаются от личных тем, что коррелируя с количественными числительными и нумеративами, не принимают суффикса множественности: *ду бех ниҳол- twotrees, ду сад сар чӯча- 200 head of chicken, се нусха шартнома – three copies of cotracts, шаш дарза ҳезум – six bundle of wood, даҳ тӯб ҷав- ten heaps of barley, даҳ адад курси – ten chairs, сад саҳифа шеър – hundred pages of poem, шаш адад симчӯб – six columns, ҳафтод қадам ба пеш – seventy steps forward [31,356]. Как показывает проведенный анализ, в английском языке это правило не соблюдается.*

Личные же имена существительные (исмҳои шахс) в подобных выражениях образуют множественное число при помощи суффикса или без него: *се намояндаи созмон--се намояндагони созмон- three representatives of organization, шаш аъзои комиссия- шаш аъзоёни комиссия – six members of commission, се нафар ошпаз- се нафар ошпазон-threecooks.*

Как показывает анализ, приведенные примеры формируют множественное число при помощи форманты – *гон, - ён* и соединяются при помощи *изафета*. Также следует констатировать возможность не использования этих суффиксов, при этом без рисков для потери смысла

высказывания. Однако при переводе с таджикского языка на английский приходится использовать формант множественного числа – s- и соединительный предлог of.

### Вывод

В любом языке обособляются ряд единиц, принадлежащих к разным частям речи и обозначающих количественную нумеральность. Категориальное значение нумеральности имеет свои способы передачи на различных уровнях языковой иерархии. В выражении количественности самыми продуктивными классами являются нумеративы, мезуративы, счетные слова; в эту же группу можно отнести числительные, обозначающие общие числа и количества. Способы выражения нумеральной качественности в обоих языках характеризуются специфичностью трансляции числовых понятий.

При сопоставлении микрополя нумеральности в обоих языках выделяется несколько аспектов: 1) структура категориальной семантики микрополя нумеральности; 2) элементы, составляющие микрополе нумеральности в рамках выражения определённой количественности; 3) иерархия взаимоотношений в структуре нумеральных слов; 4) обозначение центра и периферии в микрополе нумеральности; 5) определение способов и средств их формирования в сопоставляемых языках; 6) разграничения категориальной, лексической и словообразовательной семантики нумеральности в английском и таджикском языках.

Специфической чертой нумеральности считается наличие потенциала и тенденции к усложнению за счет сем неколичественного выражения. Определенные риски представляют и целый ряд сопутствующих категорий, которые в целом являются ядром, способствующим формированию других лексико-семантических полей: пространства, времени, массы, размера, объёма, единичности, множественности, совокупности, лимитативности, кратности.

В сопоставляемых языках обнаруживаются следующие главные образцы, которые формируют нумеральные выражения. В английском языке существительные, изменяя грамматическую форму, при сочетании с числительными от двух и более употребляются во множественном числе.

В таджикском языке в выражениях структурной схемы Num+N существительные не изменяются по числам: *як фонус, чор раис, сад омӯзгор, як ниҳол, даҳ ниҳол, ҳафт ошёна, бист ошёна, миллион ошёна* и др.

Нумеральные выражения в любом языке обладают увеличением состава характерных признаков. Этот тип словосочетаний отражает особенность структурного и грамматического формирования числительных и распространителей в них, последовательность слов и средств соединения элементов в сочетаниях с числительным и существительным.

В таджикском языке качественное или относительное обозначение, осуществляясь с помощью изафета, непосредственно связано с существительным. Следовательно, особую важность представляет соблюдение нормативной связи определения с определяемым словом: *чор саволи муҳим, се коргари ботачриба, панҷ донишҷӯи фаъол, шаш мизи нави* т.д.

Как показывает анализ, в сопоставляемых языках есть паттерны соответствия и несоответствия. Например, есть существительные, которые в обоих языках употребляются или только в единственном, или исключительно во множественном числе. Отмечается наличие уникальных формантов для образования множественного числа. В обоих языках зафиксирован достаточно массивный пласт заимствованных слов, которые имеют свои специфические особенности и в вопросе актуализации количественной семантики.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ теоретической и практической базы обеспечил реализацию целей и задач настоящей диссертации. Таким образом, считаем необходимым обозначить ряд важных для настоящего исследования итоговых положений.

Количество является одной из важнейших грамматических категорий, выделенных человечеством, и на протяжении многих веков находящееся в статусе объекта междисциплинарных исследований. Синонимом количественности является количественно языковая категория, относящаяся к лингвистическому терминологическому аппарату. Для обозначения понятия количества в философии и в логике применяют понятие количество, а в математике используют лексемы «число» и «величина».

Существительные обозначаются главной частью речи, отражающей количественные связи реальной действительности в пределах категории числа. Основная функция категории числа имен существительных заключается в количественности. Понятия «число», «количественность» употребляются для номинации категорий количественности. К объекту категории количества можно отнести следующие разнотипные единицы: числительные, грамматическая категория числа, счетные слова, квантификаторы, кванторы и т.д..

Существительные с количественными значениями могут выражаться на морфологическом, лексическом, словообразовательном и синтаксическом уровнях и передаваться семами единичности и множественности.

Морфологическая категория числа считается средством передачи категории количества, которая выражает количественные связи между предметами реальной действительности. Проведенный сопоставительный анализ показывает, что в обоих языках существительные делятся на:

а) существительные единственного и множественного числа (наименования конкретных существительных, объективирующих исчисляемые дискретные предметы);

б) существительные, представленные только в единственном числе;

в) существительные, представленные исключительно во множественном числе [1-А].

Отметим, что во вторую и третью группу входят существительные, обозначающие абстрактные качества вещей и парных предметов, то есть понятия, не имеющие противопоставлений по числу.

В английском языке значение количества может передаваться посредством морфемных средств, поскольку морфемы тоже могут обозначать: а) множественность; б) единичность; в) двойственность; г) увеличительность; д) многократность. С семантической позиции, существительные с количественными значениями можно разделить на три класса: 1) слова, с прямым значением неопределенного множества (як олам, як дунё – loads, бисёрй, беҳадду ҳисоб); 2) слова, обозначающие разные множества в прямом и переносном значениях (ғарам, тӯб, як гала); 3) слова, обозначающие неопределенно большое множество только в переносном значении (ғарам, тӯда, як гала).

Существительные с количественными значениями с семантической позиции можно разделить на несколько групп: а) кӯшун, армада, баталён, батарея, бригада, взвод, лашкар, дивизия, даста, легион, рота, полк, саф, флот, майдон, эскадра; б) тӯда, гала, даста, анбӯх, ўрда, отряд, зумра, оила, чамъомад, издиҳом, хор, самоъ; в) аслиҳахона, архив, тӯда, картотека, рӯйхат, тирдон, анбор; г) тӯп, банд, ғарам, бағал; д) гулдаста, бандча, даста, овеза, дарза, хӯша; е) оила, тӯда, гала, рама, пода, села, бачаҳо, лаҳим, занчир.

Ряд существительных с количественными значениями, которые употребляются в разговорной речи, актуализируют значение большой

степени количества (харос, дахшат, воҳима, фалокат, бадбахтӣ, аҷал, нобудшавӣ).

Существительные с количественными значениями разделяются на группы, каждую из которых и представляет специфичный доминант. В качестве доминанты могут выступать две или три лексемы.

В английском языке есть префиксальная морфема, обозначающая повторность/вторичность. Повторение процесса в английском языке выражается глаголами с префиксом – *re* -, а в таджикском повторность реализуется посредством предлога – *аз-нав*.

Подводя итоги исследования можно констатировать следующее:

а) в отличие от английского языка в таджикском языке существительные, вступающие в сочетание с числительными и нумеративами, употребляются в единственном числе;

б) в обоих языках сложные существительные образуются при помощи суффикса -*ҳо* или -*гон* (в тадж.), -*s* (в англ.), который прибавляется к основному существительному, а в таджикском к концу существительного: *acomputer – computers – компьютер-компьютерҳо*. В семантическом плане имеют место сходства и различия данной семантической категории.

Анализ показывает, что на лексическом уровне единственное число в таджикском передаётся категорией множественности в английском языке в следующих случаях:

а) при выделении существительных группы PluraliarTantrum в английском языке:

б) при названиях некоторых болезней:

в) при номинации научных терминов и спортивных игр.

В таджикском языке в качестве детерминатива нумеративных слов употребляются артикль или числительные. В английском языке такое явление присутствует, но в отличие от таджикского, нумеративные слова стоят во множественном числе, если детерминант выражен количественным числительным.

Неопределенные местоимения английского языка *some, any*, пои их производные, а также местоимения *none, much, few, all, both, either, neither, each, every, some, any* употребляются со значениями як чанд, баъзе, ягон, камтар.

Слово *some* со значением *баъзе* употребляется перед существительными во множественном числе. Особого внимания требуют производные местоимения от *some, any* (*someone, somebody, something, anyone, anybody, anything*-ягон чиз, ягон кас, ким-ки, ким кадом, ким-чи), которые выполняют функцию подлежащего или дополнения в предложениях.

В таджикском языке *ким-ки, ким кадом, ким-чи* употребляются в утвердительных предложениях, а *ягон чиз, ягон кас* - в вопросительных предложениях. Местоимения *much* и *many* переводятся на таджикский язык *бисёр*.

*Much* употребляется с неисчисляемыми существительными, а *many* занимает позицию перед исчисляемыми, но в таджикском языке в обоих случаях используется лексема *бисёр*. Местоимения *кам, камтар* соответствуют *little* и *few*- но *little* употребляется перед неисчисляемыми существительными, а *few* - исчисляемыми существительными.

Абстрактные имена существительные в английском языке имеют форму только единственного числа. В таджикском же языке могут употребляться и в форме множественного числа, а также обозначать сложное действие, которое состоит из отдельных действий, воспринимающихся как одно целое.

Существительные, объективирующие вещественное понятие, употребляются в единственном числе, определяют сходные по составу компоненты, не поддаются счету и не сочетаются с числительными. Количество их можно выразить словами: *много, мало, больше, меньше*.

Значение собирательности в таджикском языке выражается большинством существительных, реализующих значение однородных предметов, лиц во множественном числе.

В английском языке на приблизительное количество указывают количественно-именные сочетания с аппроксиматорами. Ввиду разносистемного характера таджикский и английский языки располагают неодинаковыми способами выражения значения приблизительности [2-А].

В таджикском языке значение приблизительности образуют количественные и дробные числительные. Самыми распространенными аппроксиматорами в английском языке можно назвать слова *about, nearly some, almost, (a)round, roughly, approximately* и другие, а в таджикском - *тақрибан*.

Понятие приблизительности может быть выражено следующими предложными словосочетаниями: *in the vicinity of- тақрибан, in the region of, in the neighbour hoodof- тақрибан дар ҳамсоягӣ*. Местоимение *so* с союзом *or* (*an hour or so*) – *тақрибан як соат ҳамин хел* имеет потенциал быть использованным в качестве аппроксиматора [2-А].

Многообразие числительных в обоих языках позволяет разделить их на типы: а) простые; б) производные.

Простыми корневыми морфемами числительных служат лексические и словообразовательные числительные в сопоставляемых языках. Значительная группа существительных образована от числительных основ с помощью суффиксов.

В таджикском языке суффиксы *-ҳо, -он, (-гон, -ён, - вон)* являются морфологическими показателями категории множественного числа.

В среднеперсидском языке для обозначения множественного числа существительных использовались суффиксы *-ан, -ha*, восходящие к древнеперсидскому окончанию родительного падежа множественного числа *apati* суффиксу *iha*. Оба эти суффикса перешли в новоперсидский язык классического периода в виде *-an (он), ha (ҳо)*, а от него унаследованы современными персидским и таджикским языками. Единственное число имен существительных в таджикском языке имеет нулевой показатель: *мусобиқа-competition, забон – language* [1-А].

В таджикском языке различают также словообразовательные суффиксы:

а) *зор, сор, стон*, которые присоединяясь к некоторым существительным, обозначают не только местонахождение предметов, но и указывают на их множество;

б) слова, пришедшие из арабского языка уже во множественном числе: *-зот, -от*: *калимот-words (от калима)*, *хаёлот-dreams (от хаёл)*;

в) присоединением арабского окончания – *ин*: *муалимин – teachers (от муаллим)*;

г) изменением внутри самой основы: *кутуб- books (от «кутоб»)*, *уламо-scholars (от «олим»)*.

В современный таджикский литературный язык вошли арабские формы множественного числа, которые выражают единичность и множественность: (*аъзо – member, рамуз- symbol*). Другая часть форм множественного числа вообще не вошла в общенародный язык. Их множественное число образуется путём присоединения таджикских суффиксов множественного числа. Например, вместо *авком (times)* от *вақт (time)* употребляется *вактҳо*, вместо *дувул (states)* от *давлат (state)* употребляется *давлатҳои* т.д.

Некоторые арабские формы множественного числа имеют ограниченное использование, причем в большинстве случаев они имеют тенденцию к лексикализации, т.е. к трансформации в особую категорию производных слов.

Слова с суффиксами *-от, -зот, -от* используются преимущественно в собирательном значении: *боғот – gardens, сабзавот –vegetables, навиштаҷот – notes*.

Главным способом представления категории нумеральности считаются корневые и аффиксальные морфемы, сложные и сложнопроизводные числительные с неодинаковой структурой. В каждой языковой системе можно увидеть группу слов, принадлежащих разным

частям речи и выражающих наименования количественной нумеральности всевозможными способами.

В иерархии семантической организации категории нумеральности в обоих языках на первом месте располагаются именные части речи, среди которых числительные считаются главной, поскольку могут быть актуализированы и на лексическом, и на грамматическом уровнях. Нумеративы обладают открытой структурой, которая всегда может увеличиваться за счет прибавления нового числового понятия[4-А] .

Проведенное исследование позволяет констатировать открытость структуры нумеративов, в связи с чем фиксируются тенденции исключительно к расширению за счет включения в его (нумератива) состав нового числового понятия. Нумеральность как языковая категория выполняет функцию коннектора языковых средств в выражениях, реализующих количественную семантику квантитативности, в том числе и в системе лексико-грамматических групп. Эта связь объективируется в пределах систем словоизменения и словообразования, демонстрируя специфические и общие характеристики способов языкового отражения нумеральности. Пополнение одноименного микрополя осуществляется за счет одного из самых рациональных способов словообразования - аффиксации числительных [4-А].

Существительные с количественными значениями можно группировать по способу словопроизводства. Каждый лексико-грамматический разряд этих существительных разделяется по структурным типам на корневые, производные слова, сложные и сложнопроизводные слова. Широта представления существительных с количественным значением в сравниваемых языках подтверждает тот факт, что только производные от некоторых числительных в каждом из сопоставляемых языков представляют огромное количество лексических единиц: *three-triad three headed-three-folded*, и др; *се, се нафар, се сара, се қабата* и др.

Нумеральные существительные разделяются на два основных вида, за которыми закреплены свои подгруппы:

1. единицы измерения.
2. указатели категориальной принадлежности исчисляемого предмета.

[4- А]

В таджикском языке существительные не подвергаются изменениям по числам в словосочетаниях структурного типа Num+N: *се нафар, панҷ нафар, сад нафар, чор компьютер, даҳ компьютер, сад компьютер, ду қабат, шаш қабат, бист қабат* и др. Подобное типологическое разделение происходит из-за иерархического, компонентного, семантического способа образования имен существительных в составе нумеративных выражений.

В таджикском языке связь качественных или относительных определений с существительным реализуется при помощи изафета, что предполагает обязательное следование определения за определяемым словом: *чор муҳандиси ҷаҳол, шаш талабаи ҷафмонда, даҳ иштирокчи озмун, се курси мулоим* и т.д.

По структурному моделированию нумеральные существительные делятся на целую линейку паттернов: а) Num+Num+N; б) Num+num+N; в) Num+Num+N; г) Num+N+num+Adj+N; д) Num+N+num+N+conj+N; е) Num+Num+num; ё) Num+Num+num+N и другие.

Более того, в рамках каждого паттерна происходят характерные осложнения структуры за счет различных факторов (редупликация, распространение постпозитивного изафетного определения, видовые изменения, препозитивная неформленность и пр.)

Таджикский и английский языки располагают различными способами выражения значения приблизительности. В таджикском языке это значение обычно образуются от количественных и дробных числительных. Более того, существует четкое правило образования приблизительности.

В сопоставляемых языках есть паттерны соответствия и несоответствия. Например, есть существительные, которые в обоих языках

употребляются или в единственном, или во множественном, или, наоборот, в обоих языках существуют уникальные форманты для образования множественного языка.

## СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

### I. НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

- [1] Абдуллоева М.Н. Категория числа в русском и таджикском языках. Учебное пособие по спецкурсу /Н. М. Абдуллоева -Душанбе,1980.-90с.
- [2]. Адмони В. Г. Полевая природа частей речи (на материале числительных) / Г. В. Адмони // Вопросы теории частей речи на материале языков различных типов,-Л.:Наука,1968.-С. 98-107
- [3]. Акуленко В.В. и др. Категория количества в современных европейских языках / В. В. Акуленко. - Киев: Наук Думка. 1990а.-С 7-4
- [4]. Акуленко В.В. Функциональное описание языка и вопросы изучения функционально-семантических полей / В.В. Акуленко // Романские и германские языки: Функциональный и лингво4-методический аспекты описания.-Киев: Наук, думка,1985.-С.5-17.
- [5]. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка / Д. Ю. Апресян -М.: Наука, 1974.- С 251-252
- [6]. Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков / Д. В. Аракин - Л.:Просвещение,1989.-254с.
- [7]. Аристотель. Сочинения: В четырех томах / Аристотель -М.: Мысль,1976,т.1.550 с.
- [8]. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка / И.В. Арнольд –М.;Изд-во лит. на иностр.языках,1959.-С.110.
- [9]. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова -М.: Изд-во “Советская энциклопедия”, 1966-С.334.
- [10]. Бархурдаров Л. С. Очерки по морфологии современного английского языка/С. Л. Бархударов -М.: Высшая школа, 1975. -156 с.
- [11]. Баудер А.Я. Части речи- структурно- семантические классы слов в современном русском языке/А.Я. Баудер -Таллин: Валгус, 1982.- 184 с.
- [12]. Беловольская Л. А семантические типы количественно именных словосочетаний // Языковые единицы в семантическом аспекте. – Таганрог:

Изд-во Таганрогск. Пед ин-та, 1990.- С 21-29

[13]. Блумфилд Л. Язык. Пер. с англ/ Е. С. Кубряковой и В.П. Мурат. Л. Блумфилд -М.: Прогресс, 1968.- 607 с.

[14]. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию / Бодуэн де Куртенэ. -М.,1963, т. 2.- С 313-314

[15]. Бондарко А.В. Грамматическая категория и контекст /А. В. Бондарко -Л.: Наука, 1971.-С.8-10.

[16]. Бондарко, А. В.Функциональная грамматика/А. В. Бондарко –Л.: Наука,1984.-С. 134

[17]. Бурлакова В. В. Синтаксические структуры современного английского языка / В.В. Бурлакова -М.: Просвещение, 1984.- 111 с.

[18]. Васильева Э.П., Харьковская А.А. Категория количества и ее отражение в английском языке / Э.П. Васильева // Лингвистика. №1, 1996.

[19]. Вежбицкая А Семантические универсалии и описание языков. – М. Языки Русской культуры – С.44-45

[20]. Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слов. Лексикология и лексикография. Изб. пр. / В.В. Виноградов-М.:Наука,1972.- С.616.

[21]. Виноградов В.В.Об основных типах фразеологических единиц в русском языке. Лексикология и лексикография. Изб. пр. / В.В. Виноградов-М.:Наука,1977.-С.166.

[22]. Виноградов В. В. Современный русский язык. Введение в грамматическое учение о слове, вып. I. // В. В. Виноградов М., 1998. -С. 110-111.

[23]. Власова Ю.Н., Загоруйко А.Я. Теория языковых полей // Функционально-семантические и словообразовательные поля в лингвистике. – Ростов н/Д: Изд-во Ростовск. пед. ун-та, 1998. – С. 7-20.

[24]. Воронцова Г.Н. Очерки по грамматике английского языка./ Н.Г. Воронцова -М.: Издательство иностранной литературы, 1990-400с.

[25]. Гак В.Г. К проблеме семантической синтагматика // В. Г. Гак

Проблемы структурной синтагматики.-М., 1971 С. 58-69.

[26]. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология- / В. Г. Гак М.: Изд. Международные отношения, 1977.-264с.

[27]. Гаффоров,Р.Язык и стиль Рахима Джалила (на материале романа «Пулат и Гулру»)/Р. Гаффоров.- Душанбе,1966.-223с

[28]. Гегель Г.В Энциклопедия философских наук Т I. Наука логика.- М.: Мысль 1974, -С452

[29]. Глисон, Г. Введение в дескриптивную лингвистику. Перевод с англ. Е.С. Кубряковой и В.П. Мурат Г. Г. Глисон -М.: Изд-во. иностр. лит., 1959.- 486 с.

[30]. Головин, Б. Н., К вопросу о парадигматике и синтагматике на уровнях морфологии и синтаксиса// Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие ./ отв. Ред. В.Н. Ярцева, Н.Ю Шведова.М.: Наук 1969- С. 52- 53

[31]. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. ҷ. 1. Фонетика ва морфология. Душанбе, Дониш. 1985. – 356 с

[32]. Гулыга, Е.В., Шендельс, Е.И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке / Е.В. Гулыга. Е. И. Шендельс -М.: Просвещение, 1969.с.9.

[33]. Гулыга, Е.В., Шендельс, Е.И. О компонентном анализе значимых единиц/ Е.В. Гулыга. Е. И. Шендельс Принципы и методы семантических исследований.-М.:Наука,1967.

[34]. Даниленко, В.П. Лексико-семантические и грамматические особенности слов терминов / В. П. Даниленко Исследование по русской терминологии. -М.: Наука, 1971.-С. 13-18.

[35]. Джалилов,Х.Структурно-семантические особенности и синтаксические функции фразеологических единиц в современном таджикском языке/Х.Джалилов АКД.-Душанбе,1976.- 29с.

[36]. Джамшедов П.Дж. Английский таджикский словарь / Дж. П. Джамшедов. Душанбе, 2005. 1202 с.

[37]. Есперсен, О. Философия грамматики. Пер с англ. В.В. Пассека и С.П. Сафроновой. О. Есперсен—М.: Изд-во иностр. лит., 1958 - 404 с.

[38]. Жеребков В.А. О грамматической категории времени // А.В. Жеребков - 1977,-№2. —С.42-53.

[39]. Забони адабии хозираи тоҷик. Лексикология, фонетика ва морфология. Душанбе, дониш.1973.С. 400.

[40]. Захарова Е.В. Категория количества и лексико-грамматические разряды имен существительных // Е.В. Захарова ФН. № 9. 1987. С 54-62.

[41]. Иванова, И. П., Бурлакова В. В., Почепцов Г.Г. Теоретическая грамматика современного английского языка: И. П. Иванова Учебник для ин-тов и фак. иностр. яз -М.: Высшая школа, 1981.-285 с.

[42]. Иванова, И. П., Чахоян Л.П. История английского языка. И. П. Иванова., Л.П. Чахоян -М.: Высшая школа, 1976. - 319 с

[43]. Ильиш Б.А. История английского языка./ А.Б. Ильиш. —Л.: Просвещение, 1973. -351 с.

[44]. Ильиш, Б.А. Современный английский язык. // А.Б. Ильиш -М.: Изд-во лит-ры на иностр. яз., 1948. - 347 с.

[45]. Кандаки, Т.Л. Семантика и мотивированность терминов. Т.Л. Кандаки -М.: Наука, 1977.- 167 с.

[46]. Каушанская, В. Л., Ковнер, Р. Л., Кожевникова, О.Н., Прокофьева Е.В., Райнерс З.М., Сквирская С.Е., Цырлина Ф.Я. Грамматика английского языка. -М.: Айрес-Прес, 2010. -384 с.

[47]. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. 2- изд. М.: Эдиториал УРСС, 2002.-С. 118-220

[48]. Кобрина, Н.А., Корнеева, Е.А., Осовская, М. И., Гузеева, К. А. Грамматика английского языка. Морфология. Синтаксис. - Санкт-Петербург:Союз, 1999. - 496 с.

[49]. Қосимова, М. Н. Истилоҳоти қадимаи тоҷикӣ (маълумоти мухтасар). М. Н. Қосимова -Душанбе: Сино, 2007. -172 с.

[50]. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. - 2-е изд.

– М.: Эдиториал УРСС, 2002. – 220с

[51]. Кошечая, И.Г. Проблемы языкознания и теория английского языка. И. Г. Кошечая -М.: Просвещение, 1976.-258с.

[52]. Кошечая, И.Г., Дубовский, Ю.А. Сравнительная типология английского и русского языков / И. Г. Кошечая -Минск.: 1980.-270с.

[53]. Кримский С.Б Логико - гносеологический анализ универсальных категории // Логико – гносеологические исследования категориальной структуры мышления. – Киев: Наукова думка, 1980 –С5 -47

[54]. Кубрякова, Е.С. Основы морфологического анализа. Е.С. Кубрякова - М.: Наука, 1974.-С.318.

[55]. Левицкий А.Э. Проблема соотношения функции и функционирования в современном английском языке // Семантика языковых единиц: Доклады IV Международн. конференции. - Т.І. – М., 1998б. –С. 362.

[56]. Литвак С.Я., Савельева С.Ф. Влияние лексической семантики существительных на функционирование числовых форм (на материале английского языка) // Проблемы функциональной грамматики английского языка. - Вып. 246. – М.: Изд-во Московск. пед. ин-та иностр. яз. им. М. Тореца, 1985. – 55-62с.

[57]. Лотте, Д.С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов. Д.С. Лотте -М.: Наука, 1982. - 152 с

[58]. Маджидов С.Р. Об инверсии числительного и существительного в количественных сочетаниях современного русского языка // Языковые единицы. Семантика. Грамматика. Функции / Отв. ред. П.В. Чесноков. – Ростов н/Д: Гефест, 1998.

[59]. Маджидов С.Р. О некоторых формах отражения и способах выражения количественных отношений в русском языке // Языковые единицы в семантическом аспекте. – Таганрог: Изд-во Таганрогск. пед. ин-та, 1990. – С. 29-36.

[60]. Маслов, Ю.С. Введение в языкознание: / Ю.С. Маслов учебник для филол. спец. вузов. -2-е изд., перераб. И доп. - М.: Высшая школа, 1987. – 272-

278 с.

[61]. Маслов, Ю.С. К основаниям сопоставительной аспектологии // Ю.С. Маслов Вопросы сопоставительной аспектологии. – Л.:Изд-во ЛГУ, 1978.- С. 4-44.

[62]. Матвеева Г.Н. История имени числительного. / Н.Г. Матвеева - Новосибирск: Изд. Новосибирского пединститута, 1961.-30с

[63]. Маъсуми, Н. Очеркҳо оид ба инкишофи забони адабии тоҷик/Маъсуми Н.-Сталинобод, 1956.- 293с

[64]. Мещанинов, И.И. Эргативная конструкция в языках различных типов / И.И. Мещанинов -Л.:Наука,1967.-248с

[65]. Моисеев, А. И. К определению термина // А. И. Моисеев Семиотические проблемы языков науки, терминологии, информатики. –М.: изд-во МГУ, 1971, ч.2. - С. 336-338

[66]. Мухторов З. Таърихи забони тоҷикӣ. З. Мухторов – ш. Душанбе: Хумо, 2003. - 153 с.

[67]. Молотков, А.И. Основы фразеологии русского языка/А.И.Молотков.-М.,1977.–280 с.

[68]. Немкова, Л.П. Согласование времен в древнеанглийском языке в сопоставлении с древнеисландским. Л.П. Немкова -Ленинград: ГПИ, 1972.- 70 с.

[69]. Панфилов В.З. Грамматика и логика / В. З. Панфилов 1963, 357с.

[70]. Панфилов В.З. Типология грамматической категории числа и некоторые вопросы ее исторического развития.// В. З. Панфилов ВЯ. 1976.№4,с. 19-26. Наука, 1977, 287с.

[71]. Панфилов В.З. Философские проблемы языкознания. В. З. Панфилов -М.: Наука, 1977,227 -228с.

[72]. Перельман И.Д. Живая математика. И. Д. Перельман М.: Наука, 1965, 174с.

[73]. Пифагор Философия древнего мира 1957-С.112

[74]. Прерывное и непрерывное. / отв ред. М.А Парнюк.- Киев:

Наукова Думка, 1983- С 311

[75]. Расторгуева Т.А. Очерки по исторической грамматике английского языка. Т.А. Расторгуева -М.: Высшая школа, 1989.-279с.

[76]. Расторгуева Т.А. О некоторых исторических изменениях в структуре поля. // Т.А. Расторгуева Сб. науч.трудов: МГПИИЯ, 1979,-Вып.2. Английского языка.-М.: Высшая школа, 1989.-279с.

[77]. Рахмон, Эмомалӣ. Тоҷикон дар оинаи таърих. К 1 Аз Ориён то Сомониён. Душанбе: Ирфон, 2009.- 704 с

[78]. Реформатский А.А. Введение в языковедение А. А. Реформатский –М.: Просвещение, 1967.-542с.

[79]. Реформатский, А.А. Число и грамматика// А. А. Реформатский Лингвистика и поэтика.- М., 1987.-с76-87

[80]. Реформатский, А. А. Мысли о терминологии // А. А. Реформатский Современные проблемы русской терминологии. М.: Наука 1986.- С. 165-198.

[81]. Реформатский, А.А. Введение в языкознание./ А. А. Реформатский учебное пособие для пед. ин-тов. -М.: Учпедгиз, 1955. - 400 с.

[82]. Рослякова, Э. М. Наречие среднеанглийского периода и его грамматическая валентность. Э. М. Рослякова –Л.: ЛГПИ, 1971. -24 с

[83]. Рустамов Ш. Исм: (категорияҳои грамматикӣ, калимасозӣ, ва мавқеи исм дар системаи ҳиссаҳои нутқ). Ш. Рустамов – Душанбе: Дониш, 1981. –216 с

[84]. Е. Л. Рычкова Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика. Международная науч.конф. В 2т.-Казань:Изд-во Казанск. ун-та. 2001. Т.1. С 168-169.

[85]. Садриддин Айни “ Ёддоштҳо” . қ 1, 2 . Сталинобод -1954 нашриёти давлатии Тоҷикистон.

[86]. Саитова Х. М Сопоставительное изучение имен числительных в современном английском и узбекском языках. Ташкент 1987 \_с 43-54.

[87]. Секирин, В.П. Заимствования в английском языке. / В. П. Секирин

-Киев: Киевского ун-та, 1964. - 152 с.

[88]. Селиверстова О.Н. Контрастивная синтаксическая семантика: Н.О. Селиверстова Опыт описания. М.:наука, 1990.-150с.

[89]. Сепир Э. Язык. – М. 1934. -С. 22

[90]. Симонова, Карина Николаевна Функционально – семантическое поле количественности в современном английском языке в сопоставлении с русским языком. М. наука. 1934. -С. 22

[91]. Сино, А. Сочинения. Том первый. – Д.: Дониш, 2005.-960 с

[92] Сиёев Б. Ташаккули ҷонишинҳо дар забони тоҷикӣ. Б. Сиёев – Душанбе: Ирфон, 2002, - 497 с.

[93]. Слюсарева Н.А. Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка. / А. Н. Слюсарева -М.: Наука,19816206 с.

[94]. Смирницкий А.И. Некоторые замечания о принципах морфологического анализа основ. // И. А. Смирницкий Докл. И сообщ. филол. ф-та.-М.: Изд. МГУ, 1948.- Вып.5.-С. 21-26.

[95]. Смирницкий, А. История английского языка (средний и новый период). И. А. Смирницкий -М.: Издательство Московского университета, 1965.- 138 с.

[96]. Смирницкий, А.И. Древнеанглийский язык/ И. А. Смирницкий - М.: Литературы на иностранных языках, 1955. -320 с.

[97]. Смирницкий, А.И. Морфология английского языка / И. А. Смирницкий. -М.:Литературы на иностранных языках, 1959. -440 с.

[98]. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики / Ф. де. Соссюр; [русский перевод]. М., 1933, -С. 107.

[99]. Спивак Е.С Микрополе квантитативной аппроксимации как составная часть функционального семантического поля аппроксимации // некоторые проблемы германской филологии / отв.ред П.И Шлейвис. – Пятигорск Изд- во Пятигорск: лингв ун- та, 2000 – С.195- 201

[100]. Степанов Ю.С. Основы общего языкознания / Ю. С. Степанов М.: Просвещение, 1975.-271 с.

[101]. Степанова М.Д. Вопросы моделирования в словообразовании и условия реализации моделей. // Д.М. Степанова Вопросы языкознания.- 1975,-№4.-С 53-58.

[102]. Султон, М. Ҳ. Становление и развитие персидско-таджикской научной терминологии. М. Ҳ. Султон – Д.: Дониш, 2008. -342 с.

[103]. Супрун А.Е. Общая характеристика семантики количественности. // А. Е. Супрун Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность.- Спб, 1996.С.56-61

[104]. Супрун А.Е. Производство существительных с корнями числительных. / А. Е. Супрун Изд-во БГУ им. Ленина, 1961. .-68с

[105]. Супрун А.Е. Славянские числительные. Становление числительных как особой части речи. / А. Е. Супрун- Минск: Изд-во БГУ им. Ленина, 1969.-232с.

[105]. Тагоева, Т.М. Функционально-семантическое поле количественности в английском таджикском языках / Т.М. Тагоева. - Душанбе: РТСУ, 2006. - 148 с.

[106]. Тураева З.Я., Биренбаум Я.Г. Еще раз о функционально-семантической категории количества // З. Я. Тураева ., Я. Г. Биренбаум Коммуникативно и структурно обусловленные модификации единиц языка. – Л.: Изд. Ленингр. гос. пед.ин-та, 1988. –С. 110-121.

[107]. Умарова Х.А. Конверсия шумораҳо.// Х. А. Умарова Вопросы лингвистики. –Душанбе: Изд-во Российско-Таджикского (славянского ) ун-та, 2004, с. 153-156.

[108]. Уфимцева А.А. Теория «семантического поля» и возможности ее применения при изучении словарного состава языка// А. А. Уфимцева Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике.-М.,1961 –С 35

[109]. Уфимцева, А.А. Опыт изучения лексики как системы./ А. А. Уфимцева -М.: Изд. АН СССР 1962.-С.44

- [110]. Фозилов, М. Фарханги ибораҳои рехта/ М. Фозилов.- Душанбе, 1963.-952с
- [111]. Фортунатов Ф.Ф. Сравнительное языковедение // Ф.Ф. Фортунатов  
Избр. тр.: В 2-х т.-М.: Учпедгиз, 1956.-Т. 1.-С. 23-199
- [112]. Фортунатов, Ф.Ф. Сравнительное языковедение./ Ф.Ф. Фортунатов –М., 1901. - С. 235.
- [113]. Харитончик, З.А. Имена прилагательные в лексико-грамматической  
системе современного английского языка./ З.А. Харитончик - Минск: Высшая школа, 1986. - 96 с.
- [114]. Холодович, А. А. Проблемы грамматической теории. /А. А. Холодович -Ленинград: Наука, 1979.-304 с.
- [115]. Чеснокова Л. Д. Выражение категории количества глагольными формами современного русского языка // Л.Д. Чеснокова Вопр. языкознания.- 1983.-№6.-С.82-90
- [116]. Чеснокова Л.Д. Категория неопределенного множества и семантические формы мысли // Л.Д. Чеснокова Семантика грамматических форм.- Ростов н/Д: Рост.гос. пед. ин-та, 1981.-С.21-31.
- [117]. Шанский, Н.М. Фразеология современного русского языка/Н.М.Шанский.-М., Высшая школа, 1985.-160с.
- [118]. Шахматов А. А. Из трудов по современному русскому языку. Синтаксис. А. А. Шахматов- М.: Учпедгиз, 1952.-271с
- [119]. Швачко С.А. Языковые средства выражения количества в современной русском, украинском языках./ С. А. Швачко -Киев: Вища шк., 1981.-144с.
- [120]. Шендельс Е. И. Совместимость / несовместимость грамматических и лексических значений// Е. И. Шендельс Вопр. языкознания.- 1982.-№4.-С. 35-51.

[121]. Щедровицкий Г.П. Философия. Наука. Методология. М.:Школа Культурной Политики. 1997.-С. 234-656.

[122]. Щерба Л.В. Очередные проблемы языковедения // Л. В. Щерба Избранные работы по языкознанию и фонетике. -Л. Просвещение, 1955.- С.5-24.

[123]. Щерба, Л.В. О частях речи в русском языке//Л. В. Щерба Языковая система и речевая деятельность. - М.: Едиториал УРСС, 2004. -432 с

[124]. Щур, Г. С. Теория поля в лингвистике. / Г. С. Щур - М.: Наука,1974.-С.202-213.

[125]. Ярцева В.Н. Контрастивная грамматика / В. Н. Ярцева -М.: Наука, 1981.-111с.

[126]. Ярцева, В.Н. Историческая морфология английского языка/ В. Н. Ярцева – М.-Л.: Академии Наук СССР, 1960. - 196 с.

## II. Диссертации и авторефераты

[127]. Акуленко Л. Г. Выражение неопределенно-большого и неопределенно-малого количества в немецком языке: Автореф. дисс... канд. филол. наук. / Г. Л. Акуленко –Харьков,1982.-22с.

[128]. Бережанская И. Ю. Консубстанциональные термины в лингвистической терминологии английского и русского языков (сравнительный анализ): дис...канд. филол. наук: 10.02.20 / Бережанская Ирина Юрьевна. - М., 2005. -311 с.

[129]. Бочарова Е.С. Функционально-семантическое поле аппроксимации в современном английском языке. /Е.С. Бочарова: Автореф.дисс...канд.филол.наук.- Пятигорск, 2002.-С18

[130]. Букреева В.А. Функционально-семантическое поле единичности в современном английском языке. /А.В. Букреева Автореф.дисс...канд.филол.наук. М.1985

[131]. Григорьева. Е. А Структурные, семантические и синтаксические свойства фразеологизмов с компонентом числительным и его омонимами/ Е. А

Григорьева Автореф.дисс...канд.филол.наук.- Орел 1991 –С-23

[132]. Дизенко Н. Д Существительные с количественным значением в современном русском языке (семантика и синтаксическое функционирование) / Н. Д. Дизинко дисс..канд.филол.наук. М.1986- 206 с.

[133]. Джумаев А. Лексико-грамматические особенности нумеративов и нумеральных слов в таджикском языке. Автореф. дисс....канд. филол.наук.10.02.20 / А. Джумаев -Л.,-с.1987-23.

[134]. Жаботинская С.А. Числительные современного английского языка: К вопросу о категориальном статусе. Автореф. дисс...канд филол. наук. А. С. Жаботинская 1982-24с.

[135]. Игнатьева Э.В. Средства выражения количественных отношений в системе имени в структуре английского языка. Автореф. дисс...канд.филол. наук. Э.В. Игнатьева 1982.-С 18

[136]. Колесникова, Е.А. К проблеме становления русской лингвистической терминологии (вторая половина XVIII- первая треть XX вв.): лексикологический и лексикографический аспекты: автореф. дис...канд. филол. наук. А.Е. Колесникова -СПб., 2011. -22 с.

[137]. Маджидов С.Р. Приблизительное количество как языковая категория и способы его выражения в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ростов н/Д, 1995. – 20с.

[138]. Максимчук Н.Н. Система лексико-грамматических средств выражения количественных связей в структуре существительных: Дис. ... канд. филол. наук. – Луцк, 1975. – 189с.

[139]. Малыхина Л.Ш категория количества в английском, русском и таджикском языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Душанбе, 2011. 11с.

[140]. Миргородская В.Н Множество как семантическая категория в системе сложного синтаксического целого: автореф. дисс...др-а. филол. наук. - Краснодар,1995, 7с.

[141]. Науменко Н.И. Средства передачи значения размытого

количества именем числительным в современном английском языке. Автореф. дисс...канд. филол. наук. И.Н. Науменко Л., 1984, 19с.

[142]. Рустамов Ш. Имя существительное в современном таджикском литературном языке: Автореф диссе филол наук. Ш. Рустамов – Душанбе, 1972 с.

[143]. Семенова С. К. Система средств выражения функционально-семантической категории результативного состояния в современном немецком языке. / С.К. Семенов Автореф. дисс...канд. филол. наук Минск, 1977. с 2 2.

[144]. Стальмашевская Е.В. Однотипные лексико-семантические группы прилагательных со значением «большой» в английском и русском языках: / Е. В. Стальмашевская Автореф. дисс...канд. филол. наук.-М., 1973.30с.

[145]. Химик В. В. Количественность в структуре простого предложения современного русского языка: /В.В. Химик Автореф. дисс...канд. филол. наук. –М., 1978,-15с.

[146]. Худякова А.А Понятийная категория количественности и ее реализация в имени существительном и номинативном словосочетании: дис....канд. филол. наук.: -Л., 1990. -11 с

[147]. Чемерис, И. Б. Английская лингвистическая терминология: становление и эволюция: дис....канд. филол. наук: / Чемерис Ирина Борисовна. -М., 1999. -15 с

[148]. Чернюк И.И. Количественные градации в системе имен английского языка: / И. И. Чернюк Автореф. дисс. ..канд. фил. наук. –М., 1978.-20с.

[149]. [157]. Читалина Н.М. Значение имени существительного в форме единственного числа и его применение в различных синтаксических функциях в современном английском языке: Н.М. Читалина Атрореф. дисс. ...канд. филол. наук.-М., 1961.-16с.

[150]. Щебетенко Е. В. Группа квантификаторов как лексико-

грамматическая система выражения количества в английском языке: / Е. В. Щебетенко Автореф. дис., канд. филол. наук. .М,1977.-22с.

[151]. Щерба, Л.В. О частях речи в русском языке//Л. В. Щерба Языковая система и речевая деятельность. - М.: Едиториал УРСС, 2004. -432 с.

[152]. ЯЦУК Т.А. Семантическая характеристика группы кванторных слов в современном английском языке: / Т. А. ЯЦУК Автореф. дис... канд. филол. наук. –М., 1977.-24с.

### Статьи

[153]. Бондарко А.В. Аспекты системного анализа грамматических единств. Русистика: лингвистическая парадигма конца XX века. А. В. Бондарко //Сб. статей в честь проф. С.Г.Ильенко.-С.-Петербург,2000.-С.96-97.

[154]. Власова Ю.Н. Функционально-коммуникативное направление в языкознании и проблема перевода // Мир на Северном Кавказе через языки, образование и культуру (материалы I Международного конгресса 11-14 сентября 1996 г.) / Отв. ред. В.В. Лазарев. – Пятигорск: Изд-во Пятигорск. лингв. ун-та, 1998. – С. 72-81.

[155]. Гайнутдинова А.Г. Семантические особенности фразеологии русского и английского языков.// Г.А. Гайнутдинова Вопросы лингвистики-Душанбе: Изд-во Российского-Таджикского (славянского) ун-та, 2004,С.101-108.

[156]. Кубрякова Е.С. О типах морфологической членимости слов, квази-морфах и маркерах. Вопр. языкозн Е.С. Кубрякова - 1970.-№2.-С.78-90.

[157].Попова Т.Г Количественная и коммуникативно- типологическая парадигматика предложения // филологические науки. – 1998.- С 76-77

[158].Рычкова Е.Л. О способах выражения количественности в языке и речи.

[159]. Субич Виталий Глебович - Категория количества в арабском, английском и татарском языках. // Вестник Нижегородского Университета - 2013 –С-76

[160]. Тарасова, Е.В. Грамматико-лексическое поле как единица сопоставительного ареального анализа.//Е. В. Тарасова Вестник Харьков. ун-та. 1978.-Вып. 170.-С. 71-75

[161]. Урманцев Ю.А. Системная философия (пять этюдов)// Вестник Московского ун-та сер 7. Философия, 1999.- С 41- 70

[162]. Холодович В. А. Категория множества в японском языке в свете общей теории множества // А. В. Холодович Учен.зап. Ленинигр. ун-та- №69. – Сер. филол. наук.–Л., 1946, вып. 10.-С. 15-36.

### **III. ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА НА АНГЛИСКОМ ЯЗЫКЕ**

[163]. Adams, V. An introduction to Modern English Word-formation. - L.: Longman, 1973. -P. 21.

[164]. Armstrong, J.L. The Gerund in the 19-th Century English

[165]. Ball, A.M. Compounding in the English Language. N.Y., 1939

[166]. Barfield, O. History of English Words. London, 1954.

[167]. Bloch. B. and Trager, G. Outline of Linguistic Analysis. Baltimore, 1942.- P. 67-68.

[168]. Bloomfield, L. Language. New York, 1933, p. 178.

[169]. Bloomfield, L. Language. London, 1950, p. 161

[170]. Bridges, R. On English Homophones. «Society for Pure English». Vol. I, Tract 2. Oxford, 1919

[171]. Collins, Cobuild English Grammar – L.: Harper Collins Publishers, 1995 – 486p.

[172] Curme, G.O. English Grammar. - N.Y.: Barnes & Noble, inc, 1953. - 308p.

[173] Dik, S.C. Functional Grammar. – Amsterdam – New York – Oxford: North Holland Publishing Company. – 1979. – 230p.

[174] Dik, S.C. Studies in Functional Grammar. – L.: Academia Press, 1980. – 245p.

[175] Faltz, L.M. Towards a Typology of Natural Logic // Quantification in Natural Languages / Ed. By E. Bach, E. Yelinek, A. Kratzer, B.H. Partee. – Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1995. – P. 271-321.

[176] Foley, W.A., Valin R.D. van. Functional Syntax and Universal Grammar. – Cambridge: Cambridge University Press, 1984. – 416p.

[177] Gleason, H.A., Jr. Linguistics and English Grammar. – N.Y.: Holt, Rinehart and Winston, Inc., 1965. – 519p.

[178] Halliday, M.A.K. An Introduction to Functional Grammar. – L.: Edward Arnold, 1985. – 387p.

[179] Halliday, M.A.K. Explorations in the Functions of Language. – London: Edward Arnold (Publishers) Ltd., 1973. – 144p.

[180] Halliday, M.A.K. System and Function in Language. - L.: Oxford University Press, 1976. – 250 p.

[181] Higginbotham, J. Mass and Count Quantifiers // Quantification in Natural Languages. – Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1995. – P. 383-421.

[182] Hogg, R. M. English Quantifier Systems. – Amsterdam – New York – Oxford: North – Holland Publishing Company. – 1977. - 179p.

[183] Ilyish, B.A. History of the English Language. - L.: Prosveshcheniye, 1973. - 352p.

[184] Ilyish, B.A. The Structure of Modern English. –2<sup>nd</sup> ed. - L.: Prosveshcheniye, 1971. -378p.

[185] Jagger J.H. Modern English. London, 1925.

[186]. Jespersen O. Essentials of English Grammar-London: 1956.-388 p.

[187]. Jespersen O. A modern English Grammar on Historical Principles, vol.

1/

Copenhagen, 1949.

[188]. Jespersen, O. Essentials of English Grammar / O. Jespersen. -London: George Allen & Unwin, 1933. - 387 p

[189]. Jespersen, O. Growth and Structure of the English language. Leipzig, 1938.

[190]. Jespersen, O. Growth and Structure of the English Language. Oxford, 1935

[191]. Jespersen, O. The philosophy of Grammar. -London, 1935. -P. 313

[192]. Kellner, L. Historical outlines of English Syntax.- London, 1892.

[193]. Kennedy, A. G. Current English. -Boston: Ginn & Co, 1935. -737 p

[194]. [190]. Khaimovich, B.S., Rogovskaya, B.Y. A course in English grammar. M., 1967, p.221

[195]. Kimball, L.G. The structure of the English sentence. N.Y., 1960, p. 131-133

[196]. Koch, C.F. Die Satzlehre der englischen Sprache. 1865.

[197]. Koonin, A. English lexicology. Moscow, Text-Book Publishing House, 1940. -P. 115.

[198]. Kruisinga, R.A. A handbook of present day English. Part 2, Groningen, 1931, p. 283

[199]. Laziczius, J. La definition du mot. Cahiers Ferdinand de Saussure, 5, Geneve, 1945, p. 37.

[200]. Leech G. N. Towards a Semantic Description of English.-London:

Harlow, 1969.-277p.

[201]. Lehrer, A. Semantic Fields and Lexical Structure.-N.Y.: North-Holland

Publishing Company, 1987. – 110c.

[202]. Little W., Fowler H.W. Coulson J/The Shorter Oxford English on Historical Principles/1956.

[203]. Logeman, H. The rule of S. Benet. Edited with an introduction and notes

by H. Logeman. -London, 1983.

[204]. Mac Gawley G.D. Lexicographic Notes on English Quantifiers//  
Peper

from the Regional Meeting Shicago Linguistic Society.-Chicago, 1977.-P. 32- 383.

[205]. Marchand, H. The Categories and Types of Present-Day English Word-Formation, 2d Ed. Munchen, 1969.

[206]. Marchand, H. The Categories and Types of Present-Day Word Formation, p. 274.

[207]. Martinet, A.A Functional View of Language.- Oxford.: 1962.

[208]. Mathews, P.H. Morphology. An Introduction to the Theory of Word-structure. - Cambridge: CambridgeUniversity Press, 1974. - 253 pp.

[209]. Meillet A. Linguistique historique et linguistique generale. -Paris: Hachette, 1938, t.2.

[210]. Menner, R. J. The conflict of Homonyms in English . «Language», vol. 21,2. 1936.

[211]. Nesfield, J.C. Historical English and Derivation. London, 1931

[212]. Nida, E.A. Morphology. The Descriptive Analysis of Words.]-  
University of Michigan Press, 1946.C. 82.

[213].Palmer, L.R. An introduction to Modern Linguistics. -London, 1936, p. 79.

[214]. Richards, J.C., Schmidt, R. Longman Dictionary of Language Teaching

and Applied Linguistics text. / J.C. Richards, R. Schmidt. London: Pearson Education Limited, 2002. - 606 p.

[215]. Sapir, E. Language. New York, 1921, p. 35.

[216]. Sweet, H. A new English grammar, logical and historical, vol. I. - London:

Clarendon press, 1900. -P. 35-38; 50-52

[217]. Sweet, H. The Practical Study of Languages: A guide for teachers and learners / H.A. Sweet. - London: Bibliolife, 2014. -308 p

[218]. Ulmann, St. The Principles of Semantics. Glasgow, 1951, p.30.

[219]. Emomali Rahmon “Tajiks in the mirror of history ” London River Editions , 2001

[220]. Sadriddin Aini “The Sands of Oxus” /Boyhood Reminiscences of Sadriddin Aini/ translated from the Tajik Persian with an introduction by John R. Perry and Rachel Lehr «Mazda Publishers» , 1998- C-277

#### IV. СПРАВОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

[221]. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов// О. С. Ахманова Изд. 5-е. -М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. -576 с.

[222]. Даль В.И. Толковый словарь великорусского языка/ В. И. Даль – : АН СССР, 1989. – 799 с.

[223]. Джамshedов П.Дж. Таджикско-английский словарь / Дж. П. Джамshedов - Душанбе 2008 г. 978 с.

[224]. Кунин, А.В. Англо-русский фразеологический словарь / А. В. Кунин-М.: Госиздат ”Сов.энциклопедия” , 1967.-1264с.

[225]. Махмадназаров Абдусалом. Словарь английского и таджикского языков. / А. Махмадназаров Душанбе 2011 г. -1015с.

[226]. Русско-таджикский словарь.-М., 1985.- 1025с

[227]. Рустамов М. Таджикская грамматическая терминология. М. Рустамов – Д.: Дониш, 1972. -124 с.

[228]. Таджикско-русский словарь. В 2 т.-Душанбе, 2005-2006.

[229]. Fowler H.W. A Dictionary of Modern English Usage. Oxford, 1957

[230]. A dictionary of linguistics and phonetics. Fourth edition. - USA: Blackwell Publishers Ltd, 1997. - 426 p.

[231]. Crystal, D. A. A dictionary of linguistics and phonetics. -Oxford: Blackwell, 2008. 6th edn. -529 pp.

[232]. Oxford Dictionary of Current English. Fourth edition. - Oxford. Oxford University Press, 2006. -1081 p.

#### **IV. Электронный ресурс**

[233]. Электронный словарь ABBYY-LINGVO x 5.\ Многофункциональный словарь с интерактивными возможностями. Москва 2011.

#### **Основные содержание исследования опубликованный в журналах, входящих в перечень ВАК при президенте Республики Таджикистан и ВАК Российской Федерации**

[1-А]. Хасанова Г.И. Способы выражения множества в английском и таджикском языках. Хасанова Г.И \\\ Вестник Таджикского Национального университета. – Душанбе: «Сино», 2012, № 4\3 (88) - С.109 -114.

[2-А]. Хасанова Г.И Способы выражения приблизительного количество в таджикском и английском языках. Хасанова Г.И \\\ Вестник Таджикского Технического университета.– Душанбе: «Шинос» 2012, № 4 (20) –С.151 -154.

[3-А]. Хасанова Г.И Фразеологизмы с компонентами числительными в английском и таджикском языках\ Вестник Таджикского Национального университета.– Душанбе: «Сино» 2016, № 4\4(206) -С.124 -128

[4-А]. Хасанова Г.И К вопросу нумеративах в таджикском и английском языках. Хасанова Г. И \\\ Вестник Таджикского Национального университета.– Душанбе: «Сино» 2016, №4\3 (203) - С.64 -69

А также другие издания

[5-А]. Хасанова Г.И . Числительные образованные от существительных \\\ материалы V-й международной научно практической конференции\ Перспективы применения инновационных технологий и усовершенствования технического образования в высших учебных заведениях стран СНГ. Ч 1. Душанбе: «Шинос» 2011, ТТУ- С.43-46

[6-А]. Хасанова Г.И Сопоставительный анализ собирательных существительных в английском и таджикском языках. Хасанова Г.И \\\ материалы V-й международной научно практической конференции\

Перспективы применения инновационных технологий и усовершенствования технического образования в высших учебных заведениях стран СНГ. Ч 1. Душанбе: «Шинос» 2019, ТТУ с.441

[7-А]. Хасанова Г.И Процесс заимствования существительных в английском и таджикском языках\\ материалы V-й международной научно практической конференции\ Перспективы применения инновационных технологий и усовершенствования технического образования в высших учебных заведениях стран СНГ. Ч 1. Душанбе: «Шинос» 2019, ТТУ -С.444